

АДАМ МЕКЕБАЕВ

ТАЙНИК В СТЕПИ

(РОМАН)



АДАМ МЕКЕБАЕВ



**ТАЙНИК
В
СТЕПИ**

(РОМАН)

Перевод Аслана Жаксылыкова

АЛМАТЫ

2020

УДК 821.512.122

ББК 84(5Каз)

М 46

*Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности
сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация
казахстанского культурного наследия
и повышение эффективности реализации архивного дела»,
по подпрограмме «Приобретение, издание и распространение
социально-важных видов литературы»
Комитета языковой политики
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан*

Мекебаев А.

М46 Тайник в степи. Роман / Перевод с казахского языка Аслана Жаксылыкова. - Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2020. - 256 стр.

ISBN 978-601-217-676-6

В романе «Тайник в степи» описываются трагические события, происходившие в далекие тридцатые годы в казахской степи, когда казахский народ оказался в тисках голодомора, явившегося следствием тоталитарной политики Сталина. Благодаря умению писателя воссоздать подлинную картину происходящего, пропустив его через свое сердце, мы можем наглядно представить себе это нелегкое время, нашедшее отражение в романе.

УДК 821.512.122

ББК 84(5Каз)

ISBN 978-601-217-676-6

© ТОО РПИК «Дәуір», 2020

Часть первая

Глава первая

Он знал, что ни жена, ни сын, ни сам он не доживут до конца этого дня. Та благополучная жизнь, то время, когда даже морды аульных псов лоснились от жира, продлилась до 1925 года, она не затянулась надолго, в этот год было отменено старое волостное правление, и Туктибай потерял должность писаря. Летом 1928 года степь дымно забурлила от тревожных слухов, предвещающих народу бедствия и горести. Многие баи, особенно те, кто имел тысячные отары и табуны, напуганные разорительной политикой советской власти, спешно снимались с обжитых мест, чтобы перегнать скот подальше за кордон.

Прежний волостной Байбол прислал к Туктибаю человека с вестью:

- Скажи Туктибаю, чтобы не медлил, уходил вместе с нами.

Однако Туктибай не последовал за Байболом, и на то была причина. Ведь Байбол, сообразив, что не миновать ему беды, если не унесет ноги, ударился в бега после того, как был арестован и заключен в тюрьму его брат, Жарбол, обвиненный в связях с английской разведкой, во враждебной деятельности против большевиков. В глубине души Туктибай надеялся на то, что власти не забудут, что он был писарем в бедняцком волостном правлении и имеет заслуги.

Осенью того года мирная жизнь казахской степи была нарушена, все было перевернуто вверх дном. Глазам степняков предстала небывалая картина. Властители прежних аулов, державшие в узде целые племена, степные воротилы, не признававшие ни Бога, ни черта, понурые и поникшие, плелись впереди конвоиров, ведя вереницы потрепанных кочевий к урочищам Коктюбе, чтобы в сутолоке и спешке ставить там свои юрты.

Согнанный со своих пастбищ раньше срока бесчисленный скот, собранный в окрестностях Коктобе, поднял пыль до небес, вытаптывая траву. От многоголосого рева, мычания, блеяния, ржания животных у людей кружилась голова, закладывало уши.

Снятый с должности писаря Туктибай, напоминающий укрощенного саяка-жеребца¹, все же попытался привлечь внимание кемсомола, актевеса², охрипшего от крика и слегка ошалевшего от скачки от кочевья к кочевью.

Что за столпотворение? - поинтересовался он, однако джигит, направлявший караваны в назначенные места, не в состоянии придержать коня даже на минуту, проорал ему в ответ:

Конфискуем скот степных феодалов - алпаутов³, раздадим его беднякам, у которых столько лет пили кровь, самих баев выселим. Организуем калектеп³.

И в голосе жигита звучала неподдельная гордость человека, замахнувшегося на большое, невиданное дело.

Слова кемсомола оказались не бахвальством. Через три дня вышло постановление, решающее судьбу восьми баев, причисленных к коктюбинскому аульному совету: «Имущество и скот баев должны быть розданы беднякам, сами они немедленно сосланы».

И долго потом звучали отголоски надрывного плача жен и дочерей баев, которых насильно сажали в телеги, чтобы увезти их подальше от родимой, отчей земли. Казалось, хмурилась, тоскуя, сама степь.

В 1929 году советская власть взяла в железный оборот середняков и баев-кулаков. Тех, кто был против коллективизации, прижимали к ногтю, конфискуя крупный скот и мелкую живность, перегоняли тысячные гурты, чтобы сдать на мясо. На этот раз не уцелели даже те, кто числился до Октябрьской революции среди бедняков, в годы же НЭПа разжился неплохо кое-каким скотом.

Какие только налоги не появились в тот год! Чувствовалось, что оставшийся во дворах кое-какой скот доживает последние дни. А воля верховных властей по-прежнему была неумолимой, дескать, проведем в казахском ауле Малый Октябрь. И казахи, и основном собственники-середняки, для которых скот испокон веков был пищей, служил для верховой езды, был тягловым средством, и который обменивался на одежду, придя в ужас от происходящего, кинулись прочь с родной земли, ища спасения па чужбине.

¹ Саяк - дикий, неприрученный жеребец на вольных выпасах.

² Кемсомол, актевес - так произносили эти термины казахи первой половины XX века.

³ Калектеп - коллектив в казахском произношении.

Но властям оказалось не по душе бегство кочевников. Оно направило по их следам войска. Пойманные были брошены в тюрьмы, те же, кто осмелился оказать сопротивление, омылись кровью.

Осенью 1929 года Туктибай попал в список баев-кулаков, чье имущество подлежало конфискации. И тогда, спасаясь от суда и раскулачивания, оставил он старое стойбище и перебрался на расстояние однодневного перехода в аул из десяти-пятнадцати домов, где находилась вновь образованная артель бедняков. В 1930 году вместе с коллективом немного возросшей артели он принял участие в посевной. Чтобы избавиться от жалящего, опасного ярлыка «бай-кулак», трудился не покладая рук, не щадя живота своего. Все же не удалось ему заработать славу честного, простого трудяги. Начальники по-прежнему обвиняли его в старых грехах, мол, «будучи писарем, пиявкой безжалостно сосал кровь трудового народа».

В конце концов, был он осужден и оказался в тюрьме Ак-Мечети. Он понял, что если будет бездействовать, то окажется в бездне, а откуда возврата нет. Стал искать знакомых. Нашел кое-кого. Переговорил кое о чем. Принял решение. Дома у него в тайнике были припрятаны два золотых браслета, которые он получил от одного бая в виде платы за услуги писаря. Тайком отправил домой человека, который привез их, и через него же передал один браслет судье, другой - начальнику тюрьмы. Так, через одиннадцать месяцев в октябре 1931 года Туктибай с трудом вырвался на свободу. Три дня он добирался пешком от акмечетской тюрьмы до колхоза «Бозарык», отошал, оголодал в пути, еле доплелся до дома. Жена его и сын, как оказалось, обнищали: бродили от аула к аулу, прося подаяние. Десятилетний сын Ердаулет, узнав отца, бросился к нему, прильнул, да так, что не разжать было детских объятий, и сквозь рыдания жалобно пролепетал: Коке, больше не уходи, не оставляй нас. Начальники не дают покоя, что ни день - обвиняют, бьют нас, матерят.

Хватит, сынок, - прервал его Туктибай. Почувствовав, как задрожало все внутри в жгучей волне, нахлынувшей на него, он посуровел, не желая поддаваться слабости.

Вместо того, чтобы проливать слезы, жигит должен искать выход из трудного положения, - добавил он.

Успокоив сына и взяв себя в руки, Туктибай повернулся к жене. Сырга выглядела исхудавшей, больной, одежда на ней висела тряпьем. Обменявшись по своей привычке скупым салом⁴, они взяли Ердаулета за руки и направились к юрте, уютившейся на самом краю нового аула.

На этот раз Туктибай был близок к решению об окончательном отъезде из отчих краев. Однако, как выяснилось, ушло в прошлое то время, когда он мог действовать, как задумал. Имело ли смысл заводить речь о переезде, если во дворе не осталось даже захудалой коровенки, чьим молоком можно было бы поддерживать силы, или лошадей, которых, затянув подпругами, можно было запрячь для работы. Еще в тюрьме Акмечети доводилось слышать ему о новом указе, по которому якобы требовалось собрать весь скот в одном месте. На самом деле, в аулах это уже осуществлялось с огромной энергией и размахом. Первые же волны акции, заставившие содрогнуться даже середняков, не хуже черной бури ударили по семье Туктибая, осужденного как байско-кулацкий элемент. От жалкого скота, одной лошади и семи-восьми овец и телков, которые до его ареста уцелели от конфискации и налоговых сборов, в загоне ничего не осталось. В загонах царил пустота.

И тогда Туктибай понял, что это начало бедствия, которое превзойдет все другие. С утра до вечера актевесы занимались тем, что помечали крупы животных раскаленным тавром в виде креста и молота, косяк за косяком, гурт за гуртом угоняли в районный центр, чтобы сдать на мясо скот всех четырех видов, собранный с жайляу. Каково же было Туктибаю видеть все это богатство, в то время как ему приходилось из кожи вон лезть, чтобы добыть хотя бы кусок черствого хлеба для пропитания своей семьи. Как-то вечером Сырга сказала измученному, обессиленному, вернувшемуся домой из артели мужу:

Отец Ердаулета, похоже, кое-кто из аульчан, оставив родные места, потихоньку перебираются в дальние края. Не собратся ли с Богом в дорогу и нам, пока на дворе тепло и земля сухая?

⁴ Салем - приветствие казахов.

⁵ Атала - мучная похлебка на воде.

Разумно ли слепо следовать за потерявшими рассудок людьми, бегущими куда глаза глядят? — сказал хмуро Туктибай. - Я и сам сейчас не против бежать из этих мест, но как?.. Снявшись с места, далеко ли уйдешь без денег, без запаса еды? И кому ты будешь нужен? Лучше нам подождать, вдруг судьба сложится по-другому. Говорят, на безрыбье и рак рыба, вдруг терпеливому воздастся хоть малой долей.

Вскоре один случай открыл глаза Туктибаю на то, что до сих пор есть люди, которые из кожи вон лезут, заботясь о выживании. Спасая свои семьи от предстоящей долгой зимы, а также не желая зря отдавать остатки имущества властям, кое-кто принялся тайком от актевесов резать скот и заготавливать мясо. Не взирая на то, что до холодов было еще далеко и свежее мясо могло протухнуть, они пользовались любым удобным случаем, чтобы сделать запасы. И делали они это тайком.

Туктибай, поняв это, решил прочесать самые укромные места степи: авось ему улыбнется удача. Он надеялся найти кем-то спрятанный скот и угнать его в другое место, или, обнаружив замаскированное мясо, перетаскать его поближе к своему дому. Таким образом, разжившись добром, встать на ноги и собраться с силами. С утра до вечера рыскал он по степи, обшаривая овраги, кустарники, однако, ни скота, ни мяса так и не нашел.

Когда, едва волоча ноги от усталости, он вернулся домой, было уже за полночь. Сырга так и не сомкнула глаз, ожидая его. Она поднялась, помогла ему раздеться. Затем прилегла на постель, укрывшись теплым одеялом. С виноватым видом она прошептала ему, боясь разбудить сына:

Знала, что ты вернешься голодным и изнуренным, однако, ничего не смогла приготовить тебе на ужин. Дома хоть шаром покати. Накануне днем Ердаулет долго хныкал, ходил по пятам, прося что-нибудь поесть. Сам знаешь, найдется ли в краях наших душа, способная, не говоря уже о том, чтобы помочь, но и просто тепло глянуть на нас. Поэтому, завязав гордость потуже в узелок, направилась к Жиенкулу.

К какому Жиенкулу? К этому долговязому, что ли?

Да, - коротко ответила Сырга. Разве сейчас время, когда ищут пропавшую человечность? Но что делать, если сам Бог вынуждает идти на поклон к тем, которых раньше на порог не пускали, - тоскливо прошептал унылый Туктибай и вдруг сменил тон. - Если ты ходила к Жиенкулу, тебе пришлось пройти изрядный путь. Правду ли говорят о нем, что живет в одиночку со своей семьей в брошенной зимовке Татима?

-Да.

Что же заставило беднягу отделиться от людей?

Похоже на то, что прячется от актевесов, вынюхивающих любой дымок из очага.

Но он же бедняк голопузый!

Ну и что, что бедняк?.. Актевесы уже давно как перестали различать, где бай, а где бедняк. Возможно, возможно... Это же семья, которая перебивалась с хлеба на воду, питалась похлебкой да аталойб, в поте лица трудилась, гробила себя на поле, сея и выращивая зерно. С каких это запасов потчевать - угощать им дармоедов-акте-весов?

Если бы, набив пузо, отваливали бы себе восвояси - хвала Всевышнему. У них же правило — дай, что есть у тебя, если нет - найди хоть из-под земли. Если не нашел, считай - пропал, ты первый враг им. Поставишь перед ними чашку - схватят за шиворот: «Где взял муку, которой заправил эту аталу?» Скажешь правду - заберут все, помрешь с голоду; обманешь - упрячут в тюрьму. Знаю я: пока не разорят они семью, над чьим очагом пахнет съестным, не успокоятся. Как после этого не схорониться человеку, у которого нет возможности убежать подальше от этих мест? Что и говорить, - кому какое дело до того, где решил перезимовать человек? Все же сильнее каленого железа обожгло меня другое. Когда я пришла с просьбой, мать Жиенкула даже бровью не повела, будто не видела меня. Чего не скажешь о жене Жиенкула, Зауре, та хоть суетилась для вида и вынесла махонький ломоть хлеба, - Сырга вздохнула, с трудом справившись с удушьем, перехватившим горло, затем, словно объясняя, сказала. - Тот ломоть весь отдала Ердаулету, не хватило духу оставить кусок тебе.

Зачем это говоришь, Сырга? Не лучше ли мне провалиться сквозь землю, чем отнимать у единственного сына последнюю еду? Другое сейчас гложет мою душу, не печаль-забота о спасении тебя или самого себя, - Туктибай, стиснув зубы, проговорил, задыхаясь. - Доберусь до этой цели я или уйду из этого мира безутешным - вот что отравляет мою душу.

Что это за забота, которая Вас так мучает, о чем Вы говорите?

Будущее Ердаулета. Это мысль о спасении единственного сына от голодной смерти, которая драконом неотвратимо надвигается на казахские аулы. Это и было причиной того, что старался сделать все, чтобы скорее вырваться из тюрьмы. Однако я не в состоянии накормить его досыта. Сам ведь скитаюсь в лютой тоске.

То ли хотела Сырга утешить грустного мужа, то ли выскочило у нее то, что было на уме, она торопливо заговорила о сыне:

Ердаулет перед сном все время спрашивал о тебе.

Туктибай, и без того удрученный скорбью, печально вздохнул. Казалось, черное пламя отчаяния вырвалось вместе с этим вздохом:

Ну, как не ждать отца голодному ребенку? Жеребеночек мой, ведь он видит во мне опору величиной с гору, великую душу. Откуда ему знать, что отец обратился в иссохший призрак, скитающийся по степи. Оказывается, конец света - это когда ни за какие труды не найти человека, который подаст тебе кусок хлеба. Сейчас готов я продаться в рабство любому, кто предложит мне еду и работу. Был бы народ милосердным, не постеснялся бы я ходить с протянутой рукой. На все готов, лишь бы вырвать сына из пасти голода. Эх, судьба, кто бы мог подумать, что в степи иссякнет исток жизни - сердобольность; что казахи дойдут до такой убогости, что не смогут милосердствовать нищим, скитающимся в поисках куска хлеба!

Отец Ердаулета, перестаньте, я боюсь!

Не от хорошей жизни говорю это, горит в огне все мое нутро... Эх, бедная моя голова, чем так бедствовать, лучше бы внял я зову Байбола, ушел бы вместе с ним в чужую страну. И сейчас готов я податься в бега, лишь бы в руки попали серебро, золото, драгоценные камни, чтобы обменять на еду по дороге. И тогда мой единственный отпрыск не лежал бы такой жалкий, скрючившийся от голода. И Туктибай, словно волк, куснувший собственную рану, в тоске издал протяжный стон, и снова замер. Ердаулет же, будто давая знать отцу, что долго плакал перед сном, беспокойно захныкал, повернулся на другой бок и снова уснул. Словно лишенная всякого дыхания, безмолвствовавшая Сырга вдруг горестно вздохнула. Ветер же, внезапно поднявшийся снаружи, зашумел, стеная, завыл, словно голодное существо, бьющееся в отчаянии о стенку, так и не нашедшее ни убежища от непогоды, ни крохи еды, чтобы утолить лютый голод.

Глава вторая

Туктибая, одиноко блуждавшего в безлюдной дикой степи, объял темный страх. Морозный озноб то и дело пробегал по телу, будто погибель уже нависла над его семьей, а шедшие по пятам актевесы уже выследили его. Вдруг, мысли, которые столько дней терзали его душу, сложились в ясный вывод: «Это время тех, у кого в руках власть и кто может диктовать свою волю другим. И только тот, кто может запугать других, как это делают начальники, получит что-нибудь в свои руки. Иначе дни твои обратятся во мрак, пропадешь пропадом». Однако кого ты в силах запугать? Председатель колхозного правления тебя не испугается. Аульный совет тем более. Начальников за горло не взять. Испугаются ли трудяги, вышедшие из вчерашней голытьбы, бывшего писаря волостного правителя, клейменного как байско-кулацкий элемент? Да, да, нашел... Если есть человек, который боится его, то это, конечно, Оримбай, в прошлом бий. Этот бедняга, по слухам живущий на отшибе от всех, в одном переходе от Туктибая, трясется при виде любой тени, тем более, если покажется представитель власти, этакий горлопан, твердо стоящий на земле. Поэтому не смог ужиться в ауле ни со своим народом, ни с калектепом. Правда, прошел слух, что актевесы не оставили в его дворе даже паршивого ягненка, забрали все подчистую. Тем не менее ошибаются те, кто думает, что старый хрыч не припрятал что-нибудь на черный день. Если удастся нагрянуть и застигнуть врасплох Оримбая и напугать его хлесткими словами, и если тот растеряется, Туктибай тут же вцепится в него клещом и больше не отстанет.

Поняв свою задачу, Туктибай, уже не сомневаясь, в среду последней недели октября 1931 года вышел в дорогу. Утомленный долгим переходом, толкнув дверь, вошел он в дом Оримбая. Двое-трое детей, притулившись у очага, грелись у огня, сам Оримбай со своей

старухой сидел на торе, они что-то обсуждали приглушенными голосами. После обмена короткими приветствиями Туктибай попросил бая выйти во двор для разговора.

Было время ранних сумерек. Вокруг царила вечерняя тишина, слышалось только поскрипывание совершенно безлюдных кустарников. Тем не менее Туктибай заговорил с Оримбаем шепотом:

Омеке⁵, я пришел к Вам с безрадостной вестью.

Что это за весть? - встрепнулся Оримбай, дрогнувший голос выдал его испуг.

Власти узнали, что у Вас есть припрятанный скот, который Вы утаили от конпеске⁸, — сказал Туктибай и, нагнетая впечатление, добавил. - Говорят, что надо полностью уничтожить байско-кулацкий элемент.

-Кто?

Аульные начальники.

Ойпырай⁹, они хотят известить нас под корень! - Оримбай, забыв про осторожность, завыл во весь голос, нарушив чуткий покой дремлющей окрестности. - Правду говоришь, Туктибайжан, правда это?

Да. Только говорите тише. Ведь время такое — даже у кустов есть уши. Если до властей дойдет весть о нашем разговоре, не миновать нам обоим каменных застенков.

Душа огнем горит, поэтому не выдержал, - Оримбай снова перешел на шепот. - Теперь скажи мне, от кого ты слышал это?

От кемсомолов. Двое-трое стояли как-то, переговариваясь, я проходил мимо, уловил краем уха.

И о чем говорили эти проклятые?

Что еще скажут? Надо, дескать, конфисковать припрятанный скот прихвостня волостного, Оримбая, а самого загнать подальше в Сибирь. Услышав это, я не выдержал - со всех ног кинулся бежать к вам. Какое-то время Оримбай молчал, словно язык отказал ему, затем он спросил:

Говорили, завтра придут?

Да, завтра, - Туктибай, поняв по голосу, что Оримбай ошеломлен и загнан в угол, и что он, скорее всего, попросит помощи, словно решив набить себе цену, иначе все его усилия пойдут прахом, сказал:

Ну, Омеке, я выполнил свой долг, теперь разреши мне удалиться, - сказал он. Оримбай, как и предполагал он, умоляюще зашептал:

Подожди, есть дело, посоветоваться надо...

Чем больше унижался Оримбай, упрасывая его, тем более важничал Туктибай:

А что если я загляну в следующий раз?

Нет-нет, нельзя откладывать. Очень спешное дело, - Прослышавший когда-то чванливым бием, Оримбай торопливо бубнил что-то у самого уха, и Туктибай ясно чувствовал его спертое, жаркое дыхание.

Если актевесы сядут на коней раньше меня, считай, пропала моя головушка... Разговор вот о чем: кемсомолы говорили правду. Хотя я почти все отдал в общий котел, осталась у меня укрытой от посторонних глаз телка-двухлетка. Не ради поминок по отцу, а на случай голодных времен, чтобы было чем питаться деткам моим. С таким вот расчетом... Однако эти кемсомолы, словно ищейки, вынюхивая утаенное, узнали про это. Если срочно не уберу с глаз долой телку, то завтра будет поздно - придут по мою душу. Чем отдавать врагу скотину или хранить себе на беду, лучше прирезать ее... Туктибай, первым делом спасибо тебе за то, что предупредил меня. Да и кто может сказать, что припеваючи живешь ты. Ведь вчера только вернулся из тюрьмы. Родичи твои, вроде должны помочь, сами едва живые, кругом одна голытьба, - судорожно, словно заплаканный ребенок, вздохнув, Оримбай продолжил свою исповедь. - Я сам не в лучшем положении. Однако как мне оставаться в стороне, когда близкие твои положили зубы на полку. Считай, что это моя помощь тебе в трудной ситуации. Помоги мне зарезать и разделать телку, за это можешь взять одну ляжку. Оримбай явно жадничал, и Туктибай не мог скрыть разочарования по поводу своей доли.

Рахмет, — сказал он холодным голосом. - К чему вам возлагать на меня такие хлопоты за три косточки с мясом. Пора мне в путь-дорогу.

¹ Омеке - уважительное обращение к старшим, имя произносится сокращенно.

⁵ Казы-карта - мясные деликатесы из конины.

Это что за разговоры? Или тебе этого показалось мало? - Оримбай помедлил, ожидая ответа, затем продолжил. - Молчишь? Хорошо, я понял. Тогда возьми половину мяса. На все воля Бога, говорят, от начертанного судьбой не уйдешь. Посмотрим, что несет нам будущее.

Туктибай сразу же понял Оримбая, его щедрость была продиктована простым страхом, из которого и вытекала осторожность: мол, если Туктибай уйдет обиженным, он может донести начальникам, и я, пожадничав, желая оставить все мясо себе, не окажусь ли среди сосланных в ужасную Сибирь как вражеский элемент, противостоящий советской власти. Туктибай ждал именно этого. Помявшись для виду, в конце концов, дал он согласие.

Умиротворенный Оримбай с проворством жигита нырнул в дверной проем, вернувшись, он с довольным видом сказал:

Ну, пошли.

Глава третья

Несмотря на поздние сумерки, Оримбай и Туктибай пробирались по бездорожью, вздрагивая при любом шорохе, оглядываясь на любую тень: они шли по пустошам, кустарникам, переваливали через барханы, вброд переходили речки. Наконец оказались у какой-то старой, заброшенной зимовки. Обшаривая стены, они нашли ветхую дверь, открыли ее, переступили через порог. Оримбай вытащил спички, зажег фитильную лампу.

Не бойся, в этих краях нет ни души, - сказал он. - Опустел край. Зажиточных сослали, их детей и родичей разорили и прогнали вон. Бедноту, оставшуюся в ауле, два месяца назад переселили, мол, войдете в колхоз.

Теперь я понял, - сказал Туктибай, осматривая помещение, залитое полумраком. - Если не ошибаюсь, это зимовка бая Мынжасара.

Верно. Наверное, гостевал не раз под этим шаныраком, угощался казы-карта10, отвеживал баранью голову.

Э-э, что и говорить!

Оримбай, ни слова не говоря, вышел, вскоре вернулся, ведя светло-рыжую телку. Полумрак, создаваемый слабым огнем керосиновой лампы, нисколько не мешал им. Засучив рукава, они сноровисто принялись за работу. Вымя у бедной, обреченной скотинки было набухшее, значит, коровенка скоро должна была отелиться. И хотя жалко было им животное, повалили они его и зарезали. Когда содрали шкуру и распороли живот, из дымящегося чрева вывалился теленок.

Туктибай, выполняя просьбу Оримбая, выволок теленка наружу. Двигаясь в темноте наугад, нашел во дворе какое-то дерево и принялся разгребать землю под ним. Земля была рыхлой и хорошо поддавалась. Тем не менее Туктибаю пришлось изрядно попотеть, чтобы вырыть яму. Он побоялся оставить тушу не присыпанной землей, опасаясь, что утром воронье, почуявшее запах мертвечины, слетится с округи, будет кружить в воздухе, и тогда актевесы, следящие за местностью с холмов, почуют неладное и прискачут сюда. Если они унюхают что-то, обшаривая зимовку, могут наткнуться на следы и по ним направить своих коней, чтобы добраться до жилья виновников. Разве не вернут Туктибая в застенки горлопаны-начальники, зло косящиеся на него, будто тем самым уменьшил он их достояние ровно наполовину с той самой поры, как возвратился он домой? Не миновать тогда ему тюрьмы.

Закончив свое дело, притоптав землю, он зашел в зимовку. С ходу принялся пособлять Оримбаю разделять тушу: делить позвоночник, ребра, расчленять по костям переднюю и заднюю части туши. Через некоторое время, поделив все мясо поровну, Оримбай, показывая пальцем на кучу мяса, сказал:

Выбирай, какая по нраву. Только должны мы поскорее убраться отсюда. Было бы хорошо, если до рассвета каждый из нас оказался в своем доме, тогда аульные актевесы не заметят нас.

Думал ли Туктибай, собираясь к Оримбаю, о такой Богатой добыче? Такое ему и во сне не снилось.

Куда мне это унести? - терзаясь сомнениями, спросил он. — В аул унесешь - нарвешься на беду.

И не думай! - запричитал Омирбай. - Погонят тебя впереди коня, угощая кнутом, подохнешь почем зря. Слушай мой совет: сложи пока мясо в мешок, отнеси в одну из этих зимовок и хорошенько спрячь.

Потом?

Днем, дома, обмозгуй все тщательно. Найдется ли в колхозе такой родич, чье сердце обливается кровью при мысли о тебе? Нет. Это такие волки, стоит им узнать о мясе - голодными зверями накинута, чтобы вырвать его из твоих рук. Не говори, что не предупреждал тебя. Если не будешь себе на уме, рано или поздно жадным вороньем накинута на тебя алчные акте-весы, и тогда сегодняшние дни покажутся тебе раем. Разбросают косточки по земле, прах развеют по ветру.

Я и сам хорошо это вижу, - эти слова так живо откликнулись в душе Туктибая, что он разволновался, откровение полилось из него потоком. - Однако какой толк в том, что вижу это. На что может рассчитывать бедняга, у которого нет повозки, нет еды на дорогу, чтобы убраться подальше отсюда?

Если не можешь уехать подальше, пока отделись от колхоза, обоснуйся на отшибе в одиночестве. Если есть что-то в избытке в этих краях - так это брошенные, как эта, зимовки. Найди одну из таких, поселись. Если сгинешь на время с глаз долой, возможно, забудут они о тебе. На отшибе твоя семья сможет питаться этим мясом, и не думай, что в колхозе ты сможешь в одиночку делать это. Пока следуй моему совету, потом судьба покажет, что делать дальше.

Туктибай не стал торопиться с ответом Оримбаю и молча принялся за дело. Свою долю мяса разместил в двух мешках. На освежеванной шкуре оставил только кусок мякоти. Затем перенес один за другим мешки с мясом в соседний сарай, спрятал в дальнем углу и тщательно замаскировал.

Закончив свое дело, вернулся в зимовку. Глядя на Оримбая, воровски копошившегося в тусклом свете лампы, понял, что тому неприятно его присутствие. «Желает, чтобы я оставил его, — подумал Туктибай. - Ладно, не буду мешать бедняге. Пусть прячет без свидетелей и успокоится на этом».

Туктибай нагнулся, чтобы взять со шкуры оставленный кусок мяса, однако, его остановил Оримбай, который искоса следил за его действиями.

Брось, - сказал он, подняв голову. - Нарвешься на беду. Ты ведь не простой человек, не из голытьбы. Ты человек, к которому прилип ярлык писаря волостного правления. Поэтому каждый твой шаг отслеживают. Возможно, ты не знаешь этого. Ведь почти год ты был в тюрьме. С тех пор многое изменилось.

Сейчас каменсыб, кемсомолы, актевесы следят не только за каждым шагом человека, но и вынюхивают, чем пахнет дым из его печной трубы.

Слышал.

Если слышал, хорошо. Будь осторожен. Если актевесы что-то заподозрят, они не отстанут от тебя. Пока не отправят на тот свет, не успокоятся.

Когда Туктибай, оставив мясо, выходил из дома, Оримбай напоследок дал еще один верный совет:

По дороге домой остановись у озера, смой кровь с лица, рук, почисти одежду, сапоги.

В непроглядной темноте Туктибай кое-как добрался до ночного озера. Выполняя совет Оримбая, тщательно смыл с себя кровь. Потом, припомнив нелегкую тропу от Бозарыка до самой зимовки Мынжасара, по которой не раз хаживал когда-то, продолжил свой путь. Пробираясь во мраке, он вдруг вспомнил о куске мяса, оставленном на шкуре. И как только подумал, что не раз придется его жене и сыну, подобно жалким попрошайкам, заглядывать в двери Жиенкула, голодранца, который раньше считал за честь отдать салею ему, Туктибаю, горечью обожгло его сердце. В мрачном настроении дошел до окраин колхоза «Бозарык». Прокравшись среди кустов, добрался до своего дома. Сырга поднялась навстречу и помогла раздеться. Туктибай спросил у нее:

Ребенок плакал?

Долго не мог уснуть.

Ребенок же, голодный еще, - прошептал Туктибай. - Потерпите сегодня. Если повезет, завтра вдоволь насытитесь мясным бульоном.

⁶ Каменсы - коммунисты.

Да, - ответила Сырга мягким голосом. - Видимо, недолго осталось ждать. От тебя пахнет свежим мясом.

Глава четвертая

Туктибай, совершенно обессиленный, уснул мертвецким сном. Проснулся от дразнящего запаха, который мог бы свести с ума без того голодного человека. Открыв глаза, увидел, что давно уже рассвело. В приоткрытую дверь юрты сквозил студёный осенний ветерок. В центре жилища теплился очаг. Сырга сидела рядом с очагом. Закутанный в одеяло Ердаулет, вытянув тощую шею, внимательно наблюдал за тем, как мать разгребает кочергой угли. Туктибай понял, что запах печеного мяса исходит от рдеющих красных углей.

В это время с улицы донесся грохот копыт. Сырга, вздрогнув, прислушалась к гулу. Как ни старался Туктибай ночью у озера, все же он не смог до конца смыть кровь с подшитых сапог. Если эти пятна попадутся на глаза бедового человека, считай - началась история. Душа обмерла в предчувствии недоброго, Туктибай лихорадочно соображал, что бы ему предпринять, и в замешательстве ничего не мог придумать. Сырга, словно поняв его состояние, схватила угол одеяла, которым был он накрыт, набросила на голенища сапог, забрызганных кровью, сама вернулась на прежнее место и склонилась над догорающим хворостом, чтобы разворошить их. Тотчас следом за ней, резко толкнув хлипкую дверцу, ворвались в юрту четыре здоровяка. С вызывающим видом, показывая, что им наплевать на приличия, застыли они возле входа, и не думая здороваться с хозяевами. У каждого в руке сложенная вдвое камча. Лица холодные, глаза - черными льдинками, они были похожи на ангелов смерти, явившихся за душой умершего.

Вперед шагнул коренастый рыжеусый крепыш.

Эй, баба, - с грубой спесью окликнул хозяйку он. — Что печешь ты на углях, одурманивая запахом весь аул.

В юрте воцарилась мертвая тишина, было слышно даже жужжание махонькой мушки, залетевшей в дверь. От горящих в очаге молодых веток жынгыла с треском, словно кузнечики, отлетали в стороны искры. Ердаулет зашмыгал носом, боясь разреветься во весь голос, хлопал мокрыми глазами, переводя пугливый взгляд с одного незваного гостя на другого. С улицы доносился шум кустарников, потревоженных ветром.

Понятно, конечно, что произошло, - с ехидной улыбкой, расплывшейся на лице, вмешался в разговор шустрый смуглый жигит.

Даже моя собака не поверит, что бывший писарь волостного правления остался совсем без скота. Однако предложи

сдать скотину в общий котел — отбрешется, глазом не моргнет;

даже поклянется, что ничего нет.

Верно говоришь, - поддержал смуглого шустряка светлолицый толстяк, шагнув вперед. - Если я что-то понимаю, эти плуты тайком от всех прирезали свой скот. Теперь по-воровски таскают помаленьку, будто крысы, и грызут себе втихомолку.

Эй, бай-кулак, почему лежишь по-барски, не встаешь, когда мы пришли к тебе? - квадратного сложения смуглый коротышка вытянул шею, возмущенно глядя на Туктибая, лежавшего на торе⁷. - Или ты пренебрегаешь каменесами и кемсамо-лами советской власти?

Дух писаря волостного правления еще не выветрился из него, - издевательски засмеялся смуглый шустряк. - Да и как выветриться ему, если человек, должный гнить в тюрьме, не пробыв и года там, вернулся целехонький. Как теперь не задирать нос ему.

Я покажу ему, что такое задирать нос! - рыжеусый крепыш ткнул камчой в сторону Туктибая и приказал резким голосом. - Сорвите с него одеяло. Самого гоните в дом аулсовета!

Светлолицый полный жигит ждал только команды, резво рванулся было вперед, однако Сырга вскочила и перегородила ему путь.

Стойте! - закричала она. - Не трогайте его! Если тронете, раскидаю эти угли и подожгу дом. Эй, баба, ты хочешь напугать нас своим криком? - рыжеусый метнулся к Сырге и замер в угрожающей позе, готовый ударить ее камчой. - Знай, жена бая-кулака, жги хоть дом, хоть

⁷ Тор - почетное место в юрте.

себя, ты этим не остановишь советского кемсомола или камене- са. Лучше опомнись и говори правду!

Что вам надо, чего допытываетесь? - как ни старалась Сырга скрыть свое смятение, дрожащие руки, крепко сжимавшие кочергу, выдавали ее напряженное состояние. - Что я должна вам сказать?

Рыжеусый, как бы давая понять, что он глава этих жигитов, и что отныне он берет бразды правления в свои руки, спросил с угрожающим видом:

Что у тебя на огне?

Кость, - еле выдавила Сырга, шевельнув губами.

Что?! - не поняв ее, рыжеусый вперил в женщину недоверчивый взгляд и коротко приказал смуглому коротышке, стоявшему рядом:

Проверь!

Квадратный коротышка подбежал к Сырге, не ожидавшей нападения, вцепился в кочергу и вырвал из ее рук. Затем он по- пернулся к очагу и принялся шуровать в углях, суя кочергу туда и сюда, затем, поймав что-то, резко поднял вверх. Из огня пока- зались обе головки средней берцовой кости валуха, обгорелой, без единого кусочка мяса, затем кость вся выскочила из огня и выкатилась на открытое место.

Актевесы, похоже, ожидали чего угодно, но только не этого. Не хотели они уходить с пустыми руками, их глаза бегали туда и сюда, обшаривая юрту, в поисках чего-то недозволенного, за что можно было бы ухватиться, чтобы сорвать злость. Особенно недоволен был рыжеусый, считавший унижительным для себя идти на попятную.

Разве ню бывало так, чтобы волчица и матерый волк отлеживались в логове, не ища добычу? - зло осклабился он. — Бедняки трудятся не покладая рук, чтобы защитить свое государство, унциии п. калектеп, извести на нет классового врага, эти же заняты тем, что собирают кости, чтобы отлеживаться себе, грызя старый мосол.

Чем грозней становилась речь взбешенного актевеса, тем более одолевал страх Туктибая, опасаящегося, что обыщут ним, переиернут каждый уголок. Под этим шаныраком давно , ужке неволось вещей, которые могли бы взволновать сердце чсаонска скоси ценностью, однако, если на обозрении окажутся сапоги, забрызганные кровью, на судьбе Туктибая можно бу- лп поставить крест. Они смогут законно заявить: «Этот байкулак тайком резал скот». Запросто могут обвинить его в том, что прикончил какого-нибудь актевеса, убитого Бог весть кем. Одно ясно - они от него не отстанут. Не посмотрят на то, что мшько вчера вернулся из тюрьмы, невзирая на плач женщины, пс считаюсь с тем, что беспризорным остается ребенок, завернут ему руки за спину, погонят как арестанта впереди себя. Как пни. дать сделают они это. Сырга, словно догадавшись, о чем думает он, вдруг запричитала:

Боже ты мой, неужели из-за сухой кости обвинят нас? - она прижала уголок платка к глазам. — Несчастливая, глупая моя головушка! Хотела накормить голодного сына, дав ему мозга этой пропащей косточки, и накликала беду.

запасы, отсутствие крупы, которую можно было бы добавлять к вареву, привело к тому, что уже в декабре остаток мяса стал таять на глазах. До смерти напуганный актевесами Туктибай долгое время не покидал землянку, однако вскоре понял, что если не начнет действовать, то семья его окажется в лапах настоящего голода. Долгое бездействие уже мучило его, и он, не вытерпев, начал прокладывать тропу по снегу, то и дело проваливался по пояс в сугробах, в конце концов сильно обморозил щеки. По-прежнему целью его было - обходя незнакомые аулы, попытаться выпросить хоть какую-нибудь еду, чтобы, когда закончатся последние припасы, поддержать силы жены и сына. Однако то, что увидел он, испугало его. С того времени, как они перебрались в Богеткум, положение в аулах намного ухудшилось, вид людей, похожих на призраки, навевал ужас. Приближающаяся беда раскинула тени мора над всей степью, чувствовалось, что бедствие это уже неотвратимо, что это грозное лихо не покинет степь, пока не выкосит весь народ. Обмирала душа у Туктибая, чувствующего, что, мор, ширясь, набирая мощь, вот-вот доберется и до его дома. Саднила, ныла душа Туктибая. Словно не веря, что в многолюдных казахских аулах не найдется человек, который сжалился бы над ним, спас бы его семью от когтей голодной смерти, обрыскал, кроме опасного Бозарыка и скрытого далеко на востоке Караултобе, весь край. С давних пор считалось, что окрестности Караултобе, изобилующие мелкими озерами и прудами, заросшие густым камышом, непригодны для жилья. Поэтому, чтобы сберечь без

того тающие силы, решил не изнурять себя трудными переходами по снегам. В Бозарык не пускал его страх перед актевесами. Однако, отлеживаясь у теплой печи, Туктибай и дня не мог провести в покое. Однажды он открыл для себя одну вещь: с той поры, как голодомор, подобно чудовищу, начал терзать народ, люди стали заботиться только об одном - как бы выжить самим, от прежнего людского милосердия и щедрости не осталось и следа. Ищущие спасения люди все чаще стали попадаться в лапы грабителей. Сгинули прочь сочувствие и человечность, кто первым проявлял волчью изворотливость и жестокость, тот и выживал, подминая под себя слабых. Эх, жизнь, есть ли смысл грабить и душить друг друга, с неба ли свалится достаток, которого нет, на обездоленный народ? Сколько бы ни метался по степи Туктибай, все было безрезультатно, не нашел он человека, который поделился бы горбушкой хлеба или горстью зерна.

Мясо, которым всю зиму питались три человека, закончилось до последней крохи перед новолунием в конце января - начале февраля 1932 года. Сырга, опуская в казан последний кусок затвердевшего мяса, пробормотала хриплым, обрывающимся голосом:

- Все, это последнее из того, что было в доме. Все кончилось.

Туктибай не разжал губ. Что он мог сказать, как утешить ее? Только ворохнулось что-то внутри, и он беспомощно огляделся, словно тонущий человек, ищущий, за что бы ухватиться.

Вдруг во мраке отчаяния сверкнул луч надежды. Он вспомнил, как они с Омирбаем ночью резали коровенку: вот из распоротую брюха вываливается мокрый теленок, вот он вытаскивает из зимовки теленка и зарывает его под деревом во дворе. И стоило только подумать об этом, как мгновенно пришло решение.

Я должен найти его, - глухо произнес он.

Что, - встрепенулась Сырга.

Туктибай не стал скрывать от жены свои планы, он ей все объяснил.

В другое время человек не то, чтобы употребить в пищу такое, но и заикнуться об этом не посмел бы. Говорят же: «Кто съел, тот и цел», сейчас время именно таких людей. Лишь бы нашлось, тогда, считай, праздник наступит и на нашей улице.

Туктибай заткнул за пояс единственное оружие - айбалту, и, не обращая внимания на воющую январскую стужу, направился к зимовке Мынжасара. Добравшись до места, он разгреб руками плотный сугроб под деревом, что высилось у самого большого дома Мынжасара, потом топориком принялся вырубать мерзлый верхний слой земли. Хотя семь потов сошло с измученного Туктибая, зарытую тушку он так и не нашел. Так охладел он к поискам еды в других краях, что о чем-то другом уже не мог думать. Время от времени глухая злость охватывала его - раздражение на свою оплошность, что в ту темную ночь, пряча тушку, не заметил то самое дерево. Теперь, надеясь на удачу, дескать, рано или поздно наткнется на спрятанное, упрямо ворошил землю под каждым деревом, что росли во дворе брошенной зимовки бая Мынжасара.

Эта отчаянная борьба Туктибая со снегом и льдом, подстегиваемая надеждой, затянулась на десять дней. К несчастью, эта морока оказалась пустым, бесполезным занятием. В доме, где не осталось и кусочка мяса, начался самый настоящий голод. Который раз уже опускала Сырга в котел очищенные добела кости, выскобленные ножом, без единой прожилки мяса, варила снова, чтобы можно было опять грызть и обсасывать их. Это было последнее, что могла предложить Сырга мужу и ребенку.

Прошло еще три дня. Туктибай снова оделся и засунул топорик за пояс, чтобы отправиться в поход к зимовке Мынжасара. Он бросил взгляд на сына, который, не в силах поднять голову, со вчерашнего дня лежал в постели, - тело ребенка было заметно опухшим. Увидев это, Туктибай ощутил, как перехватило дыхание, сердце в бешеном стуке подступило к горлу, в тумане предчувствия он прошептал:

Все кончено. Если сегодня или завтра не найду еду, чтобы поддержать сына, он распрощается с белым светом. Жеребеночек мой, неужели, мне, несчастному, придется увидеть этот черный день? Чем видеть такую беду, обливаться кровью при виде такой муки, не лучше ли принести себя в жертву ради твоего спасения?

Собственное бессилие и беспомощность до такой степени измучили Туктибая, что он как безумный уцепился за эту спасительную мысль: «Чем продолжать собачью жизнь без сына,

без наследника, не лучше принести себя в жертву?» После этого он окликнул жену, которая, уронив голову на колени, уныло сидела возле печи.

Сырга, Сырга, подойди на минуту!

Дочерна смуглая, некогда привлекательная, ныне же - одни только выступающие кости, обтянутые серой кожей, - женщина с трудом привстала с корточек, набросила на плечи куфид и, пошатываясь, подошла к мужу.

Туктибай, ведя за собой жену, подошел к ветхой двери, толкнул ее плечом, открыл с тягучим скрипом и перешагнул через порог. Не обращая внимания на стужу, ударившую в лицо, зашагал вперед, хрустко давя подошвами обледенелый наст на снегу. Небо было безоблачно, лучащийся свет солнца и яркая синь резали глаза, отойдя от зимовки метров двадцать, он оста- повился. Потом, словно подгоняемый чем-то, вытащил из-за пояса сверкнувший топорик и протянул жене:

На, держи это!

Он стянул с головы тымак⁹, кинул вниз, треух мягко распластался на снегу:

Когда я повернусь, руби со всего маху по затылку.

Он повернулся и, низко склонив голову, выдохнул:

Ну, давай скорее!

Сырга, глядя со страхом на тощую шею мужа, перевитую синими венами, с глубокой ямкой посередине, на которой как бы с трудом держалась большая голова, вспомнила, как два-три года назад муж попросил ее помассировать ему шею. И она не смогла обхватить тогда бугристый, весь в жирных складках, загривок, который сразу покато переходил в массивный затылок.

Зачем? - спросила она, и без того бескровное, безжизненное ее лицо посинело. - За что, говорю?

Мне жизнь не нужна, лишь бы Ердаулетжан остался жив... Как только дух выйдет, расчлени тело по костям. Посоли и высуши. Затем закопай под глубоким снегом. Когда Ердаулет начнет сдавать, тайком будешь брать по куску и варить ему. Он еще ребенок, откуда ему знать, что это за мясо. Если дотянешь гак до весны, там можно будет питаться кореньями, диким луком, с голоду не помрете.

До последней минуты Сырга не понимала, о чем толкует он, но как только до ее рассудка дошел смысл его страшных слов, ее, ослабленную холодом и голодом, начало трясти, да так, что зуб на зуб не попадал. Минуту-другую медлила, взвешивая в уме нужные слова.

Не болтай, что в голову взбредет, - с трудом произнесла непослушными губами она, заикаясь, запинаясь на каждом слове. - Станет ли вообще человеком ребенок, который выжил, питаясь мясом отца, а?

Негодяйка! - завопил, будто ужаленный, Туктибай и, проворно обернувшись, схватил Сыргу за ворот и рванул к себе, так что оказались прижатыми они друг к другу - лицом к лицу, глаза в глаза. — Я знал, что ты так ответишь! Глупая баба, поучаешь меня, а сама хочешь оставить меня без отпрыска, чтобы след мой навсегда исчез с лица земли? Запомни, Туктибай не примирится с этим! Сейчас делай, что тебе говорят, если не сделаешь - пеняй на себя. Тогда зарублю тебя, и буду кормить Ердаулета твоим мясом, чтобы сохранить ему жизнь.

Сырга, глядя в пронзительно-серые, налитые кровью глаза мужа, поняла, что внутренне готов он пойти на любую жестокость. Тем не менее, она попыталась образумить его.

Я тоже не боюсь смерти, - сказала она. - Однако еще раз подумай, дорогой. Поверь, как в истину, что сын, который остался жив, питаясь плотью отца или матери, человеком не будет. Все равно останется он подранком, не в состоянии смотреть в глаза людям, стыдясь и исходя кровавой рвотой, умрет он рано или поздно с позором.

Тогда вразуми, что делать? Или предложишь, чтобы мы, в уме и здравии, спокойно смотрели, как смерть забирает нашего единственного сына?

Попытайся, мы же еще живы.

⁸ Куфи - шерстяная безрукавка.

⁹ Тымак - шапка, треух из лисьего меха.

Но как? - блеснула искоркой надежда, Туктибай вперил в жену взгляд. Она видела, что багровая муть в его серых глазах ослабла. Затем его костлявое лицо вновь заволокла тень тоски.

Нет, ты не знаешь, - сказал он. - Это известно мне, обошедшему на своих двоих весь этот край. Ты не знаешь.

Не падай духом! Если Аллах намерен помочь рабу своему, нет ничего трудного, — чтобы подстегнуть волю мужа Сырга, собрав последние силы, говорила, взволнованно, веря в правдивость своих слов. - Еще днем хотела сказать, что приснилось ночью кое-что. Если сегодня выйдешь в путь, иншалла¹⁰, без добычи не вернешься.

Хорошо, пусть будет по-твоему. Вижу, что ты в таком состоянии не то, что рубануть меня по затылку, топор поднять не сможешь. Даже если ударишь, похоже, не убьешь... Только заденешь косо и обречешь меня на муки.

Пальцы Туктибая, державшие Сыргу за ворот, ослабили хватку, дрожа, поползли вниз. Туктибай шагнул назад, потом вновь вернулся, забрал у жены топор. Засунул за пояс на прежнее место. Нагнувшись, он поднял со снега тымак, нахлобучил на голову. Да, да, твои слова о том, что ребенок, съевший плоть отца и матери, не сможет стать наследником, похожи на правду, - сказал он. - Я и сам должен был знать это, но в голове явно помутилось. Похоже, обезумел я. Стал бы я иначе подставлять голову под топор? Вчера увидел мертвяка, лежащего на дороге, и еле сдержался, чтобы не отрезать кусок мяса из бедра. Хотел это сделать, но вовремя вспомнил, что съеденная мертвечина может обернуться трупным ядом. Пытаясь спасти сына, я мог собственными руками убить его, что может быть хуже этого? Сегодня я заметил, что Ердаулетжан начал опухать, и от этого тронулся разумом, начал бредить. Ты сказала, что видела сон. Вполне возможно, что вернусь не с пустыми руками. Лишь бы вы дождались меня. Не уповаает на лучшее один только шайтан¹¹, пора и мне в дорогу.

Словно делая попытку, чтобы она забыла о сказанных ей грубых словах, и, желая тем самым сгладить вину, Туктибай какое-то время нес околесицу. С трудом остановился. Затем он зашел в землянку, чтобы посмотреть на сына. Ердаулет, чувствуя, что отец вернется к нему, во все глаза смотрел на дверь. Увидев отца, он сразу взмолился:

Коке, принеси что-нибудь поесть. Не приходи с пустыми руками.

И эта мольба особенно тяжело отдалась в сердце Туктибая, без того готового к смерти за неимением лучшего. Черным пламенем горела душа от сознания своей беспомощности и безысходности, стоявшей перед ним каменной стеной. Он пошатнулся, и, чтобы не упасть, схватился за стенку.

Хорошо, - пробормотал он, и это слово, как клятва, эхом отдалось в душе. - На этот раз твой отец хоть что-нибудь, да принесет.

Он вернулся на зимовку Мынжасара, разрывая руками снег иод еще одним деревом, рубя лед топориком, все думал об обещании, данном сыну. Трудился яростно до самого обеда, потом до позднего вечера, а во рту не побывало ни маковой росинки, ни капли воды, и все время иступленно повторял:

Сынок, на этот раз твой отец не вернется с пустыми руками.

Когда навалилась на землю промозглая тьма, он не стал возвращаться домой в Богеткум. И отказался от мысли побывать дома и согреть желудок хотя бы пустой горячей водой, вскипяченной заботами Сырги.

Не-ет, на этот раз я не должен идти домой ни с чем, - твердил он самому себе. Морозная стужа и тьма кружили вокруг него, он зашел в дом Мынжасара, мрачный, как нутро могилы, свалился на пол и забылся в бреду.

На следующий день Туктибай поднялся спозаранок, вновь принялся за работу. А когда солнце поднялось повыше, осветив округу, он упал, обессилен от голода и крайнего изнеможения.

Через некоторое время Туктибай собрался с силами. Он понял, что найти зарытого теленка для него - неразрешимая задача, и если сегодня вернется он домой с пустыми руками, то умрут от истощения сын, жена и он сам. Поэтому, собрав все силы, встал он на ноги.

¹⁰ *Иншалла* - кораническое выражение, «с божьей помощью».

¹¹ Кораническое выражение, содержит притчу о падении Люцифера.

Нет, сынок, твой отец сегодня не вернется без ничего, - прохрипел он, задыхаясь. — Должен я сохранить тебе жизнь. Сейчас я направлюсь к Майлыколю. Буду сторожить рыбаков. Если встретится кто, поймавший хоть чебака, выпрошу, не даст- отниму. Если будет сопротивляться, пусть пеняет на себя, разрублю башку топором.

Он подпоясался потуже, засунул под ремень топорик и побрел в сторону Майлыколя.

Глава седьмая

Снилось ему бабье лето. Будто бы была теплынь, безветренная, мягкая, лелеющая и проникающая в душу. Кабыш, ускоряя шаг, поднялся на вершину холма, и перед ним раскинулась безбрежная водная гладь. Мнилось, был он на берегу Майлыколя, там, где побывал полгода назад. Побережье озера кишело множеством людей. Сбежав с холма, при этом будто бы летел на самом деле над землей, и, очутившись рядом с людьми, увидел, что у каждого в руке камча. Опустив конец камчи в воду, словно леску, они застыли в выжидательной позе. Поначалу удивился он, дескать, что это с ними, но потом, увидев, что вода кипит от обилия рыбы, несказанно обрадовался дару неба, найденному в озере. Он спросил у одного из них:

Что ты делаешь?

Тот ответил:

Рыбу ловим.

Камчой, что ли?

А как же иначе? Казахи ведь испокон веков пасли скот, кроме камчи инструмента у них нет. Скот подчистую забрало государство, теперь, чтобы не умереть с голоду, мы прочесываем озеро.

Эй, земляки, камча это не кармак¹². Не тратьте зря время. Лучше ловите рыбу руками. Смотрите, вот как надо.

И он с разбегу нырнул в озеро, вынырнув, поднял руки вверх. Оказывается, поймал здоровенную щуку. Народ, ошеломленный его удачей, разом завистливо оглянулся на него. Затем люди принялись шуметь, махать руками:

Держите! Надо отнять у него рыбу!

И он кинулся в безлюдную степь, чтобы спастись от оголтелого множества враждебных людей. И словно издалека видя это, жалея его, кто-то звал его, кричал, показывая дорогу:

Кабыш!

В диком испуге он очнулся, сердце отчаянно билось где-то в горле. Затем понял, что это просто сон, а зовет его жена, повернувшись в постели к нему. Все еще в полусне, водил он взглядом по сторонам, глаза его остановились на маленьком, с чашку величиной, овечьем пузыре, который служил окном па крыше землянки, он был похож на желтый кусок мутного льда.

По тусклому свету понял он, что близится час рассвета. Все же надо было вставать, спешно приниматься за дела. Даже если расшибешься, повредив ногу, сейчас не то время, чтобы можно было отлеживаться, отлынивая от работы. Откладывать надолго то, что можно сделать сегодня, поддаться лени и не выйти в дорогу, чтобы искать еду, - это не только безрассудство, это нечто похуже - смертный приговор семье из четырех человек. В самые беспросветные дни, когда кажется, что выхода нет, они открывают кожаный короб с пшеницей, который берегут как зеницу ока. Они тратят зерно самыми малыми долями, лишь бы во рту побывал вкус еды. А когда зерно закончится, останется только одно - подобно слепому, ощупывающему край пропасти, идти, чтобы сверзиться вниз и сломать себе шею. Если десять дней подряд будет приходить он домой без улова, разве не станет добычей напасти по имени Голод и без того измученная семья?

Кабышу не хотелось вставать, он был очень слаб, все же поднял голову. Пальцы с заскорузлой огрубелой кожей едва гнулись, Кабыш с трудом принялся растирать, разминать икры ног. Потом встал, разогнулся, оделся.

Мадина, ты тоже проснулась?

В полутьме землянки можно было различить темный бугорок, который шевелился на постели, Кабыш обмолвился не ради того, чтобы дать знать о себе или самому что-то

¹² Кармак - удочка на казахском языке.

спросить, на него вдруг накатило желание приласкать жену, душевным теплом поддержать ее. Раньше с ним такого не случалось, он говорил редко, скупое и очень взвешенно.

Рассвело же уже... Ай-яй-яй, как холодно дома. Затоплю я печку, - вот так сдержанно, просто ответила ему Мадина.

Ответ жены разбередил все ту же печаль-заботу Кабыша, застарелой тенью жившую в его душе. А разозлился он на себя за глупый вопрос, дескать, нашел чему удивляться - раннему пробуждению жены, так ведет себя наивный упрямец, уверенный, что один управится со всеми делами на свете. Если говорить правду, до сна ли голодному человеку? Откуда знать ему, бедняге, еле добравшемуся вчера до дома, окоченевшему от морозного ветра на озерном льду, о чем думает женщина? Чуткая же Мадина, не желая омрачать без того плохое настроение мужа, сидела себе по своему обыкновению благодушная, спокойная, словно делясь с ним своей уверенностью.

Кабыш вышел на улицу. Дали заметно посветлели, солнце уже показалось над горизонтом. Куда бы ни посмотрел Кабыш, кругом было белым-бело, словно накрыто парчовой тканью. Лишь печная труба над снегами, притрушенная сажей, выдавала присутствие человеческого жилья, если бы не она, накрытую сугробом землянку легко можно было принять за заснеженный бугор. Почти вплотную к ней, порой забегая на крышу землянки, разбросался редкий кустарник, но дальше заросли густели, переходя в сплошные чащи жынгыла¹³, которые, подобно дикому зверью, приглушенно завывали на морозном ветру. Небо затянуло тучами и стало похоже на косматые брови печального старика. С северо-востока дул пронизывающий ветер, который усиливал стужу, наждаком прохаживаясь по щекам, заставляя отворачиваться.

Хотя Кабыш был тепло одет, его пробрала дрожь, он взял в охапку хворост с кучи во дворе и зашел домой. В землянке все еще царил сумрак, двигаясь в потемках на ощупь, Мадина нашла ведро в углу возле печки, скрипя дужкой, вышла наружу. Мелькнул ее белый жаулык¹⁴, в дом хлынул поток студеного воздуха, его остановила дверь, захлопнутая Мадинкой.

Коке!

Сергазы, жеребеночек мой, ты встал? - откликнулся за зов сына Кабыш.

Встал, коке.

А Куляим?

Сидит рядом.

Кабыш скинул с себя задубевшую на морозе шубу, раскинул объятия и устремился к нише за печью, где трогательно чернели головки двух детишек. Затем, прижав детей к груди, принялся безмолвно молить небо: «Всевышний, Создатель, убереги от беды моих жеребят, не допусти увидеть их мучения». Однако заботы и хлопоты суровой жизни не дали уйти в умиление, сразу же завладев душой, они подстегивали, торопили его. Кабыш принялся одевать детей.

Мадина принесла в ведре снег и вывалила его в казан. Затем разожгла огонь в очаге. Языки пламени под казаном постепенно множились, освещая землянку порывистыми и пестрыми отблесками и прогоняя остатки тьмы. Мадина, бросая в огонь ветки, посмотрела на мужа, сидящего на торе со скрещенными ногами. Детишки устроились на его коленях, прильнув к отцу. Кабыш неотрывно, словно заговоренный, смотрел в одну точку, и Мадина только сейчас обратила внимание на то, что скулы мужа заросли давней курчавой щетиной. «Апырай¹⁵, до какой степени может исхудать человек!» - подумала она. И сердце резануло болью за этого мужчину, хозяина дома, который с утра до вечера пропадал на озере, бродил по речкам, ловя мелкую рыбешку, чтобы прокормить семью, продлить ее жизнь хотя бы еще на один день. Однако не в ее характере было беспокоить человека неуместными вопросами, проявлять нервозность, не свойственную от природы мягкому ее характеру. И все же душу словно разрывало на части. Ни слова не говоря, бесшумно накрыла дастархан. Все также молча налила из казана в чашку кипяченую воду, бросила крупицу соли, и поставила перед Богом данным супругом.

¹³ Жынгыл - пустынный тамариск.

¹⁴ Жаулык - белый платок, который обязана носить замужняя женщина.

¹⁵ Апырай - возглас удивления, междометие.

Вчера детишки перед сном долго хныкали, прося поесть. Помня это, с согласия мужа, Мадина вытащила на свет из потайного места короб, сделанный из козьей кожи, сунула внутрь руку. Отмерив чашку зерна, положила в накаленный казан и принялась жарить. Они четверо долго с хрустом пережевывали жареное зерно, жадно впитывая вкус еды, съели большую часть. Затем, запив съеденное кипятком, сочли, что, как обычно, обманули голодный желудок.

После этого Мадина разделила оставшуюся часть надвое, одну горстку высыпала перед супругом, сняв с колен мужа детей, усадила их на корпешку и высыпала перед ними вторую горстку. Торопливо прожевав свою долю, оба малыша, проглотив ее, начали шуметь, словно голодные птенцы из одного гнезда, протягивая ручонки:

Дайте еще! Еще, апа!

Апа, я не наелся!

Сколько бы ни плакали дети, Мадина хранила молчание, будто присохла к горлу щепотка зерна, которую положила в рот. Немым, мертвым камнем безмолвствовала она. От этой сцены крайней нищеты и безысходности все содрогнулось в душе Кабыша, горсточка зерна, положенная в рот, будто прилипла к языку. Он отдал остаток своей доли детям и встал с места. Стоило только подняться, как вспомнился сон про щуку.

Кабыш надел шубу, крепко-накрепко перетянул пояс веревкой. Накинул на плечо старую брезентовую суму, зловонную, насквозь пропитанную слизью и рыбьим жиром. Затем, нагнувшись, взял кожаные перчатки, лежавшие возле камышовой подстилки, черную пешню с деревянной рукоятью. Глянув на жену, сидевшую на корточках спиной к нему, и шуровавшую кочергой слабо тлевшие угли в очаге, сказал:

Собираюсь я нынче пойти в другое место. На прежних озерах, сколько не лови, больше ничего уже не выловишь.

Мадина вздрогнула, повернулась к нему вполоборота, желая переспросить что-то. Однако вопрос застыл на губах, - воспринятая с молоком матери привычка казашки не заступать дорогу мужчине, собравшемуся в путь, ибо не к добру это, остановила ее. Она вернулась на место: разные чувства, порождая вопросы, боролись в ее душе, однако ей не хотелось, чтобы муж видел, что ее терзают сомнения. Нужно как-то мягко, ненавязчиво дать 1-му знать об этом. Ведь она по-своему поняла внезапное решение мужа, всю зиму искавшего удачу на одном озере, поменять место промысла. И она сказала:

Куда бы ты ни пошел, Бог тебе в помощь. Да и по пути в пул заглянуть не грех было бы. Осенью, когда начальники твердили: «Вы середняки, вступайте в калектеп», мы сами не захотели...

Почувствовав по ее тону, что она переживает по поводу того, что осенью, в теплое время года, съехали они с места жительства, Кабыш сказал:

Если для нашей семьи наступили черные дни, то это их иина. Разве оказались бы мы в беде, если бы они не разорили наш дом, забрав все, кроме спрятанного зерна?

Если забрали, наверное, чтобы наказать, дескать, власти не любят тех, кто идет против них.

По твоим глазам понял я, что не по душе был мой отказ.

Что хорошего жить на отшибе в одиночестве, когда все люди решили собраться вместе для лучшей жизни? Не скрою, что сильно завидовала я, когда узнала, что Жиенкул вступил в колхоз.

Я тоже завидовал, когда Жиенкул сделал свой выбор. Однако. .. Прошлого не вернешь. Сколько ни зови, не вернется оно.

Не печалься, попытайся исправить ту ошибку. Если нужно, попроси прощения у властей. Если пойдешь с повинной, советская власть простит твои прежние ошибки, не оттолкнет от себя.

Ради спасения своей семьи пойду на все, если понадобится, - голос Кабыша зазвучал тверже. - Ты же не видела своими глазами, как живут люди там, думаешь, что все по-прежнему, как в годы достатка. А меня их жизнь расхолодила.

Расхолодила? - недоуменно глянула Мадина. - Что именно?

Ты лучше не спрашивай об этом, а я не буду говорить, - Кабышу не хотелось пугать плохими вестями свою бедствующую семью, поэтому он решил сменить тему, чтобы объяснить, почему изменились его планы. - Прошлой осенью случилось мне проходить мимо Майлыколя. Сверху с холма увидел крупных сазанов, плавающих в заводях. Азарт

охватил меня, решил попытаться счастья, вода оказалась неглубокой. Время было еще более или менее благополучное, да и снасти в руках не было. Поэтому, махнув рукой, пошел себе восвояси. Сейчас там лед толстый и прочный. Наступило время, когда рыба должна быть сонной. Кто знает, если наведаюсь туда, не повезет ли мне на радость детям?

Мадина словно не верила своим ушам.

Майлыкол, говоришь? - переспросила она. - Отец Сергазы, даже для сытого, сильного человека сходить туда и обратно - день нужен.

Это в летнее время, когда надо обходить озера по берегам. Сейчас, если пойти прямо по озерному льду, потратишь время, нужное для варки мяса.

Мадина в растерянности замолчала. А ведь выбора у них нет, пусть это далеко, трудно, но это лучше, чем в бездействии ждать голодной смерти. В старину не зря говорили отцы: «Кто ищет, того ждет удача». Одно только внушает сомнения - слабость в ногах от постоянного недоедания. И все же надо попытаться, другого выхода нет, дельную мысль надо поддержать.

Хорошо, давай сходим, посмотрим.

Как это? - Кабыш повысил голос. - Как это - «Посмотрим», со мной вместе, что ли?

Иначе нельзя, отец Сергазы.

Не говори так, Мадина. Дети изойдут слезами. Без того они еле живые, а если напугаются без нас, заболеют, не наступят ли для нас черные дни?

Но как мне тебя отпускать одного в таком состоянии? Говорят: «Добро без худа не ходит», что мне делать, где тебя искать, если вдруг по дороге, не добравшись до дома, упадешь где-нибудь? Кто тогда нас утешит, будет ли конец слезам? Нет, отец Сергазы, ты так не мучай меня.

Кабыш не знал, что ответить на эти веские слова Мадины. Он не думал о себе. Одна только мысль, что его дети и жена могут оказаться без мужской поддержки и защиты, привела его в ужас. После этих слов, не в силах больше выносить жалкий, сиротский вид чад своих, вышел, понуро волоча пешню.

Глава восьмая

Мадина шла следом за Кабышем, небо, сплошь обложено серыми тучами, накрыло степь мрачным пологом, и сквозь эту серую хмарь они продвигались на северо-запад. Они пробивались по снежным завалам и торосам, поднятым за зиму обильным, рыхлым снегопадом, то и дело проваливаясь по пояс в сугробы, воздвигнутые яростным буранным ветром, наметенные где-то гребнистыми валами, где-то раскинувшиеся обледенелыми, выглаженными волнами, словно звенящими от стужи. Порой они попадали в припорошенные промоины под кустами тамариска, и тогда приходилось прилагать все усилия, чтобы выбраться оттуда. Порывистый ветер, томительно завывавший с утра, сейчас поутих, он нехотя веял над землей, разнося всю ту же неумную стужу. Этот морозец, словно стая скорпионов, немилосердно жалил открытые, оголенные части тела. Они вышли в дорогу, уповая на Бога, оставив на безлюдье в одинокой землянке двух маленьких детей, не зная, улыбнется им удача или нет, в решимости превозмочь любые трудности. С привычным упорством и выдержкой, то ползком, то шагая, за время, за которое можно сварить мясо, они преодолели барханы, что окружали аул. Теперь они оказались среди желтых чащ камыша ростом с копье, эти заросли со всех сторон окружали обширную равнину, где постоянный ветер полностью выгладил снег, погребя под ним травы. Еще были в ногах кое-какие силы, и не оставалось им ничего, кроме того, как благодарить судьбу и за это.

Неожиданно Мадина заметила далекий силуэт, который двигался в их сторону с северо-востока. То ли от того, что, давно покинув аул, уже отвыкла от людей, непонятное волнение охватило ее. Кто знает, быть может, этот путник пойдет с ними к Майлыколю? Или он возвращается откуда-то с добычей? Говорят, один из сорока встречных может оказаться самим Хызром¹⁶, возможно, это к хорошей вести, к радости? Некоторое время она молчала, надеясь, что Кабыш заметит далекую фигурку, но тот, забыв обо всем на свете, не собираясь оглядываться по сторонам, упорно смотрел вперед. Тогда Мадина не выдержала:

¹⁶ Хызр - мусульманский святой, покровитель путников.

- Отец Сергазы, смотри туда.

Он, конечно, не ожидал ее оклика, в глаза бросилось, что он сильно вздрогнул и ускорил шаг. Затем он глянул в ту сторону, куда она показывала рукой. После некоторого замешательства, Кабыш пришел в себя. Однако при этом не произнес ни слова.

Мадина с нетерпением ждала встречи с неизвестным путником. Как ни старалась она идти быстрее, шаг ее несколько не ускорился. Эх, что и говорить... Много ли сил нужно было ей раньше, чтобы пройти скорым шагом расстояние в пределах видимости, ныне же ее движение напоминало ходьбу стреноженной клячи. Встречный был тоже не ахти из каких пешеходов, наверное, силы у бедняги были на исходе, хотя брел он безостановочно, расстояние между ними почти не сокращалось.

Благодаря усилиям супругов - они шли быстрее, встретились путники в центре голой белоснежной равнины, вылизанной ветром. Кабыш нехотя вонзил пешню в обледенелый снег. Мадине показалось, что издали встречный напоминает обликом кого-то знакомого, однако никак не могла понять - кого. И только тогда, когда путник оказался ближе и поднял голову, приглядевшись к его скуластому лицу, густо заросшему многодневной рыжей щетиной, выбеленной инеем, с мелкими сосульками, она начала узнавать его, хотя борода мешала ей. Вряд ли она ошибалась - ее глазам вновь предстал облик некогда знакомого человека. Ведь не так уж давно эта богатая одежда, всем своим видом говорившая о достатке и силе обладателя, была предметом зависти многих людей. На голове путника красовался ты- мак из алтайской красной лисы, обшитый зеленой замшей, на нем была шуба из волчьей шерсти, доходившая почти до колен, на ногах длинные сапоги - саптама, с голенищами до середины бедер. Все это великолепие характеризовало именно его. И как бы свидетельствуя о канувшем в Лету величии и богатстве, холодно поблескивал прикрепленный к широкому, инкрустированному поясу боевой топорик - айбалта, оружие воинов, редко встречающееся в этих краях в качестве инструмента.

Мадина заметила, что муж с необычной для него бесцеремонностью во все глаза разглядывает незнакомца. Затем, спохватившись, как и подобает младшему по возрасту, он поздоровался первым:

Ассаламалейкум!

Уалейкумассалам! - путник нехотя подал руку. - Кабыш, ты ли это? И жену с собой взял. Хорошо... Ну, в добрый путь!

И вам того же. Идем на авось, вдруг найдется, чем обмануть желудок.

Э-э-э, светики мои, разве сравнится что-нибудь со стремлением раба Божьего выжить еще до того, как смерть подступит к нему? - как ни старался рыжебородый говорить степенно и веско, голос вышел у него сиплый, сдавленный. - Похоже, кто- то указал вам, где искать еду?

Лицемерный его вопрос, в котором скользнуло нечто, не похожее ни на ехидство, ни на иронию, но с плохо скрытым намерением выведать что-то у них, не на шутку разозлил без того раздраженного Кабыша. Мадина увидела это. В характере Кабыша была черта - внезапно становился он мрачновато-не- возмутимым, и не догадаешься тогда, что на самом деле клокочет от гнева. Вот и сейчас насупился, хмуро разглядывая собеседника.

Что молчишь? - повысил голос рыжебородый и уставился на Кабыша насмешливым взглядом. - Или испугался, мол, станет помогать моей добычи?

Терпеливым, семижилым человеком был муж, однако выведенный из себя, мог взорваться в злой вспышке. Зная это, Мадина попыталась разрядить обстановку, не доводя до ссоры.

Есть ли вблизи Караултобе человек, который указал бы нужное место? С тех пор как местных бедняков, сеявших здесь зерно, рыбабивших, переселили в колхоз, в этих краях, кроме нашей землянки, больше жилья нет.

Неужели? - рыжебородый обвел ее недоверчивым взглядом. - В самом деле, кроме вас, никого не осталось?

Кого мне бояться, чтобы брать грех на душу? - Мадина хмуро взглянула на стоящего перед ней человека.

Верю, верю. Вот уже три года, как моя нога не ступала на Караултобе. С тех пор, чего только не происходило, чего только не случалось в этих краях. Мир перевернулся с ног на голову, все изменилось до неузнаваемости. Человек потерял разумение в вещах, он даже

самому себе не верит. Краюха хлеба стала дороже всего на свете, ради него люди готовы пожертвовать всем своим добром.

Если все это сами знаете, чего же нас винить?

Разве я так сказал, невестка, разве так? — неожиданно рыжебородый смягчил тон, пойдя на попятную. — Если сказал что-то лишнее, не обижайтесь, светики мои. Увидев Кабыша с торбой за плечом, по-своему, по-простецки смекнул: дескать, кто-то поделился вестью, где можно разжиться съестным, либо соседи, либо проезжий верховой или встречный?

Где там!- Мадине, увидевшей, что рыжебородый стал учтивее, стало совестно за мужа, который по-прежнему вел себя холодно, и в растерянности она заговорила доверчивым тоном. - Пока ваш младший брат¹⁷ приносил домой пару-другую че- баков, перебивались мы кое-как: «...День погодим, да и опять не варим». А последние три дня возвращался ни с чем, вот мы и отправились на авось, куда глаза глядят, оставив детей дома.

Говорят: «Пришла беда, отворяй ворота», - рыжебородый побрел было дальше, однако остановился и спросил. - И куда путь держите?

На Майлыкол.

На Майлыкол, говорите, направляемся, а? - рыжебородый сощурил дымчато-серые глаза, задумался, потом продолжил. - Что ж, попытайте удачу там. Возможно, повезет, кто его знает. .. Говорят, дорогу осилит идущий, ступайте по своим делам, а я пойду по своим...

Рыжебородый, словно решившись на что-то, неожиданно направился в южную сторону котловины. Супруги тоже тронулись в путь. А когда расстояние увеличилось, и можно было говорить, не боясь, что услышат, Кабыш спросил:

Ты узнала его?

Как будто признала, - ответила Мадина мужу. - Разве не писарь он разорившегося волостного?

Точно, это он, Туктибай!

Бедняга, как сильно изменился. Кожа да кости остались от него.

До того был тучен он до конпеске, аж жир проступал сквозь кожу... - Кабыш замолчал, не желая раскрывать то, что было на душе.

Муж и жена оставили снежную долину позади. Пройдя напрямик через густые камышовые дебри, поднялись по горбу пологого косогора. Голая вершина холма продувалась стужей настолько, что без того озябших супругов пробрало до стука зубов. Не в силах выносить студеные порывы, полосовавшие лицо, Мадина повернулась к ветру спиной и увидела, как на другом склоне котловины, голом, без единого куста, карабкался и полз вверх черным жучком по белой ткани совсем крохотный Туктибай.

Глава девятая

Мадина и Кабыш остались далеко позади. Карабкаясь вверх по склону песчаного холма, Туктибай, словно надеясь, что произнесенная вслух, все время буравившая мозг мысль, поможет ему одолеть трудный подъем, задыхаясь, бормотал:

- Пусть идут Мадина, да и Кабыш, пусть идут себе на Майлыкол, не стану завидовать, — хрипел он. - Это даже хорошо, что они идут туда. А я тем временем должен добраться до Караултобе, где их зимовка. Пока их не будет дома, приберу к рукам спрятанное зерно. Не найду - заставлю детей сказать, где. Скажут - хорошо, не скажут - им хуже. А потом я должен успеть убраться подобру-поздорову. Это я гол, как сокол, у них же должно быть что-то, пусть немного, припрятанное на черный день. Это я понял по их виду. Хотя истощены они, однако не настолько, чтобы завтра умереть с голоду.

И затем Туктибай с головой погрузился в омут мыслей. Накануне в зимовке Мынжасара он принял решение ³⁰идти на Майлыкол только потому, что другого выхода уже не было. Не сказать, что раньше Туктибай не бывал там. И по льду приходилось проходить не раз, и петлял летом по берегам. Действительно, исстари промысел рыбной мелочью на Майлыколе был занятием самой что ни есть последней аульной бедноты, у которой дома разве что хлеб с солью, да водица с голью. Этим занятием спасали они свои животы. Однако в окаянные времена эти стараются они избегать посторонних людей. Если даже повстречается какой-нибудь бедняга, разве отдадут они по своей воле с трудом выловленную рыбу, если сами едва живы от голода? Хорошо, если встретившийся в

¹⁷ Казахи любого мужчину, младшего по возрасту, могут назвать братом.

зарослях рыбак будет один, и можно будет отобрать у него улов, а если он окажется здоровее тебя? Туктибай, тем не менее, в безвыходной ситуации, готов и к такой опасной аванюре. Однако Туктибай еще не выжил с ума, и, когда есть шанс разжиться легкой добычей в доме Кабыша на Караултобе, он не настолько глуп, чтобы по скользкой тропе лезть на рожон.

Хотя перед глазами стоял туман, а легкие распирало от недостатка воздуха, Туктибай в пылу бреда упорно лез вверх. Эх, птицей бы полетел вперед, если бы были прежние силы в теле. Он, чтобы подбодрить себя, перевести дух и дать отдых запаленным легким, то и дело останавливаясь, повторял:

- Я должен дойти. Я должен дойти до землянки Кабыша на Караултобе, до спрятанного зерна. Сегодня, во что бы то ни стало, должен я вернуться в Богеткум к своей умирающей от голода семье, к опухшему обессиленному Ердаулету. К дорогому моему птенчику, чтобы покормить его и продлить его жизнь хотя бы на один день. Без этого я не вернусь домой. Ердаулет, твой отец не вернется с пустыми руками.

Глава десятая

Но вот пропала из виду крохотная фигурка Туктибая. Отворачивая лицо от режущего ветра, Мадина и Кабыш перевалили еще один бархан. Спустились в длинную ложину, протянувшуюся между двумя песчаными холмами, затем вышли на ровное место. Южная и восточная стороны пустоши были закрыты холмами, запад и север заполнены сплошными чащами камыша. За ними таилась неизвестность, тайна, неведомая душе человека.

Пробираясь через глубокие рыхлые снега, Кабыш сказал:

- Ну вот, добрались до окрестностей Майлыколя. Пройдя эти камыши, выйдем на открытый лед.

Мадина промолчала. Хотя ее и подмывало спросить у мужа, как далеко ушли они от Караултобе, все же она хранила молчание. Она не хотела раздражать бедного мужа, который сейчас был больше похож на тень прежнего Кабыша.

Они долго пробивались через сугробы, пока не вышли на одинокий, кем-то проложенный след. Куда ни взгляни, всюду, словно доставая до неба, закрывали обзор сплошным пологом пушистые рыжевато-серые метелки высоченного камыша. Хмурое небо и стена камыша сливались в безрадостную серую картину, подавляющую волю человека. И сколько бы ни силился студеной восточный ветер, скользящий по снегу, повалить эти чащи, все было напрасно - ему не удавалось даже ворохнуть плотную стену зарослей.

Все-таки тропа есть тропа, теперь супругам не надо было, согнувшись в три погибели, карабкаться через снежные завалы, идти было легче, и их шаг стал гораздо уверенней. Однако Кабыш, давая понять, что не рад этому, сказал:

Не очень хорошо, что кто-то проложил тропу к такому безлюдному далекому озеру.

Он погрустнул, и его упавший голос словно говорил, что цель, к которой они добивались с такими мучениями, быть может, давно уже стала добычей каких-то ушлых ловкачей.

Мадина, увидев труп мужчины, лежавший в редких камышах рядом с тропой, замерла, остолбенелая, по ее телу пробежала дрожь. На костлявом лице мертвеца, обтянутом синюшной кожей, резко проступали скулы, запавшей плоти словно бы и не было. Закрытые глаза сильно ввалились в глазные кост- ницы, чернея глубокими тенями. Судя по тому, что подмышки и промежность раскинутых ног еще не были занесены свежим снегом, Кабыш понял, что этот человек умер сравнительно недавно. По старинному обычаю, чтобы душа умершего обрела мир в раю, полагалось прочитать заупокойную молитву, и Кабыш, пробормотав положенные слова, провел ладонями по лицу. Пройдя несколько шагов, Мадина увидела еще одно чернеющее тело и, подумав, что муж не заметил его, испуганно зашептала ему:

Отец Сергазы, еще один мертвец.

Однако на этот раз Кабыш не остановился, даже головы не повернул в сторону трупа, темнеющего в снегу.

Супруги продолжили путь, заросли поредели. Мадина ускорила шаг и, догнав мужа, дернула его за рукав. Он спросил:

В чем дело? Что стряслось?

Вон та, живая! - потрясенная Мадина кивнула, показывая на женщину, лежавшую на одном боку справа от тропы. - Она только сейчас открыла глаза и снова закрыла.

Кабыш по привычке недоуменно уставился на жену, затем, опомнившись, бросил на землю пешню, присел на одно колено и склонился над вытянутым телом женщины. Сняв рукавицы, взял за локоть женскую руку, бесчувственную, с черно-припухшими, скрюченными пальцами, поднял вверх. Затем отпустил ее, и та безжизненно упала вниз. Он поднялся, надел рукавицы, нагнулся за своей пешней. Затем, избегая смотреть в глаза Мадине, припухшими от мороза губами, которые с трудом повиновались ему, с виноватым видом произнес:

- Покойница только что испустила дух, идем дальше, задерживаться здесь нельзя.

Мадина замешкалась. Она удивленно глядела на спину мужа, обтянутую кожей шубы, которая, чем поспешней уходил он прочь, тем сильнее словно бы коробилась. Однако это неясное ощущение быстро улетучилось. Следуя за мужем, она ощутила в себе другое чувство, и это был не страх, или нечто далекое от жалости, это было предчувствие неминуемой беды, близости ее безжалостных когтей, нависших над ними. Вскоре они увидели, что снег испещрен множеством следов, оставленных теми, кто в крайнем истощении, дрожа на ветру, словно осенний листок, невзирая на то, что нищенство убивает всякое человеческое достоинство, метался по округе, ища подаяние. Они проходили мимо многих тел. Некоторые были уже наполовину занесены наметенным снегом, другие, те, что испустили дух совсем недавно, лежали открыто, на виду. Чтобы отвлечься от ужасного зрелища, она подумала о своих детях, оставшихся в землянке на Караултобе, и тотчас перед ее глазами возникли лица в голос ревуших Сергазы и Куляим.

После этого в голове у Мадины помутилось, она уже не помнила, зачем покинула свой дом, и что сама еле живая от голода, ее глаза уже не реагировали при виде множества тел погибших от голода людей. Внезапно ее ноги запнулись о сапоги Кабыша, она уткнулась лицом в шубу мужа и уцепилась за него, чтобы не упасть на землю.

Кабыш остановился. Перед ним стояла женщина, закутанная в пуховую шаль, одетая в лисью шубу. То ли от резкого морозного ветра, то ли от пережитых несчастий, в ее глубоко запавших глазах стояли слезы. Ее внешность говорила о том, что в прошлом она была видной байбице¹⁸, однако в настоящем от бывшего великолепия и осанки не осталось и следа. Ее исхудалое лицо, немощные движения свидетельствовали о предельной нищете и безысходности.

Женщина в шали протянула дрожащую тощую руку, узкая кисть с просвечивающимися фалангами казалась прозрачной, и протянула жалобным голосом: Азамат¹⁹, помоги, - подбородок ее затрясся. — Нас в семье было тринадцать человек. Кроме меня и ребенка, никого не осталось, все умерли. Ни живой, ни мертвый он, уже четвертый день во рту у него ни крошки не побывало. Помоги сохранить жизнь ребенку, спаси его, чтобы не угас род наш совсем.

Женеше²⁰, провалиться мне сквозь землю, если, что-то имея, пожалел бы для вас, - хотя Кабыш старался говорить спокойно, тем не менее голос его дрогнул. - Однако мы сами не в лучшем положении. Бродим в поисках хоть какой-то рыбьей мелочи.

Милок, вижу, ты честный человек, не лукавишь, и это по нраву мне, - женщина в шали кончиками пальцев смахнула слезы с глаз. - Есть ли у тебя инструмент? Если хочешь помочь мне, глядишь, с пустыми руками не останемся?

Но как? - Кабыш удивленно глянул на нее.

Видишь человека, сидящего там, - женщина в шали показала куда-то налево.

У поваленных камышей?³²

Он самый и есть, - ответила женщина в шали. - Только виду не показывай, что следишь за ним. Сейчас ведь время такое - человек человеку волк, люди стараются держаться от чужих как можно дальше. Если заметит, считай - все пропало... Кажется, недавно выловил он рыбку, пусть даже чебака.

Почему тогда сами не попросите, - вмешалась в разговор Мадина. - Ведь речь идет о паре-другой чебаков, а не о выкупе за верблюда.

¹⁸ Байбице - хозяйка юрты, родовитая женщина.

¹⁹ Азамат - уважительное обращение к мужчине.

²⁰ Женеше - уважительное обращение к старшей женщине, статус жены старшего родича.

Ой-бой, милая моя, разве в наше время, когда человек пожирает человека, прислушаются к словам несчастной бабы? Другое дело, если попросит ваш азамат, могут дать пару чебаков из уважения или страха перед ним. Иначе...

Ладно, почтенная, - Кабыш, подумав, согласился. - Попытаем счастья, авось ваше дело не пропадет.

Не успел он сделать несколько шагов в сторону поваленных камышей, как человек, сгорбившись, схватил пешню и трезубец, забросил за спину торбу, затем Мадина увидела, как он торопливо уходит прочь.

Уходит же! Держи его! Держи его скорее, иначе убежит! - истерично завопила женщина в шали.

Дрожа, дергаясь всем телом, женщина кинулась следом. Она словно поняла, что от Кабыша, замершего в полной растерянности, толку не будет, и уже не оглядывалась на него.

Эй, милоч, подожди! - окликала она убегающего бессильным, глухим голосом. - Мы не тронем тебя. Если сам поделишься, не тронем, не обидим тебя. Мы просим, умоляем тебя, подожди чуток.

И они, один - воровато убегающий, другая - догоняющая, скрылись среди густых чащ камыша. Какое-то время доносился только голос женщины в шали, то обрываясь, то возникая вновь, он еще слышался какое-то время, а потом он вовсе затих.

Глава одиннадцатая

Картина бедствия, открывшаяся на льду Майлыколя, ввергла Мадину в смятение, мысли ее сталкивались в круговерти и разлетались, не в силах понять, из-за чего случился такой ужасный мор, она чувствовала, как уходит почва из-под ног. Ее лихорадило еще и от того, что они ничем не смогли помочь женщине в шали, встретившейся им на пути. Видя, что они остались вдвоем, она немного успокоилась, подойдя к мужу, попросила жалобно:

Давай, уйдем. Я боюсь здесь оставаться.

Чего нам бояться? И кто нас тронет? - По ее дрожащему, изменившемуся голосу Кабыш понял, что она потрясена до глубины души. Чтобы успокоить ее, он попытался отвлечь ее внимание.

Ветры, которые бушевали всю зиму, сдули снег с вершин тех холмов и навалили их сюда. Пока разгребешь завал - семь потов сойдет с тебя. Ну, раз, решившись на это дело, мы пришли сюда, стоять нельзя. Надо найти укромное место, где лед потоньше, рубить его будет не так трудно. С этой стороны есть небольшая заводь, рукавом заходящая в барханы. Это должно быть тихое, подветренное место. Возможно, люди туда заглядывают редко. Пойдем туда. Если попадется нам сегодня пара- другая чебаков для бульона, домой не припозднимся.

С этими словами Кабыш направился не в сторону открытого льда Майлыколя, а по кривой линии на север, где под крутыми лбами холмов темнели чащи камыша. Каждый шаг давался с трудом, влажные от пота вороты одежды заиндевели от дыхания. Тем не менее, стараясь идти быстрее по извилистой тропе, по обе стороны которой под снегом все еще виднелись замерзшие тела, они шли до тех пор, пока не оказались среди высоких стен камыша.

Мадина, напрягая все силы, стараясь не отстать, не сводила глаз с сапог супруга, которые ходко сновали, топали неустанно, прокладывая дорогу. Затем она заметила, что муж неожиданно замедлил шаг, вот он остановился. Краем глаза увидела трезубец с белым черенком, призраком возникший где-то слева, он проплывал мимо нее на расстоянии вытянутой руки. Чтобы понять, в чём дело, она подняла глаза, и перед ней замаячила грудь далеко не худого азамата, скорее всего, бывшего когда-то довольно тучным. Она ясно увидела смуглого здоровяка, черной глыбой нависшего над Кабышем. Маленький трезубец косо сидел на его огромном темени. Лицо его с темно-серой гладкой кожей, похожей на сыромять, натянутую на деревянную форму, было бездушным, без единой складки. Глаза его были потухшими, без живого огонька. Тем не менее, встопорщив две-три волосинки на гладком подбородке, трезубец попытался завести разговор:

Доброго пути!

И вам того же.

Откуда путь держите?

Что это за допрос? - Мадина по похолодевшему голосу Кабыша поняла, что незнакомец не понравился ему. - Как будто беженцам здесь делать нечего.

А таких здесь немало, - и хотя на темно-сером безбородом лице ничего не обозначилось, губы чужака резинками вытянулись в подобии улыбки. - Здесь, на этом льду, полегло костями немало тех, кто набежал сюда и с севера, со стороны Арки, и с запада, от Арала.

Мы здешние, из местных, - словно желая скорее избавиться от незнакомца, неожиданно ставшего на пути, Кабыш смягчил тон. - Нужда прижала, вот и бродим.

Вот эти, покоящиеся на снегу, - темно-серый здоровяк, кивая на обочину дорожки, качнул волосинками на гладком подбородке. - Все, кого погнала нужда. В отличие от них у тебя есть пешня. Все-таки орудие - сила человека, что может сравниться с этим. Вижу я, благодаря пешне, вы жили сносно, и только недавно узнали голод.

С чего это Вы взяли? - голос Кабыша снова ощутимо похолодел.

Да вижу я, что в сравнении со всем этим народом неплохо выглядите.

Мадина, дай ему дорогу, пусть уходит, - Кабыш перехватил пешню обеими руками, как бы готовясь нанести удар. - Сюда, встань поближе ко мне.

Огонек, вспыхнувший было в глазах темно-серого здоровяка, погас. Затем, явно побаиваясь пешни, он прошел мимо, со страхом оглядываясь на Кабыша. Его одежда прошелестела, коснувшись Мадины.

Какое-то время Мадина не могла прийти в себя от ледящего чувства смертельной опасности, сердце так и билось в груди. И только тогда, когда силуэт верзилы скрылся из виду, она перевела дыхание. Затем, уловив момент, она попыталась привлечь внимание мужа, который шел впереди.

Как ты думаешь, зачем несет он трезубец в руках? Для чего согодится он ему на замерзшем снегу и крепком льду?

Это он от безысходности, — тоскливо вздохнул Кабыш. — Что ему делать, если больше ничего не попало ему в руки.

Ты его жалеешь, а мне смысл его слов не понравился, - сказала Мадина. - Мы бродим едва живые, а он намекает про нашу упитанность, словно человек, замысливший недоброе.

Умом тронулся, бедняга. Что в голову взбрело, то и говорит, сам того не понимает.

Мадина как будто ждала именно таких слов.

Отец Сергазы, не успокаивай меня, все равно мне не по себе. Боюсь я: как бы, желая найти рыбу, не потерять нам своей головы. Давай, уйдем отсюда! - умоляюще глянула она, изливая мучающие ее сомнения. - Если суждено умереть, так лучше рядом с детьми. Если на то пошло, такие озера есть и недалеко от зимовки. Ведь наше положение худо-бедно, но терпит, не как у других. Зерна должно хватить еще на неделю. Потом, быть может, с божьей помощью, вырвемся из когтей голода.

Кабыш остановился.

Неужели ты думаешь, что я не понимаю, как все сложилось? - сердито сказал он жене. - Ведь решил идти сюда, надеясь, что озеро далеко от людных мест, что не тронута оно рыбаками, вижу, что ошибался. Но теперь нелегко развернуться и уйти отсюда с пустыми руками. Ты сама убедилась, что рыскающих беженцев здесь немало. Вполне можно стать жертвой какого-нибудь безумца, потерявшего рассудок из-за голода. Сейчас самое правильное - бежать от любого встречного человека. От многих слов толку мало, будем действовать по обстановке.

Глава двенадцатая

Мадина, вынужденная согласиться с доводами мужа, послушно шла за ним, ее терпения хватило на время, за которое можно было бы сварить молоко. Остановилась она только тогда, когда тропинка, петлявшая среди густых чащ, привела к площадке размером с шестиканатную юрту.

И здесь, на этом пятачке, ее внимание опять привлекло темнеющее в снегу тело. С тех пор, как она оказалась на льду Майлыколя, ей, обмирая от страха, пришлось увидеть немало тел, но место, где лежал человек, показалось ей особенным. Тело чернело в самом центре площадки, где высилась небольшая кучка наметенного снега, а очищенный лед выколот на глубину в носок сапога. Мерлушковая шуба несчастного была распахнута на груди. Теперь уже не поймешь, какая жестокая сила, какое лихо свалило его, только когда рухнул он на лед, теряя жизнь, трех слетел с головы и оказался на порядочном расстоянии. На его густых, черных, как смоль, волосах не было даже измороси. Брови бедняги застыли в гримасе невыразимого предсмертного страдания. Лицо, покрытое многодневной щетиной, было словно задымлено огнем мучительной горечи, на нем были написаны тоска и усталость от этой собачьей жизни. Словно ринулся он с крепко сжатой в руках киркой на жестокого врага, разбившего жизнь степного народа в пух и прах и обрекшего его на адские муки. Струйки крови, проступившие между окостеневшими пальцами, оледеневшие на ветру, уже почернели, свидетельствуя, что смерть наступила днем раньше.

От этой суровой картины и подступившей слабости Мадина словно оказалась в тумане, все плыло и кружилось перед глазами. И она поняла, что должна сделать все, чтобы не оборвалась тонкая нить веры в жизнь, которая вела ее вперед. Мадина обвела окрестности ищущим взглядом, подсознательно отметив, что на востоке и западе чащи камыша выглядели более красивее.

Кабыш сначала вытащил из воды вялого карпа величиной чуть больше четверти аршина, затем три сазана по пол-аршина каждый. Рыбы были снулые, они еле открывали рты. Кабыш красными от студеной воды руками выбросил рыбин на лед, кидая в сторону Мадины. Затем он, склонив голову над прорубью, снова принялся шарить, искать рукой в воде.

С той самой минуты, как Мадина оказалась на льду Майлыколя, ее обуревали дикие страхи; она потеряла надежду на удачу и совсем было пала духом, теперь же, не веря своим глазам, испытывала шок от увиденного. Вдруг она насторожилась, чутко водя ухом, прислушалась. Ей почудилось, что к плеску воды, шороху камыша добавились какие-то сторонние звуки. И она не ошиблась. Где-то недалеко под ногами идущих людей хрустел снег, с треском валились камыши. Без того взвинченная тревогами и предчувствиями Мадина так напугалась, что сердце со стуком полезло к горлу.

Отец Сергазы, - прохрипела она сдавленным голосом. - Кажется, кто-то идет к нам.

Кабыш резко поднял голову и спросил:

Правда? - затем, упершись обеими руками о край проруби, рывком поднялся на ноги, всполошенно заворочал головой. - Откуда идут?

С этой стороны, - Мадина кивнула подбородком на запад. Кабыш был так напуган, что сразу кинулся за треухом.

Скорее, собирайся! - заторопил он жену. - Собирайся, уходим!

Пока Кабыш надевал тымак, поднимал со льда рукавицы и пешню, Мадина успела забросить рыб в торбу. Кабыш быстро подошел к ней, взял торбу из ее рук. Забрасывая лямки сумы за спину, сказал ей:

Не медли, быстрее беги в сторону холма. Другого пути нам нет. Если пойдем по другой тропе, неизбежно столкнемся с голодными людьми.

Глава тринадцатая

Мадина успела сделать несколько шагов, когда смысл сказанного Кабышом дошел до ее сознания. Только Кабыш произнес это, как редкие заросли на западной стороне с треском раздвинулись, показались темные фигуры бежавших наперерез к ним людей. Оглянувшись, они увидели долговязого мужика в тымаке, затем другого, пониже ростом, в малахае. Первый держал в руке трезубец, второй что-то, похожее на палку. Бежавший первым заорал:

Вот они, убегают! Надо поймать их!

Где? - голос второго хотя и был тонкий, но взвился высоко. - Где?

Вон, вон, смотри в сторону холма!

Вон те, что ли? Про мужика и бабу говоришь?

Да... Не отставай от меня, работай ногами.

Ну и дали они стрекача. Не с пустыми руками.

Если понял это, беги что есть мочи.

Это все, что я могу. На большее меня не хватает.

Знаю... Выжми из себя все, что можешь.

Заметил, у последнего в руках пешня.

Ну и пусть, даже хорошо - отнимем.

Если не прикончит нас...

Пусть попробует. Все равно смерть ждет. Ты только придержи бабу. С мужиком я сам справлюсь... Сам отдаст - ладно, не отдаст - пусть пеняет на себя. Так огрею по затылку, что мозги вон изо рта.

Каким только страхам не поддалась Мадина минуту назад, услышав шум и шаги бегущих, однако в состоянии шока только об одном не подумала она, что напрямую столкнется с угрозой смерти. И теперь жестокие слова преследователей, готовых убить, настолько ошеломили ее, что она уже не осознавала, что во весь опор бежит в дебрях камыша. Она отчаянно пробивалась вперед, обеими руками расталкивая, разрывая высоченные прутья густого, желтого камыша, стоявшего бурой стеной. Уже не в состоянии была размышлять о том, что каждый шаг через сугробы дается здесь с большим трудом. В голове пылала одна мысль: добраться, чего бы это не стоило, до чад своих, оставшихся без защиты и присмотра на Караултобе, обнять их, прижать к груди; ради этого была готова и душу положить, и на смертный бой выйти. И как бы в тумане все время слышала обрывающееся дыхание мужа, спешившего сзади, его мольбу, обращенную к ней:

Мадина, не останавливайся, не поскользись. Иначе попадем в их руки. Беги прямо на гору. В случае чего на меня не оглядывайся, доберись до детей. Эти не остановятся и перед тем, чтобы сожрать человека живьем. Это люди, обезумевшие от голода.

Ком подкатил к горлу Мадины, вот-вот закипит накопившееся в груди горе и хлынет наружу. Однако она сдерживала слезы. Призвав все свое мужество, все же справилась с приступом темного отчаяния. Шатаясь, судорожно хватая ртом воздух, думала не о себе, истово молила Бога о спасении дорогого супруга. С этой жаркой мольбой, едва ли не падая всем теломTM вперед, все-таки вырвалась из плотных зарослей, в которых на каждом шагу запутывались ноги. Теперь на десятки шагов вперед простирался пяточок с совершенно ровным, выглаженным настом. А дальше на востоке громоздилась гряда угрюмых холмов, грузно насевших друг на друга крутыми склонами. Ближний холм, нависший насупленным лбом великана, показался особенно высоким. Если не принять к сведению редкие кусты тамариска, гребенщика, соляноколосника, торчащие из-под снега, с уверенностью можно было сказать, что весь склон, круто вздымающийся вверх, до самой вершины не имел ни единой чернеющей приметы, выступа или козырька. Карабкаясь по нему, то и дело оскальзываясь, Мадина замедлила шаг, чтобы перевести дыхание. Словно предчувствуя беду, сердце бешено колотилось у самого горла, в голове пылал жар. Она оглянулась назад и увидела на берегах озера темные фигурки людей, которые слонялись туда и сюда. Кабыш, словно догадавшись о причине ее замешательства, завопил:

- Никуда не сворачивай, иди прямо!

Мадина, выполняя приказ мужа, пробежала ровную площадку и устремилась к склону холма. И с первых шагов она поняла, что этот путь не дастся им малой кровью. Молилась только об одном, чтобы все закончилось для них хорошо. Тем не менее оглянулась назад, чтобы увидеть, как обстоят дела. На расстоянии вытянутой руки карабкался за ней Кабыш. За ним поспешали те самые двое: преследователи отстали от него всего на восемь или девять шагов. Когда Кабыш начал лезть вверх, расстояние между ним и врагами сократилось еще больше. Мадина поняла, что опасность приблизилась к ним вплотную, и у нее от страха начали заплетаться ноги. Если они не проявят еще большего упорства, нежели до этого, грабители сначала догонят мужа, потом ее. Вряд ли они уцелеют после этого. Бежать вверх - все равно, что плыть против бурного течения, она почти лежала на снежном склоне и отчаянно барахталась, пытаясь взобраться выше по крутому горбу, однако из ее усилий ничего не выходило. Сколько бы ни сучила ногами она, истово стремясь вскарабкаться выше, ноги скользили по твердому насту, и сажени не удавалось проползти. Эх, если бы дотянуться до кустика, раскидисто чернеющего впереди! Хотя бы одним пальцем ухватиться бы ей за ветку акации, затем подтянуться выше. Хотя она знала это, все попытки взобраться вверх были тщетны. Она просто бессильно барахталась на снегу, закусив губу, молотя руками и ногами. Вовремя подоспевший Кабыш плечом подтолкнул ее, и она проползла дальше.

После этого, уже не задерживалась на месте, цепляясь за каждый кустик, былинку, с великими мучениями она лезла все дальше и дальше. В самых трудных местах приходил на помощь Кабыш, он вонзал в снег пешню, опираясь на нее, подбирался к ней и помогал жене. Расстояние между двумя преследователями значительно увеличилось. Однако долговязый в треухе не отставал от них. Помогая себе трезубцем на скользких местах, упираясь ногами в него, упрямо рвался он вперед, показывая всем своим видом, что готов на все, что без добычи не отступит. «Все-таки одиночка есть одиночка, - подумала Мадина. - В случае чего схватиться вдвоем с одним врагом будет легче». Эта мысль поддерживала ее дух. Настойчиво преодолевая трудный подъем, уже который раз прикидывала она, что находятся они уже на середине склона. И благодарила за это Бога. Если доберется она до черного куста соляноколосника, торчащего из обширного снежного вала, то на пологий подъем, откуда до вершины рукой подать, взобраться будет нетрудно. Поэтому, напрягая все силы, словно муравей, взбиралась она вверх. Она почти добралась до середины снежного вала. И вдруг с ужасом поняла, что скользит по склону вниз.

Глава четырнадцатая

- А-а-а!

Вопль - единственное, на что оказалась способной Мадина, когда ноги вдруг предательски заскользили по насту. В эту отчаянную минуту она уже не помнила о преследователях, но интуиция подсказывала ей, что беда обрушится на нее раньше, чем окажется у подножия холма. Поэтому, исходя криком, все пыталась она и пыталась уцепиться пальцами за снег, твердый, словно мерзлая доска. Однако все было тщетно, и она внутренне примирилась с неизбежным. Все же судьба, кажется, решила по-иному. Ее пальцы ощутили упругие ветки жилистого соляноколосника с густо посаженными иглами, прочно укоренившегося на склоне, и ухватились за них. Мадина тотчас обеими руками вцепилась за ветки и замерла. Беспомощно растянувшись, она увидела Кабыша, который сверху спешил ей на помощь. Некий свет надежды на спасение затеплился в груди, однако, мгновение спустя, услышав запаленное дыхание преследователя снизу, она вся похолодела от страха.

Семеня ногами, как в угаре, неся к ней Кабыш. Затем скользнул по склону и в последнее мгновение успел воткнуть пешню в снег. Он быстро наклонился, изловчился и схватил обеими руками за ее локоть, изо всех сил потянул к себе. Но не успел подтянуть ее и на пядь, как свинцовая тяжесть, вкогтившаяся в ногу Мадина, повлекла ее вниз. И она поняла, что освободиться от этой тяжести будет нелегко. Странное чувство, будто бы это последние минуты жизни, снизошло на нее. Мадина обреченно взглянула вверх, чтобы попрощаться напоследок с мужем, и увидела, что тот не собирается сдаваться, сцепив зубы, он яростно борется за нее. Все же и он начал понимать, что, сколько бы ни старался, надолго его не хватит, - человек, который тянет вниз, рано или поздно одолеет его.

Эй, ты, что тебе нужно? - задыхаясь, крикнул он.

Еда, еда! — слабо прохрипел обрывающийся голос. - Потом пешня.

Рыбу отдам, однако пешню ни за что. Если не согласен, будем биться насмерть, - в голосе Кабыша прозвучала растущая злость.

Соперник помолчал, потом спросил:

Сколько?

Дам, чтобы хватило еды на целый день.

Согласен.

Ну, тогда сейчас... - Кабыш расцепил пальцы правой руки, которыми держал локоть Мадины, снял рукавицы, запустил руку в торбу. В это время послышался голос долговязого:

Не-ет, если хочешь спасти бабу, отдай все.

Кабыш не сразу ответил, подумал немного, затем крикнул:

- Ладно! - его рука нехотя выскользнула из торбы, затем с усилием перевела пеструю лямку над его головой и кинула суму вниз подальше. - На, держи!

Мадина увидела, как нечто темное мелькнуло над ее головой. Затем пудовая тяжесть, которая тянула ее вниз, ослабла и отпустила ее. С помощью мужа она вновь взобралась на выпирающий снежный бугор. Склонившись, она кинула взгляд на обрыв, где минуту назад висела сама, и увидела, как санками скользит вниз по насту торба, за ней катится, как на салазках, ее мучитель, то бежит прыжками, то несется кувырком. И когда она поняла, что лишилась с такими страданиями добытой рыбы, несказанная горечь опалила ее нутро.

Восстановив дыхание, они вновь полезли вверх. Кабыш не проронил ни слова. Зная, что погони за ними нет, теперь они шли медленно, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть. словно щадя израненную душу, погода заметно смягчилась, вместо прежней студеной поземки веял прохладный ветерок. Мадина, конечно, была рада такой перемене, однако на душе скребли кошки. Считая себя виноватой за то, что оскользнулась на гребне, и они потеряли драгоценный улов, она робко поглядывала на мужа. Но тот с озабоченно-печальным видом пристально смотрел на запад.

Мадина невольно посмотрела туда же. Над грядой мелких сопок, которые тянулись до горизонта, низко повисла необозримая пепельного цвета туча. Она навевала такую тусклоту на весь мир, что, чудилось, будто вся снежная степь, потягиваясь, ежась, куталась в сероватый, траурный саван. В этой мрачной картине особенно выделялось заросшее камышом озеро Майлыкол, закованное в ледовый панцирь, с обширной белой пустошью посредине, хоть байгу устраивай по кругу. На этом льду там и сям, словно кизяки, темнели пятна, и она уже знала, что это тела умерших людей, мимо которых они сами прошли накануне. Со всех сторон, и с севера и с запада, долину пересекали, разрезая ее темноватыми линиями, строчки бесчисленных троп, они сбегали к озеру и с крутых яров на востоке и юге. Это были тропы, проложенные голодными людьми, в поисках еды рыскающими по всему краю. Они оставили свои дома, и последним пристанищем, где силы покинули их, оказался лед озера.

Сегодня с утра Мадина стала свидетельницей трагических событий, от которых содрогнулось ее сердце, и она поняла, что нет горше и печальней беды, когда вымирает весь народ и некому уже оплакать и закрыть саваном лица умерших людей. Она все же окинула оком озера ищущим взглядом, словно надеясь на то, что кто-то из лежащих еще жив, вот-вот зашевелится и встанет на ноги. Однако, сколько бы ни искал ее взгляд, обшаривая дали великой, необъятной степи, не мог он найти среди распростертых тел ни единого создания, способного ожить и встать на ноги. Вдруг спазм перехватил горло, и сердце содрогнулось в порыве завопить на всю степь, поднять плач великий по умершим, причитать и голосить, пока не иссякнут силы и сама земля не встанет на дыбы. Впрочем, как всегда, страх и робость оказались сильнее, чем веление души, они выплыли из темных глубин и опутали душу теньями, не дав и рта раскрыть. Ей нужно было думать о жизни, чувствовать ее, чтобы забыть хотя бы на минуту о катастрофе, от которой обмирала, никла душа, она взглянула на Кабыша. Кабыш положил пешню и рукавицы рядом с собой на снег, сел на колени, обратившись лицом в сторону Мекки. И Мадине ничего не оставалось, как, следуя велению обычая, сесть рядом.

Кабыш сбился со счета, невозможно было сосчитать тела, лежащие по всей долине, да и глаза утомились, он опустил веки, принялся шевелить губами, словно жалуясь неведомо кому, выпевая молитву, покачиваясь всем телом. Так сидел долго. И затем, словно

отчаявшись искать поддержки у жизни на лице земли, поднял вверх заскорузлые, потрескавшиеся от холода и студеной воды кривые пальцы, обращаясь к властелину неба, принялся молиться за упокой души уже умерших, а также тех, кто умрет от голода. Затем провел ладонями по темному, заросшему многодневной щетиной лицу. Ощупывая наст руками, не поворачивая головы, нашел рукавицы, надел их, взял пешню. Опираясь на пешню, встал. Он повернулся к Мадине, которая, повторив все его действия, тоже поднялась на ноги.

- Вот и все, - пробормотал он с виноватым видом. - Раньше я скрывал от тебя, что не раз обходя всю округу в поисках еды, поднимался и на этот холм. И где бы ни был, везде видел одно и то же - мертвые тела. Накануне, когда ты сказала, что надо опять вступить в калектеп, что еще не поздно, я не стал отвечать тебе, а причиной было вот это самое. Я хотел умолчать правду о катастрофе на Божьей земле, чтобы ты не страдала от этого, хотел скрыть от тебя. Однако утаить не удалось. Привел тебя на Майлыкол, надеясь, что это удаленное от народа место, что, возможно, малоллюдно оно. Однако теперь скрывать нечего. Сама все видишь.

Не надо... отец Сергазы, душа горит, - с трудом произнесла Мадина, дрожа от спазм, сдавивших горло. - Признаюсь, мучаясь от голода, не раз задумывалась, дескать, если вернемся к людям, то в гуще народа избавимся от всех напастей. Откуда было мне знать, что мор охватил весь народ от мала до велика? Теперь только начала понимать, что происходит... Сейчас самое лучшее для нас - живыми и здоровыми вернуться домой, большей радости нет.

Да, самое правильное для нас - сделать это. Я должен попытаться счастья и на маленьких озерах, что рядом с землянкой, авось удастся разжиться рыбешкой для бульона детям. Разве не говорили деды: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» - теперь я уяснил этот смысл. После этого никакая сила не уведет меня далеко от зимовки. Одно сейчас удручает меня - что удлинил путь домой по сравнению с прежней тропой.

Вернемся той же дорогой.

Не-ет, не говори так. Или мы из ума выжили, чтоб идти навстречу опасности? К тому же в поисках рыбы, убегая от преследователей, мы оказались на другой стороне Майлыколя. Теперь поневоле придется изменить направление пути. Пойдем вот так.

Глава пятнадцатая

Мадина старалась не отстать от Кабыша. Тот шагал по гребням увала, то пристраивая пешню на плечо, то вонзая ее в наст, заковавший холмы в белую броню, и опираясь на нее, когда приходилось скользить по склонам. Они шли лицом к морозной поземке на северо-восток по песчаным косогорам, вал за валом убегающим до самого горизонта, придавленного серыми скучными облаками. Теперь Мадина словно забыла про изнурение от недоедания, что озябла изрядно. С особенным ожесточением боролась она с препятствиями, хватаясь руками за ветки колючих кустов, преодолевая зыбучие пески там, где снежный покров был тонкий, порой звала на помощь Кабыша. Одно было у нее на уме - нельзя останавливаться и терять драгоценное время, надо идти и идти.

Не прошло времени нужного, чтобы вскипятить чай, когда супруги, едва волочившие ноги, поднялись на гребень большого бархана и увидели внизу в лощине чью-то заброшенную зимовку. Этот сай был покрыт густым кустарником, разрезан многими распадками и промоинами, одна сторона лощины упиралась в пески, другая же широко выходила на пологий берег приозерной низины. Глядя на надворье, Мадина подумала, что в прежние времена, когда в этих краях царил достаток, процветала торговля, зимовка, по всей видимости, принадлежала зажиточному аулу. Зимовкой, скорее всего, служил дом, сложенный из саманного кирпича, его окружали семь или восемь юрт, поставленных тесным рядом. Из снега там и сям торчали остатки загонов, которые, видимо, служили кошарами и сараями, когда еще имелся скот у этого аула. Не было заметно никаких других признаков жизни. Будто сгинули все разом, не было слышно и лая, рычания собак, которые в прежние времена уже на окраине аула накинудись бы свирепой сворой.

Муж и жена не стали стоять на холме, спустились в сай. Путь прокладывал Кабыш, он вел среди кустов по чистому снегу без единой строчки мышьих следов, в конце концов, подошел к крайней белой юрте. Замедлив шаг, с удивлением оглядываясь по сторонам,

неуверенно шла за ним Мадина. Повсюду, насколько хватало взгляда, снег был девственно чистым, без хотя бы одного человеческого следа.

Кабыш не выдержал.

- Есть кто-нибудь? - крикнул он, однако ни звука не получил в ответ. Он потрогал обледенелую тростниковую дверь, потом потянул ее на себя. Пропустив Мадину вперед, шагнул в юрту следом.

Тундук юрты был открыт, освещенное помещение хорошо просматривалось, жилище было нарядно убрано. На кереге²¹ по кругу были развешены ковры, тускиизы²² с Богатым орнаментом. На правой стороне возвышался деревянный кебеже²³ с красивыми костяными накладками, рядом с ним стоял инкрустированный серебром сундук, на нем были сложены пирамидкой одеяла, подушки. Вид у них был вполне приличный. И словно подтверждая своим видом, что он единственный владелец этого богатства, на кровати неподвижно возлежал одетый в зимнюю одежду белобородый старик.

Кабыш отдал салема старику и подошел поближе. Вслед за этим он что-то пробормотал и провел молитвенно ладонями по лицу. Увидев это, Мадина испуганно прижала ладонь к губам. Не в силах справиться со страхом, словно человек, который случайно попал в склеп, она попятилась назад к двери.

Следом за ней вышел Кабыш. Положив пешню на плечо, пошел вперед. Внезапно он, словно вспомнив что-то важное, резко обернулся. Перебегая от юрты к юрте, он осмотрел все дома. Вернулся к Мадине. Взволнованный, он с трудом отдышался.

- Ни единой живой души, - сказал он. - Быть может, кто-то раньше ушел за кордон, а остальные давно умерли от голода.

Тем не менее Кабыш, по природе своей общительный человек, любивший перекинуться со встречными парой-другой словечек, подошел к зимовке. Он обошел дом по кругу, остановился перед дверью.

Первое, что бросилось в глаза Мадине, - большой сугроб, до половины человеческого роста наметенный у входа, из него косо торчала прочная жердь, поставленная кем-то, она была уперта в дверь, чтобы ее нельзя было открыть.

Кабыш помедлил немного, словно раздумывая, как ему поступить, затем проворно принялся за дело. Он напрягся и вырвал подпорку, отбросил ее в сторону. Затем пробил пешней затвердевший от ветра и мороза льдистый наст, размесил ногами рыхлый нижний слой и руками отгреб снег в сторону. Потрудившись до седьмого пота, обнажил нижнюю часть двери так, что стали видны темные, повлажневшие доски, выскребя землю, сделал выемку, открыл дверь и, скрипя кожей шубы, протиснулся во вход.

Мадина осталась во дворе. Однако муж почему-то задерживался, не вытерпев, она медленно с опаской вошла в дом. В сенях была такая темень, хоть глаза выколи, она постояла немного, чтобы глаза привыкли к мраку, затем осторожно перешагнула порог большой комнаты. Сквозь маленькое заиндевелое оконце сочился слабый лучик света. Язык не повернулся бы назвать это место жильем - здесь было даже холоднее, чем снаружи, все говорило о том, что огонь уже давно не разжигался в очаге этого дома. Стужа, казалось, пробирала до костей. Без того озябшая Мадина, не обращая внимания на дрожь, начинающую пробирать ее, подошла к Кабышу, неподвижному, словно истукан, и остановилась рядом с ним. Постепенно ее глаза привыкли к полумраку и стали различать темные предметы. И тогда она увидели детей, их было четверо, один меньше другого. Старшему, видимо, было лет десять, самому младшему - годика три. Три мальчика и одна девочка. Все они, кто где, вповалку лежали на полу.

Мадина устремилась к девочке, той самой, которой было годика три. Прижала к груди, постояла немного, тельце казалось невесомым, положила обратно на место. Истощенное до невероятной степени, остались лишь кожа да кости, безвинное дитя давно обратилось в лед. Мадина потрогала второго, третьего, четвертого ребенка. Все они были холодные, неподвижные, без малейших признаков жизни. И тогда затаенное чувство горя, которое мучительными спазмами с утра давило грудь, внезапно вырвалось наружу. Забыв обо всем,

²¹ Кереге - деревянная обрешетка юрты.

²² Тускииз - войлочный ковер с аппликациями.

²³ Кебеже - короб для хранения вещей или продуктов.

Мадина подняла голову и заревела, заголосила протяжно, словно верблюдица, потерявшая верблюжонка.

Глава шестнадцатая

Кабыш вывел Мадину наружу, они пошли дальше, взбираясь по склонам холмов, делая передышки на вершинах косогоров, где морозный ветер остужал им лица, спускались в низины и распадки, а она продолжала навзрыд плакать.

В какой-то момент Кабышу показалось, что плачет не одна Мадина, а исполняют траурный жоктау все матери казахской степи, перед его глазами все потемнело, земля и небо пошли кругом. Затем он подумал, что, если они не возьмут себя в руки, не одолеют столь тяжкое горе, не продолжат свою борьбу, то ни им, ни их детям не быть жильцами на этом свете. Голод прикончит их. Он стряхнул с себя гнетущее чувство, затем, чтобы успокоить Мадину, сказал, как бы предполагая:

— Скорее всего, родители несчастных детей вышли искать еду, так и не вернулись домой, - и сам же сомневаясь в своих словах, продолжил. - Может быть и так, что у них кончились припасы, и они не смогли забрать с собой детей. Сами же ушли куда глаза глядят, лишь бы ступить хотя бы на пядь в пределы чужой земли? В конце концов, Кабыш, чтобы привести ее в чувство, сказал:

- Перестань, Мадина. Слезами горю не поможешь, нас в этих краях уже никто и ничто не утешит. Не скрою, видя смерть множества людей, поначалу я тоже не мог удержаться от слез. И только приблизившись к дому, брал себя в руки и уже заходил в землянку как ни в чем не бывало. Любой другой человек, понимающий свое бессилие, поступил бы так же. Говорят, слезами горю не поможешь. И в самом деле, подорвешь свои силы, и больше ничего. Если не можешь ничем помочь страдающему народу, то какой толк от твоего плача? В последнее время я говорю себе только одно: «Не до жиру, быть бы живу». Наверное, отсохли мои нервы. Сейчас у меня других мыслей, кроме того, как найти еду, чтобы дожить до завтрашнего дня, не осталось.

Мадина вняла словам мужа и прекратила плакать. Успокоившись, она поняла, что поддалась обычной женской слабости. Действительно, с тех пор, как обрушилась на этот народ катастрофа, что мог он исправить слезами и плачем? Хоть волосы на себе рви, но умерших детей не воскресить. Сколько бед пришлось пережить, а противопоставить им нечего. В таких ужасных условиях спасение собственной семьи - огромная удача. Казалось бы, успокоилась Мадина, приводя самые разумные доводы в пользу мужества, однако долго еще не могла избавиться от мрачных, гнетущих мыслей.

Они продолжили свой путь, карабкаясь вверх по склонам того же холма, с которого недавно спустились к зимовью. Мадина знала, если им удастся подняться еще выше на рост человека, они окажутся на гребне просторно разлегшегося громадного косогора, с которого откроется вид на весь край. А дальше предстоит спуск. Там не придется, задыхаясь от нехватки воздуха, напрягаться из последних сил. Конечно, путь еще предстоит немалый. Тем не менее передышка есть передышка. Долгий спуск поможет им, как следует, перевести дух. С этой мыслью, подбадривая себя, Мадина собрала все силы и сделала еще три шага, и не успела поднять глаза, как увидела осунувшиеся лица двух человек, выходящих с противоположной стороны гладкого снежного горба. Она не на шутку испугалась. Не зная, как быть, она оглянулась на Кабыша, тот тоже замер в растерянности. Заросшее щетиной лицо Кабыша поначалу суровое, настороженно угрюмое, вдруг потеплело, расплылось в обрадованной улыбке.

Жиенкул?

Кабыш?

Поднявшись на холм, они устремились друг к другу. Когда под однообразно серым, без единой серой промоины небом на пологой белой вершине самого большого в округе холма показалась долговязая фигура Жиенкула, Кабыш был уже рядом. Оба, побросав на снег свои пещни, крепко от души обнялись. Успокоившись немного, они протянули руки своим женам, которые карабкались вслед за ними, помогли им подняться на вершину. Все четверо, учащенно дыша, стараясь превзойти друг друга в вежливости, поздоровались, как требовал того старинный обычай.

Зауре, жена Жиенкула, подошла к Мадине. Она пыталась быть приветливой, но от прежнего заразительного радушия мало что в ней осталось. А ведь когда-то в годы благоденствия была лучшейся весельем, полной и красивой смуглянкой. Сейчас истощенное лицо ее с потухшими глазами выглядело печальным. Несмотря на это, брови ее, как и прежде, были благодушно разглажены, словно отражая ее непоколебимую уверенность в своем муже.

Дочерна смуглый, худой и долговязый Жиенкул казался спокойным. Усы и борода аккуратно были подстрижены. Одежда на нем была справная, тем не менее брови тяжело насуплены. Все же в его облике и движениях проскальзывало затаенное беспокойство. Словно подтверждая это, он первым начал разговор.

На Майлыколе бывали?

Да, - грустно вздохнул Кабыш. - В этом году первый раз побывал там.

Видели, наверное, что происходит с людьми?

Видели.

Везде такое положение. Куда не пойдешь, везде видишь одно и то же - мрущие, словно мухи, люди. - Жиенкул прошептал, стиснув зубы. - Настали черные дни для народа. Боюсь даже спрашивать, как дела у твоей семьи?

Кабыш понял смысл его слов.

Слава Богу, - сказал он. - Пока все мы живы и здоровы.

После этих слов Кабыша лицо Жиенкула разгладилось, он тепло улыбнулся, не скрывая облегчения.

Э-э-э, так бы и сказал сразу, не тянул.

И в самом деле, - поддержала мужа Зауре. - Глядя на ваши мрачные лица, подумала ненароком: «Какую беду им пришлось пережить?» В голову полезло всякое, у вас, в семье, оказывается, все живы, невредимы. Наверное, подустали вы, и не мудрено - каково по таким сугробам усталому, истощенному человеку пробираться. Мы тоже рыщем по всему краю, чтобы разжиться рыбешкой для уха, где только не побывали.

И то ладно, что хоть одно сомнение устранил, Кабыш. - сказал Жиенкул. - Что может быть лучше этого в наше время, когда люди думают только об одном - лишь бы не умереть с голоду? В последнее время я часто молю Бога: «Если сумею сохранить семью живой и здоровой до весны, то, считай, в этой жизни я достиг всего. Только помоги мне добиться этого!» Не от набожности говорю это, просто вижу, что, кроме Бога, в этом мире казахам больше не от кого ждать милосердия и помощи.

Но куда сгинули партия и правительство, обещавшие манну небесную, если люди вступят в колхозы? Где они? - холодно спросил Кабыш. - Почему они не окажут помощь в такие трудные дни?

Сам теряюсь в догадках. Раньше я верил, что власть ни за что не оставит в беде аульную бедноту. А сейчас побаиваюсь, что этот голодомор специально устроен балшабеками²⁴, чтобы уничтожить народ.

Жиенкул, правду ты на этот раз говоришь или ложь? - Мадина, стремясь высказать то, что накопело на душе и уже не в силах сдерживаться, опередила Кабыша. - В самом деле, вы сами дошли до того, что бродите с протянутой рукой, или отговариваете нас, чтобы мы не присоединились к аулу? Не ты ли уговаривал нас вступить в колхоз? А ведь ты был среди тех актевесов в тот день, когда они перевернули вверх дном наш дом, устроив обыск, забрав все зерно, когда отец Сергазы отказался вступить в калептеп. А теперь, когда люди мрут, словно скот от сибирской язвы, ты объявился в степи и объясняешь все по-другому.

Верно, все верно. И обида твоя понятна, и сомнеш уместно. Я виноват перед вами. В эти дни, когда вспоминаю' ся кое-какие мои несправедливые дела, я покрываюсь холодны потом, Мадина. Моя большая ошибка в том, что, поверив красноречивое вранье властей, стал поддерживать их лживу агитацию. Что может быть более позорным для честного человека? Кабыш оказался более стойким, чем я, проявив ост< рожность, оставшись на своей старой зимовке. Хотя был дале он от многих новостей, тем не менее не дал провести себя, кг малое дитя. А я...

Тогда почему ты до сих пор в колхозе?

Вы, оказывается, еще не слышали. Мы уже давно вышл из колхоза и живем себе на стороне.

Мадина, стоявшая между супругами, повернула голову сторону Зауре и с удивлением спросила:

Неужели? В самом деле, ушли?

Не дали житья. Замучили налогами, обобрали до после; ней нитки, чуть ли не живьем сняли с нас кожу. Вынюхивал дым из очага, следили за тем, какая еда готовится в нашем дом В конце концов, пришлось нам подобру-поздорову убираться подальше в барханы и обосноваться там.

Вы же были из беспорточников, а говорили, что в ласт таких бедняков, кто вступит в калектеп, не тронет.

Так баев же давно распотрошили, раскулачили. А в аут всегда найдется кто-нибудь из голоштанников, кто беднее теб Так кого же притеснять ненасытным актевесам, если не те: кто припрятал просо для талкана²⁵, да наловчился разживаться рыбкой для ухи? Те азаматы, кто был на коне, жили, оказывается, одни днем, дескать, сегодня имеем хлеб да масло, а завтра - Бог п< шлет что-нибудь, - поддержал Жиенкул жену. - Нам же был суждено с рождения сполна вкусить нищеты. Голи, привыкше жить в черном теле, невзгоды оказались не в новинку, оно понятно, что голытьба терпела, тянула свою лямку как-нибудь: Богатеи же, которые как сыр в масле катались, как только у ни отобрали все, и наступили для них черные дни, так полегли р; зом все. Когда голодомор набрал силу, и истощенные люди ст; ли вымирать скопом, понял я, какое это великое умение - сся'1 пшеницу, рыбачить в реках и озерах. И тогда взяла меня злость на тех, кто у власти, кто не учил людей простым, но важным ремеслам.

- Один из них вон тот, плетущийся, - Зауре показала рукой в заснеженную степь, где вдалеке чернели две фигурки движущихся друг к другу людей. - Не знаю, кто тот, кто идет с запада, но тот, кто пробирается ему навстречу - точно Оримбай. Прежде он с коня не слезал, чтобы своими ногами хоть шаг сделать, словно это уронило бы его достоинство в глазах людей. Сегодня у него не только коня, но и пустой баланды нет. Приплелся к нам спозаранку и сидел, плача и канюча, до обеда. И только тогда, когда жалостливая свекровь, обделив детей, дала ему похлебки, он с неохотой отправился в путь с нами.

И трое, глядя в сторону, куда показывала Зауре, где у самого горизонта копошились, двигаясь друг к другу два черных пятнышка, еще какое-то время вели свою невеселую-беседу.

²⁴ Балшабеками - большевиками.

²⁵ Талкан - толченое сваренное просо.

Глава семнадцатая

С трудом выбравшись из пологой котловины на ровное место, Туктибай заметил темный силуэт человека, который шел ему навстречу, и по своей привычке ждать подвоха от судьбы, недобро подобрался. Когда встречный мало-помалу приблизился, и уже можно было различить богатую, с синей изнанкой енотовую шубу, тымак из лисицы - одежду, говорившую о лучших временах владельца, канувших в Лету, признал он в нем Оримбая. И несколько не обрадовался. По его бредущей, шаткой походке, худому лицу, выдававшему изнурение и отупение от голода, без труда понял, что Оримбай, как и многие казахи в эту стужу, в поисках еды одиноко скитающиеся по обледенелым снегам, чтобы, в конце концов, безжизненно рухнуть, определенно нищенствует, и что ему недолго осталось ходить. Туктибай был утомлен и обозлен тем, что который час идет и никак не может добраться до Караултобе, где надеялся разжиться хоть горсточкой зерна. Эта горечь была усилена злостью, что от встречного никакого толку не будет, и что именно тогда, когда сбился с пути и заблудился, словно в издевку судьба столкнула его ни с кем иным, как с Оримбаем, этим спесивцем, в старые сытные времена не раз гарцевавшим мимо него на породистом коне. А затем муть, царившая в голове, бросила его в пустые грезы, где он, не доходя до землянки Кабыша, каким-то образом разживался свежим мясом, спешил домой, чтобы накормить Ердаулета. Однако вид кинжала, висевшего на поясе Оримбая, быстро привел его в чувство.

Оримбай шел прямо по глубокому снегу, не сворачивая, не собираясь уступать дорогу, расстояние между ними мало-помалу сокращалось. Когда осталось шагов пять или шесть, он вдруг, выдувая клубы пара, радостно затараторил:

Ойпырмай, ты ли, Туктибай? Давно сбился с ног в поисках тебя, а ты сам вышел на меня, значит, удача ждет меня.

Оримбай выглядел внушительно только из-за вороха меха на нем. На самом деле одежда висела на одном только костяке, обтянутом вялой кожей, сразу было видно, что дела у бывшего влиятельного бия²⁶ идут хуже некуда. Если бы не пышные борода и усы, припорошенные инеем, сразу обратили бы на себя внимание выступающие глазные костницы, ввалившиеся щеки, из-за которых изможденное лицо выглядело непропорционально маленьким. Однако Туктибай не ощутил ни малейшего желания сочувствовать бию. Напротив, не желая, чтобы тот видел, насколько изнурен он сам, словно отстраняя его от себя, остановился в двух-трех шагах. Затем, отбросив этикет, который приличествовал по отношению к старшему человеку, и, чтобы увести разговор в сторону, сказал холодно:

Здоров ли ты?

Какое здоровье? - тяжело вздохнул со скрытой обидой Оримбай. - Не прошло и месяца, как потерял жену. Без того была больная, а мучений голода не перенесла.

Пусть будет душа ее в раю, - Туктибай провел ладонями по лицу. — Все же хорошо, что не увидела своими глазами страдания детей, что ушла раньше. Что может быть лучше этого?

Сказанное тобой — одно из желаний всех родителей. В наше время неплохо и это, если человеку дано оно. Однако до последнего вздоха, не зная, не ведая о детях ничего, исходила она слезами и мольбой.

Исходила слезами? Отчего? Где они?

Помнишь телку, ту, что половину туши дал тебе? Свою половину я вручил младшему брату и с детьми отправил его в Ургенч. С тех пор от них никаких вестей. Туктибаю почудилось, что пламенем объяло его душу. Это был огонь сожаления, что не внял совету Сырги, не ушел вместе со своей семьей в чужие края. Затем вспомнился Ердаулет, оказавшийся на краю гибели, томительно ждущий отца хотя бы с крохой еды. Он буркнул:

Правильно сделал. По крайней мере, это легче, чем видеть своими глазами смерть детей.

А что мне было делать? - ответил Оримбай. - Если не в силах моих выцарапать хоть кроху съестного, как это можно бедняку Жиенкулу. Разве был у меня хоть какой-то выход, кроме этого?

Туктибай вздрогнул.

Слышал я, что Жиенкул обосновался в землянке Татима. Как у него дела?

Не скажешь, что отрыжкой несет от него, но и как будто не бедствует он.

²⁶ Бий - народный третейский судья в дореволюционном Казахстане.

Откуда ты это знаешь?

Только что был у него, подкрепился болтушкой, поэтому немного сгодился для дороги.

Как только Туктибай услышал о зерне, в надежде узнать кое-какие полезные сведения, решил развить тему разговора.

Очень трудно поверить в сказанное вами, - подзадорил он Оримбая. Тот же, зная Туктибая еще с писарских его времен, ведая про его плутовскую натуру, заметил это.

Ей Богу, - сказал он спокойно, затем, мотнув бородой в сторону песчаного косогора на севере, продолжил. - Вон те, стоящие на холме, Жиенкул и его жена. Мы вместе шли до поры до времени, потом наши пути разошлись. Они пошли ловить рыбу.

Туктибай уставился туда, куда показывал Оримбай, в сторону, где над нагромождениями песчаных холмов, едва не задевая снежные гребни, тянулись свинцово-серые облака, и увидел черные пятнышки человеческих силуэтов, которые уменьшались на глазах, а потом исчезли на западе. Оставшиеся двое двинулись на юг. Туктибай предположил по их признакам, что это Кабыш и Мадина. Не было никаких сомнений, что они возвращаются домой.

Туктибай тотчас изменил прежний план, решив, что ему надо идти не на Караултобе, а к зимовке Татима, до которой теперь было рукой подать. Если в зимовке нет человека, который мог бы оказать ему сопротивления, что может быть выгодней этой ситуации? Он волком накинется на беззащитную старуху и маленьких детей, выпытает, где спрятано зерно, и унесет, сколько сможет. Затем птицей полетит к дорогому Елдаулету, вихрем помчится. Теперь надо скорее избавиться от этого заморыша Оримбая, остальное - нетрудно, это дело его рук и ног.

Омеке, нет времени на разговоры, дел по горло, — одно только владело сейчас помутневшим разумом Туктибая: мысль об умирающем от холода и голода единственном сыне. Перед глазами стоял туман, голова кружилась. И по своей старой привычке подавлять волю просителя он заговорил грубым, холодным тоном, всем своим видом показывая, что собеседник ему неприятен:

Что стряслось? Почему искал меня?

Хочу посоветоваться... Нам надо бежать отсюда, искать место, где люди живут сытно, в достатке. Иначе лежать нам в снегу непогребенными.

-Знаю...

Значит, ты согласен?

Мало ли, что согласен, далеко ли уйдет человек, у которого, как говорится, зубы есть, да нечего есть? Ты подумал об этом?

Это верно. Однако, если в руках окажется золотишко, драгоценные камни, серебро на худой конец, то нет ничего невозможного.

Откуда все это возьмешь? - чуя своим волчьим нюхом, что в словах Оримбая что-то таится, Туктибай испытующе глянул ему в глаза. И соблазнительные мечты, некогда мучившие его и угасшие было, вдруг вспыхнули с такой силой, что Туктибай импульсивно вздрогнул.

Найду. Лишь бы ты согласился. Только пошли меня прижать его к стенке.

Кого?

Кыпчака Кабыша.

Если думаешь найти богатство у голодранца, то ты пропащий человек, - холодно сказал разочарованный Туктибай. - Или ты начал терять рассудок?

Не-ет, не спеши. Поспешишь - людей насмешишь. Сначала выслушай меня. Кабыш хотя и бедняк, но в его руках ключи от казны бая Сатыбалды.

Как только Туктибай услышал про золото и серебро Саты- балды, луч надежды, пробиваясь сквозь боль и тревогу, мутью заливающие его сознание, засветился для него. Встрепенувшись, буравя собеседника глазами, он спросил:

Откуда ты это знаешь?

Однажды темной ночью, проезжая мимо юрт на Караул- тобе, я случайно подслушал, как Сатыбалды кое-что поручал Кабышу. С тех пор знаю.

Туктибай понял, что Оримбай теперь сам по своей воле выложит тайну клада, однако, сгорая от нетерпения, принялся торопить его.

Что сказал Сатыбалды?

«Мой сын, Зиялы, решил остаться здесь, сколько не уговаривал его ехать с нами, уломать не удалось. Ну что ж, значит, такова его судьба. С другой стороны, я сам не против, чтобы хотя бы один мой отпрыск оставался на родине... Если время обернется в нашу пользу, возможно, вернусь сам, если не вернусь, то, когда Зиялы наберется уму-разуму, поведешь в Жын- гылсай, там выкопаете клад и поделите его поровну. Хватит его с лихвой вам обоим на всю жизнь. Только не жадничайте, не подводите друг друга», - сказал он. - Затем, как и предупреждал сам, Сатыбалды исчез из наших краев. Слышал я, что Зиялы обретается в верховьях реки в одном из крупных городов.

Туктибай понял, что Оримбай выложил все, что знал про казну Сатыбалды. Он протянул нарочито равнодушным голосом:

И на этом всё? Это же пустые слова, брошенные на ветер, в них концы с краями не связать. Ой-бай, Туктижан, что нужно тебе еще, кроме этого? - жарко зачастил Оримбай, опасаясь того, что Туктибай, единственно способный довести дело до конца, не поддержит его, тогда тщательно обдуманый план, бережно лелеемый в душе, рассыпется в прах. - Не будет ли вернее объяснить кыпчаку Кабышу, что лучше поделить гниющий в песках клад между ними троими, чем подыхать с голоду, как собаке? Если золото окажется в наших руках, что помешает нам добраться до земель хлебного народа и обосноваться там? Если он поймет нас - хорошо, не поймет — силой заставим. Если покажет спину, словно удирающий лось, дай волю мне - уж я-то прижму его. По лицу Оримбая прошла тень, неуловимо преобразив его, сделав похожим на матерого волка, обнажившего сточенные клыки и угрожающе напружинившего когтистые лапы.

Туктибай немного задумался. В лучшие для них времена Оримбай был, как говорится, «нос крючком, борода клочком», среди воротил в крае почитался как один из видных краснобаев, к словам которого все прислушивались. Будучи своим среди чужих, прослыл правой рукой волостного Байбола, который, враждуя, не ладил с Сатыбалды. Положение Туктибая - то, что он стал волостным писарем, в немалой степени было заслугой тароватого Оримбая. Напоминая всякий раз об этом, Оримбай был не прочь использовать связи с писарем как оружие против своих врагов. Доводилось им делить и прилипшую к ладони монету. Пусть из страха или уважения, но поделился осенью половиной туши телки. Разве не благодаря этому Туктибай дожил до этих дней? Но разве сейчас такие времена, когда вспоминают добро и зло, чтобы вернуть той же мерой? Это время давно минуло и сгинуло. И если этот несчастный старик, полубезумный от голода, от потери сил едва стоящий на ногах, не смыслящий порой, что говорит, подчинит Туктибая своей воле, то грош тому цена.

Хотя слова Оримбая про золото впечатлили Туктибая, согрев ему душу, все же он решил помалкивать об этом. Он понял, что Оримбай по своей воле в одиночку ни за что не сунется к Кабышу. Кабыш, пусть был из голодранцев, да слыл задиристым, парень-порох, он в обиду себя не давал. В старые времена бывало, когда бий подминал его под себя, держа руку на горле, Кабыш и тогда упорствовал молча, зло ощетинившись. Станет ли теперь он слушать дряхлого хрыча, дрожащего, как лист на ветру?

Эти мысли в мгновение ока пронеслись в голове Туктибая, прежде чем грубо ответить Оримбаю, все взвесил он, все оценил:

- Вы хотите, чтобы я замарал руки в крови? Постыдитесь своей белой бороды! Что это за слова?

Жесткий, отрезвляющий ответ Туктибая словно ушат ледяной воды подействовал на Оримбая, молча переминаясь на месте, он сник с жалким видом.

Туктибай же повернулся и ушел.

Скитаясь по бездорожью, какое-то время скрываясь, Туктибай бродил бесцельно среди кустов, полузанесенных снегом, а когда старик исчез из виду, повернул прямо к зимовке Татима. Хотя жалящий студеной ветер наждаком полосовал щеки, лоб, толкал и давил в грудь, лишая сил без того изнемогающее тело, он упорно шел вперед на восток. Он спешил воплотить в жизнь задуманное. Даже если вернется Жиенкул с полдороги, либо опасаясь чего-то, либо потому, что путь оказался неблизким, он должен повернуть дело быстро, чтобы опередить его. Иначе считай, что все пропало. Через некоторое время Туктибай вышел на следы, оставленные Оримбаем. Следы одинокого человека тянулись по глубокому снегу, затем круто поднимались по склону холма и там на горбу исчезали. Стремясь скорее

пройти по этим следам, одолевая крутой подъем, Туктибай из всех сил заработал ногами. Быть может, повлиял недавний разговор про золотой клад, однако Туктибай ощущал в груди некий легкий жар, помогающий забыть про изнурение. И даже начало грезиться ему, что, если удастся сегодня вырвать сына и жену из кровавых когтей голода, то завтра, быть может, богатство само свалится в его руки.

Хватаясь за ветки почти засыпанных снегом кустов, подтягивая себя к ним, Туктибай с трудом вскарабкался на вершину холма. Отсюда до зимовки Татима было уже совсем близко, она уже виднелась. Только при внимательном изучении наметанный взгляд мог бы заметить среди снегов занесенные сугробами холмики землянок, их было несколько, и около десятка загонов и сараев. Кроме слабого дымка, косо кутившегося над трубой единственной мазанки, сложенной из самана, не было видно никаких признаков жизни.

Туктибай, не тратя время на отдых, распахнул отвороты шубы, сунул руку в карман камзола, вытащил платок, просторный, шириной с подол женского платья. Потом снял тымак и наглухо обвязал голову платком, скрывая нижнюю часть лица, так, чтобы осталась лишь щель для глаз. Потом нахлобучил треух поверх платка и двинулся дальше. Вскоре он вышел на узкую тропинку, по которой люди ходили каждый день, здесь край наста доставал только до середины бедер, все же идти было легче. Он прошел мимо двух землянок, чьи холмики, если только не принимать во внимание печные трубы, почти не отличались от обычных земляных бугров. Обошел три-четыре заброшенных загона, где свистел ветер, а холодная пустота словно выдула все признаки жизни, в том числе и скота. Внезапно на пути оказался высокий камышитовый загон для верховых лошадей. Обойдя его, Туктибай оказался во дворе, очищенном от снега, где высился изрядный дровяник из веток жынгыла и ченгеля²⁷. Это был двор жилой мазанки. Помедлив немного, настороженно оглянулся по сторонам. Затем кинулся вперед, дернул со всей силы скрипучую дверь и ворвался в дом. Возле печки сидела сгорбленная почерневшая старуха. Он, вопя, устремился к ней:

Неси сюда все, что есть в доме, иначе не жить тебе!

Детишки, один меньше другого, барахтавшиеся на торе, заверещали, словно птенчики, на которых напала змея.

А перед глазами Туктибая, опалив сердце, огнем пронеслось видение: единственный сын Ердаулет, у которого, наверное, сил не осталось даже на слезы. И как только эта мысль пришла на ум, он очертя голову ринулся на старуху, которая сидела с каменным видом, игнорируя рев внуков и оголтелый крик чужака, схватил ее за шиворот и принялся мотать туда и сюда:

Говори, старая хрычовка, пока живая, где тайник!

Молчание и покорность старухи только подстегивали безумную ярость Туктибая, он принялся волочить ее по полу, насколько хватало сил в руках трясти ее. Неожиданно старуха, зацепив ногой шкуру, растянулась на полу, подстилка сдвинулась, открыв небольшую нишу у самой печи.

Туктибай, увидев заветную цель, к которой стремился столько дней, оттолкнул старуху. Подскочил к нише и выдернул оттуда мешок с зерном. Зерна в нем было, судя по весу, около двух пудов. Торопясь, закинул мешок за спину. Краем глаз заметил, что старуха, вереща что-то, отчаянно вцепилась ему в полы полушубка. Раздумывать не стал. Встряхнул старуху, ударив кулаком по голове, кинулся к двери. Туктибай думал, что оглушил старуху, вцепившуюся в него, словно клещ. Однако кое-какие силы, видимо, у нее еще были, босоногая, простоволосая, разлохмаченная, выбежала она следом за ним на улицу. Поняв все же, что не одолеть ей в схватке грабителя, остановилась и, распустив волосы, слезно заголосила: Кто же ты такой, милок? Кем бы ты ни был, ты же убил нас. Ты же обрушил шанырак моего дома! Хотя бы половину оставь, азамат, благословлен будешь!

Однако грабитель, не оглядываясь, уходил. Поняв, что его ничем не разжалобить, старуха принялась осыпать его неистовыми проклятиями:

Чтобы век быть тебе безутешным! Пусть пепел засыплет твои глаза! Пусть твоим пойлом будет гной, а едой - сырая земля!

²⁷ Ченгель - пустынный кустарник с шипами.

Однако Туктибай шел, не оглядываясь назад. Все же жуткие проклятия старухи еще долго звенели в ушах, сливаясь с воем и свистом ветра, который несся над снежной долиной Богеткума, и пока он не перевалил через косогор, этот вопль его догонял, царапая слух.

Глава девятнадцатая

Туктибай пробирался по бездорожью окольными путями, избегая тех мест, где ему могли бы встретиться люди. Проваливаясь то и дело в сугробах, долго выкарабкивался оттуда. Оскальзываясь на склонах, удерживался, цепляясь за кусты. Он прилагал все усилия, чтобы, не теряя времени, не останавливаясь ни на минуту, идти быстро. Он так спешил, что не стал развязывать платок, скрывавший лицо, просто стянул его вниз на шею. На ходу засунул руку в горловину мешка, который нес на спине и вытащил горсть отборного, чистого, красноватого зерна, поднес к глазам, чтобы рассмотреть. Это была пшеница. Голодным спазмом скрутило желудок, не удержавшись, он высыпал зерно в рот. Вода челюстями, с хрустом принялся жевать. Возможно, под влиянием настроения или горсточка съеденного зерна вскоре почувствовал едва ощутимый прилив сил.

С приближением вечера все еще затянутое серыми облаками небо потемнело. Холодный ветер, дувший прямо в затылок, налившись стужей, заметно усилился. Туктибай тревожно озирался по сторонам, дескать, не начнется ли буран, в таком случае можно заблудиться во тьме, и тогда все его планы рухнут. На душе скребли кошки, но не от страха за свою жизнь, а от боязни не успеть к сыну: если это случится, все его усилия окажутся напрасными. Внезапно он замер, увидев что-то черное, живое, шевелящееся под кустом тамариска. Высвободив правую руку, цепко державшую мешок, медленно двинул ее вниз, нащупывая пальцами боевой топор, зажатый под поясом. Какая черная, устрашающая сила не накинулась бы на него, чтобы забрать добычу, он был готов яростно драться за зерно. Снова шагнул вперед, потом еще, приближаясь к кусту, и вскоре увидел двух псов, которые, рыча, терзали труп молодой женщины. Отнюдь не в новинку было видеть ему, как голодные, одичавшие собаки поедают останки умерших от голода, видимо, своих хозяев, которые когда-то кормили их, поэтому с угрюмым спокойствием продолжил свой путь.

Когда Туктибай спустился в очередную лощину, густо покрытую зарослями тамариска, послышалось волчье завывание. Словно только дожидались этого зова, с разных сторон откликнулись другие волки. Жуткий волчий вой, от которого волосы, казалось, встали дыбом на голове, прозвучал так близко, что он подумал: голодные звери, долго скрадывавшие его следы, на этот раз оказались в удобной позиции рядом, чтобы атаковать его. Однако, поразмыслив, вспомнив, что волки этой зимой сыты человеческой мертвечиной, он отбросил эту мысль.

Прошло время, за которое можно было бы сварить мясо. Было еще довольно светло, когда Туктибай добрался до своей зимовки на Богеткуме. Находясь еще далеко, вытянул шею, чтобы разглядеть землянку. Его сразу насторожило, что над печной трубой не вьется дымок, который привык видеть всякий раз, возвращаясь из своих вылазок. Пробормотав молитву, подавил паническое предчувствие, колыхнувшееся мутным мороком, берущим верх над всеми другими чувствами. Он почти побежал, чтобы скорее добраться до землянки, разбросал снежный завал, наметенный ветром перед входом, с силой потянул ручку двери, вошел внутрь и сбросил мешок со спины на пол. Упав, мешок издал глухой звук.

Глаза Туктибая, привыкшие к белоснежным, светлым просторам, не могли различить в промозглой тьме хоть что-нибудь, и он какое-то время постоял у порога. Обычно, как только входил он в дом, хотя сама едва была живой, почти скелетом, жена всякий раз предпринимала попытку встретить его у порога. Тихим лепетом приветствуя отца, не оставался в стороне и сын. На этот раз ни звука, ни движения... Нехорошее чувство зашевелилось в груди. Выдержка изменила Туктибаю, в так не свойственном ему состоянии помрачения, принялся лихорадочно бормотать:

- Ердаулетжан, я пришел. Сегодня я вернулся с удачей. Потерпи немного, и ты наешься... Эй, Сырга, почему ты молчишь, или челюсти у тебя онемели?

Туктибай прислушался, ожидая, когда угаснет глухое эхо, порожденное его голосом. Однако не слышалось ничего, кроме томительного свиста и завывания ветра за дверью. От тревожного ожидания недоброго ледяной пот разом выступил на лбу. Горло, не давая

дышать, перехватил спазм, затем странный жар объял грудь, Туктибай снял тымак и бросил на пол. Треух плюхнулся, и этот звук поразил Туктибая.

Постепенно глаза привыкли к полумраку, и он начал различать не только очертания немногих вещей в доме, но и мелкие подробности. В поисках самых дорогих людей на свете, двинулся вперед. Вытянув шею, пригляделся к кровати, которая находилась в закутке между печкой и стеной. В отчаянной и уже безумной попытке продлить жизнь дорогому сыночку, плоть от плоти вскормленному собственной пуповиной, несчастная Сырга застыла изваянием, держа руками грудь, сосок которого темнел у губ мертвого сына. Тот, словно маленький ребенок, приник к груди матери, а вокруг его губ черным кругом запеклась кровь, свидетельствуя о том, что борьба жизни и смерти в теле маленького человека закончилась давно.

В памяти помертвевшего от ужаса Туктибая эта сцена запечатлелась в мгновение ока. Словно одержимый, он начал загребать руками воздух. Колени, дрожа, подогнулись, теряя сознание, он почувствовал, как кружится, вертится мир вокруг него, а сам стремглав летит во мрак. Даже тогда, словно, если не потрогает собственными руками холодное тело сына, то ни за что не поверит увиденному, он двинулся вперед. Расстояние в две сажени прополз с трудом, помогая себе коленями, локтями, в голове была только муть, в теле будто не осталось никаких сил. Добравшись до постели, приложил ухо к груди сына, прислушался к сердцу. Затем приложил немалые усилия, чтобы отделить друг от друга окоченевшие тела матери и сына. Расправил руки и ноги Сырги, уложив ее на торе. Вдруг поймал себя на неудержимом желании обнять сына, прижать к груди и согреть, положить ему в рот еду, чтобы оживить его. И тотчас, не медля, он поднял легкое тельце, от которого остались лишь кожа да кости, дрожа, шатаясь, подошел к мешку с зерном и сел рядом. Запустил руку в мешок, вытащил горсть пшеницы и поднес зерно, рассыпая его, ко рту сына:

На, ешь, сынок. Тебе я принес, жеребеночек мой.

Вдруг пламенем пронеслась мысль, что из этого ничего не выйдет, и тогда закипела в горячем плаче вся его душа. И тогда зашептал он, задыхаясь, целуя ледяной лоб сына:

Жеребеночек мой, ушел ты из жизни безвинным дитя. Отлетел ты из этой юдоли, тьмы в сорок покровов, так ничего и не поняв из его тайн, не осуществив свои мечты. Жеребеночек мой, разболелась, видать, твоя голова в тщетной попытке понять, куда девались блюда с горами мяса, истекающие жирной сурпой, в пол-обхвата деревянные чаши с кумысом, с терпким ароматом, пробивающим голову. А я, твой отец, так и не объяснил тебе причину этого. Я же считал, что рано еще ставить такие вопросы, поскольку юн ты еще, что объясню это, когда подрастешь. Твой несчастный отец не смог быть рядом в минуты последних мук твоих, чтобы хотя бы увлажнить пересохшие губы простой водой.

Исходило кровью сердце рыдающего Туктибая, разрывала душу мысль, что не смог он выполнить свой отцовский долг - спасти единственного сына от когтей голодной смерти, что оказался в ее лапах, полный беспомощности и бессилия. Затем принялся посылать черные проклятия в адрес устроителей такой власти, которая жестокостью и лукавством, коварной политикой обрекла народ на полное вымирание, поставила железные заслоны на пути тех, кто спешил к беззащитным детям с помощью. Проклинал и тех, кто сидел на нынешнем троне, и тех, кто служил властям, будучи их кулаком и дубинкой, а также их потомков.

Пусть огненный дождь прольется на вас, тех, кто ограбил народ до последней нитки, толкнул его к пасти голодной смерти! - сквозь зубы цедил он, черный от горя. - Пусть ядом обернется мечта улуса²⁸, чаявшего найти выгоду в объятиях чужого народа! Пусть дела твои унесет ветер, а путь твой приведет к могиле! Пусть голова твоя останется на чужбине, а кости высохнут на солнце! Пусть отпрыски твои воют голодными псами, а их дети будут пожирать друг друга!.. О боже, не ты ли сказал, что муки этого мира не повторятся на том свете, пусть мой единственный не останется отомщенным, даже если не суждено этому осуществиться в будущем! Пусть исполнится моя мольба!

И Туктибай, замолк, обнимая Ердаулета, а душа его вместе с его проклятиями и мольбой, разъяв грудь, словно ринулась в бесконечность тьмы.

Глава двадцатая

²⁸ Улус - старое тюркское название народа, наделенного территорией.

Туктибай пришел в себя, однако не мог понять, где он находится, какое время на дворе и почему его окружает могильная тьма. Также не мог понять причины тяжелой горечи, от которой словно кровоточило все его нутро. Через некоторое время сознание прояснилось. Вспомнив, что его единственный сын умер от голода, в невыносимой тоске опять начал задыхаться. Затем заторопился, словно вот-вот обрушится черный небосвод, и в хаосе не успеет предать земле тела сына и жены, и они навечно останутся без погребения. Он поднялся, прижав сына к груди, шатаясь, поволочил ноги к тору. Дотащился до места, где вроде бы лежала Сырга. Устроил Ердаулета рядом с ней. Сам опустился на колени между ними. Ставшие прахом мечты, обратившиеся в пепел желания - все это пламенем пожирало душу, вырываясь наружу бормотанием.

Посижу рядом с тобой, единственный мой. Буду рядом, даже если мои слезы ничем не помогут.

Накрыл тела одеялом, подоткнул со всех сторон, чтобы не задувало. Вдруг опять осознав, что от этого толку не будет, что он беспомощен перед жестокой судьбой, задохнулся от волны нестерпимой горечи. Рыдая, закричал, запрокинув голову:

О, боже, на старости лет ты забрал у меня единственную опору, надежду мою, не оставляй же меня в живых! Зачем мне ступать по этой земле, если нет моего отпрыска, наследника моего шанырака, который продолжил бы род мой?

Сколько не выл Туктибай, сколько не проливал слезы, колотя себя по голове, жена и сын не ожили. Сколько не молил Бога, чтобы забрал его жизнь, сам тоже не умер. Когда стало светать, он вспомнил, что долг живых - проводить умерших в последний путь. Эта мысль привела его в чувство. Поднял мешок с зерном, чтобы не мешал ходить, отволол в закуток за казаном и спрятал. Затем надел на голову тымак, взял топор и вышел наружу.

С тыльной стороны землянки, где была небольшая ровная площадка, работая топором, три дня вырубал в обледеневшей, смешанной со снегом земле могильную яму. Чтобы трупы не начали разлагаться, не разжигал огонь в печке. А когда начинало сдавать сердце, и перед глазами становилось темно, клал в рот увлажненное зерно и жевал, чтобы поддержать силы. Ел снег, когда хотелось пить. Собравшись с силами, снова брался за топор. А потом уже не обращал внимания ни на студеной северный ветер, пронизывавший тело со всех сторон, ни на многодневную усталость от долгой, изнурительной возни, ни на ломоту в суставах и костях от потной, влажной одежды. Он понимал, что, если, дав волю чувствам, расслабится, то вряд ли сможет собраться с силами, чтобы продолжить работу. Поэтому копал, рубил землю в мрачном иступлении.

На четвертый день, уже теряя силы, закрыв им лица и предав земле, он все-таки похоронил Сыргу и Ердаулета. Тело, то пламенея жаром горячки, то заходясь ледяным ознобом, уже не слушалось его. Собрав всю волю, подчинив тело, он прочитал молитву за упокой душ умерших, провел ладонями по лицу. С трудом поднявшись на ноги, поплелся к землянке. И сразу земля поплыла под ногами, небо закружилось мотыльком и потом тошнотворно обрушилось на него.

Чтобы не упасть, Туктибай опустился на четвереньки. В висках колотилась набухшая кровь, до боли ломило череп, он прижал ладони ко лбу, почудилось, - пальцы обожгло раскаленным печным железом. В голове молнией пронеслось: чего бы это ни стоило, надо добраться до землянки, и он сразу начал действовать. Однако, как ни старался, встать на ноги не удавалось. Не теряя больше времени, рухнул на землю, чтобы доползти до дома. Отталкиваясь носками сапог от любой кочки, вонзая пальцы в снег, из последних сил подтягивал, толкал вперед непослушное, тяжелое тело.

Казалось, целую вечность полз по снегу, изнемогая в муках, внезапно пальцы коснулись твердой поверхности двери. Толкнув дверь, перевалился через порог, два или три раза перекатился всем телом, чтобы оказаться дальше в комнате. И опять заколотило, забухало в висках, мозг словно сожгло болью, и туманно освещенный мир опять скрылся во тьме бессознательности. Все же, чтобы не потерять последние очаги рассудка, изо всех сил боролся на пределе способности выносить страдание. Он все полз и полз вперед, чтобы добраться до постели.

Туктибай, продолжая елозить по полу, добрался до печного зева, затем, приложив все усилия, дотянулся руками до кошмы, на которой была расстелена постель. Ценой невероятных мук и потери сил дополз до корпешек.

В доме, наверное, было холоднее, чем снаружи. В ознобе его так колотило, что зуб на зуб не попадал, казалось, он лежит обнаженным на ледяном ветру. «Пусть, пусть!.. Жизнь без сына и ломаного гроша не стоит. Теперь Туктибай не станет сопротивляться жестокому року, пусть оборвется само по себе дыхание, - внушал он себе. - Не лучше ли скоро умереть, чем жить в жестоких муках, это даже - избавление. Одно только плохо, что нет живого человека, который закрыл бы мне лицо и предал земле».

В голове витала смутная мысль, мол, со временем, если заглянет в землянку случайный прохожий, то, войдя в дом, может и не заметить бездыханное тело, лежащее ничком под корпеш-ками. Если произойдет это, и человек уйдет, не увидев мертвеца, то останки Туктибая останутся непогребенными. И он с трудом уперся правой рукой о войлок, чтобы перевернуться и лечь лицом вверх. С мучительным стоном слегка оторвал грудь от пола. Собрав все силы, со скрежетом зубов приподнял стянутое судорогой, непослушное тело, и, используя силу тяжести, поворачиваясь, бросил его навзничь, и тотчас голову, коснувшуюся постели, словно ударилась она о валун, пронзила страшная боль, перед глазами брызнули искры. И следом, вместе с бесчисленными искрами, летящими в бездну, понеслось во тьму, угасая, меркнувшее сознание.

Казалось, прошла вечность, в конце концов, все же Туктибай зашевелился, проявляя признаки жизни.

- Кто это запалил огонь, пожар дома устроил? - в жару лихорадки простонал он. - Или хотите, чтобы я сгорел в этом пекле? - Помещение неудержимо вращалось, несло и так и этак кувырком, он же напряженно всматривался в этот вихрь, чтобы найти пятно двери, увидеть хотя бы одну душу, которая ответила бы ему. И увидел. И не что-нибудь!словно бы в зеркале светящегося лунного озера отражение человеческого силуэта, гонимое с поверхности дуновением ветерка, зарыбило косыми линиями и вновь собралось в облик черной старухи, стоящей перед дверью.

«О, ужас, это же она, босоногая, простоволосая, выбежавшая в таком виде из землянки Татима, она самая! - хотя Тук-тибай не произнес ни единого слова, ему казалось, что мысли колокольным гулом разрывают уши. - Как смогла она добраться сюда, не замерзнув, не околелев по дороге? Или она пришла сюда по моим следам, или кто-то показал ей путь? Ну, как не признать в ней ее самую, если нависла над ним всем телом бедовая ведьма, словно ворона, растопырившая крылья, изрыгая изъязвленным ртом проклятия».

Где зерно, которое отобрал у меня, дьявол? Чтобы земля горела под твоими ногами, чтобы трава сгнула под твоими подошвами! Ты, пес, уморил голодом моих внуков! Но теперь я живым не оставлю тебя на этой земле!

«Смотри-ка, как насаждает, как берет за горло она, уж не собирается ли задушить меня? Если дальше молчать, решит она, что вырвала у меня признание. Лучше скорее дать отпор ей, а там видно будет».

Врешь, полоумная! Я не знаю тебя! Ты даже не человек, ты джинн или призрак в облике человека.

Кто? Я джинн? Я призрак? Негодяй, безбожник, лучше признайся в содеянном преступлении! И тогда вина твоя не будет столь тяжкой. А я, пусть даже лопнет твоя селезенка, стану кричать правду, что вор ты!

«Как бы пуце прежнего не разозлить старую каргу. Стоит ей догадаться, что я едва живой от стужи, не в силах подняться на ноги, не пожалеет меня. Пока не приступила к расправе, заморочу ей голову болтовней».

Где доказательство?

Вон, на твоей шее висит, понял! Сраженный наповал божьей карой, не успел ты снять платок, которым прикрывал лицо.

Такой платок есть у многих людей. Это не доказательство. У тебя я ничего не брал.

На самом деле? Сейчас, посмотрим!

«Будто насквозь видит, ворошит и копается в закутке за печкой она. Надо придумать что-то, иначе опозорит меня на весь белый свет».

Эй, старуха, прекрати своевольничать! Кто дал тебе право на самоуправство, дескать, дом должника - так принимай в гости пристава? Не трогай ничего без разрешения!

Разрешение, говоришь, подлый обманщик? Чтобы сбить с толку меня? Запомни, не зря говорят: вор речист - да на руку нечист. Ты утверждаешь, что не брал зерно, а я должна доказать обратное. Поэтому и обыскиваю твой дом... Вот, нашла! Чтоб глаза твои засыпало песком, грабитель! Даже мешок не успел поменять.

Эй, старая карга, не трогай чужую пшеницу, говорю тебе! Если не остановишься, сверну шею тебе!

Сколько не грозился Туктибай, желая напугать непрошенную гостью, на самом деле даже головы поднять не мог. Черная старуха всем своим видом показывала, что его угрозы и гроша ломаного не стоят. С отвратительными ужимками она нырнула в закуток за печкой и вытащила мешок с пшеницей. Она пыхтела, кряхтела, тцась закинуть мешок за спину, однако ничего путного у нее не вышло. Поняв, что от этой возни толку не будет, проворчала:

Ладно, скажу Жиенкулу. Пусть придет и сам заберет зерно, - с этими словами старуха превратилась в черный дымок, вытянулась струйкой и скользнула в дверную щель.

Туктибай, измученный безуспешными попытками дотянуться до старухи и схватить ее за руки, продолжал холодным и тяжелым валуном все еще немо покоиться на месте. Хотя черная старуха сгнула с глаз долой, угроза ее, мол, скажу Жиенкулу, пусть придет и сам заберет, звоном ножа сверлила уши. Он хотел сосредоточиться, чтобы понять, было ли увиденное им злым джинном или призраком. Однако сил на это не было. Напротив, его

увлек поток новых видений — вот черная старуха добралась до зимовки Татима, вот она рассказывает Жиенкулу про то, что увидела и узнала в землянке Туктибая.

Глава двадцать первая

Неизвестно, сколько времени прошло с тех пор, как Туктибай, то теряя сознание, то выныривая из сумасбродного бреда, начал бороться с призраками. Неожиданно удалось разлепить веки и окинуть взглядом комнату. Ему почудилось, что кто-то со злым намерением поджег камышитовую кровлю землянки, что все вокруг объято пламенем, огонь добрался и до него, начав пожирать тело. В невыносимом жару он метался, мучительно стонал, раздирая ногти, царапал пол. Мир перед глазами опять сжался в темный пульсирующий шар и понесся в пляске. Из этой жуткой круговерти кто-то отчаянно рвался к очагу света, но вот из хаоса выкарабкался некто, заросший густой, жесткой щетиной, подошел и сел на корточки рядом с изножьем Туктибая.

«Кто же это, не дающий покоя, мне, умирающему от мук? — в тоске пробормотал Туктибай. - Неужели последние мерзавцы вроде этого возымели власть надо мной? И пройдоха этот вряд ли удивит его, скорее всего, кинется хапать зерно из мешка. Эх, что за времена пошли, не лучше ли тихо, мирно умереть, чем выносить издевательства таких подлецов? Было бы гораздо лучше, если бы душа его давно покинула измученное тело. Быть может, этот поможет, ну-ка спрошу у него самого».

Эй, азамат, твое лицо вроде бы знакомо мне. Будто где-то мы встречались. Я человек, попавший в беду, нахожусь в юдоли страданий. Скорее всего, мне не вытерпеть этих мук. Кости, суставы мои разламываются от боли, тело горит в адском огне. Избавь меня скорее от этой пытки, убей меня. Если ты выполнишь мою просьбу, погребешь мое тело за домом во дворе, где похоронены жена и сын, мое благословение на тебе до конца дней. После этого пусть приходят и Жиенкул и другие.

Хорошо, дай мне топорик, тот, что за твоим поясом. И если в мгновение ока не исполню твое желание, проклятие мне.

Жить тебе тысячу лет! Вижу, ты хороший человек. Однако хотелось бы, чтобы ты не мучил меня, затягивая страдания?

За это не беспокойся.

Правда?

-Да.

Возможно, это только твое желание... На самом деле ты можешь оказаться одним из тех казахов, кто истощен голодом, кто не в силах не только ударить, но и даже руки поднять вверх. И что тогда?

Клянусь именем Аллаха! Даже не заметишь, как голова твоя отлетит от туловища.

Зря бахвалишься. Бывало ли такое, чтобы тело, лежащее на мягкой постели, разрубленное ударом, разлетелось в стороны?

В твоих словах есть доля правды. Однако, думаю я, что удобнее будет положить твою шею на порог, тогда все верно будет.

Любезный, пусть эти слова не услышит ни одна живая душа, кроме меня. Ты, оказывается, из тех, кто не соблюдает правила людей, закон чести. Голову почтенного, уважаемого азамата на пороге собственного дома... Ужасно!.. Дорогой, не спеши, пораскинь мозгами, и я тоже поразмыслю, как лучше...

Ты что, решил отказаться от смерти, которую сам заказал?

Не-ет, нет, уговор есть уговор. Однако я должен выяснить, что из предложенного тобой хорошо, а что плохо.

Если выйдет, что я прав и честен, что тогда?

Ну, тогда спору нет - топор вручу в твои руки. Но до этого представься. Скажи, кто ты такой?

Представляйся - не представляйся, нет во мне ничего необычного. Самый обычный человек, раб Божий.

Что это за ответ? Разве ты когда-нибудь видел человека - не раба Божьего?

Достаточно.

Ого-го-го, надоумил же Бог не давать тебе убить меня. Судя по твоим словам, дай топор в твои руки - сию же минуту раскрошишь живого меня. Судя по тому, как с готовностью на «да» отвечаешь «нет», ты из тех упрямец, кто мочится против ветра. Все же испытаю тебя

еще раз. Скажи, как удалось тебе встретить человека, с той поры, как были сотворены пращур Адам и мать Ева, умудрившегося не быть рабом Божиим? Полагаю, такого человека ни одна живая душа не видела.

Это неверное мнение. В любое время можно найти такого, кто напрочь забыл, что раб Божий он. Терять время на поиски таких - просто глупость. Если хочешь знать, ты сам один из таких.

Что? В конце концов, решил посягнуть на мою честь? Ты, наверное, готов назвать меня не только человеком, забывшим, что он раб Божий, но и самим бесом-искусителем?

Не «наверное», а правдивое и прямое - да! Хотя и нелегко это, но раз сам спросил, деваться некуда - скажу.

Докажи тогда, приведи доводы!

Во-первых, по пальцам можно перечесть тех, кто, будучи у кормила власти, не забыл, что он раб Божий. Во-вторых, ты всегда больше всего заботился о личной наживе. Стоило только тебе оказаться среди сильных мира сего, как ты мигом забывал о справедливости. Угодливо прислуживая господам, ты обменял чаяния народа на подачки вроде высокого положения. Так ты действовал. Там, где надо было говорить, ты держал рот на замке. Где нельзя было соглашаться, ты услужливо поддакивал. В последнее время у тебя не осталось других интересов, кроме заботы о хлебе насущном. Вот так, забыв о судьбе народа, ты вступил на дьявольскую стезю.

И это ты вменяешь мне в вину? Есть ли в этом мире человек, который не думал бы о хлебе насущном, не стремился бы к богатству? Подумай сам хорошенько? Не удивительно, что не найти такого правдолюбца, который тыкал бы в глаза людям, указывая на их пороки.

Речь идет не о деньгах, не о скоте, я говорю совсем о другом. Кстати, к слову пришлось, как ты думаешь, где те спесивые баи, где их стада, от мычания которых прогибалась земля? Почему же их питье сейчас не сладкое, а еда - не сытная? Почему те, кто убежал за кордон, когда народ начал голодать, сейчас нищенствуют, а те, кто остался на родине, стали умирать первыми?

Апырай, вижу ты - лихо, явившееся по мою голову. Готов перевернуть вверх дном без того распотрошенную душу мою... Не задавай мне вопросы, на которые нет ответа, не знаю я...

Хорошо, вижу, правда неприятна тебе, и ты увиливаешь, настаивать не буду.

Вот это правильно, живи тысячу лет! Если в твоих силах, лучше бы слегка развеял горе-беду. Кстати, напомни, кто ты, как твое имя?

Туктибай я.

Дорогой, брось шутить! Хотя и не могу встать на ноги, я не из тех простаков, кто готов переносить любые издевки.

Знаю, не сердись. Говорю я чистую правду.

Правду?.. А я кто? Кто я тогда?

Писарь Туктибай.

Вот теперь дело говоришь. Ну, теперь повтори свое имя.

Раб Божий Туктибай я.

Кто? Кто? Я писарь, ты - раб Божий? Или мы оба - Тук-тибай? А, вот теперь только дошло до меня... Чем забивать мне голову ерундой, лучше сразу бы сказал, что ты мой тезка. Опять ошибаешься... Мы не тезки, а один человек.

Не понял.

Не понял, так слушай. Я есть ты, а ты есть я. Если говорить правду, мы - две половины одной личности, но только из разных направлений одной судьбы, исповедующие разные принципы.

Писарь Туктибай: Это что, получается, я веду спор с самим собой?

Раб Божий Туктибай: Ну вот, наконец-то ты понял главное. Ты оставил меня в тени в тот год, когда боролся за должность писаря. Было ли потом время, когда ты не попирали бы меня? Нечестивец, не говоря о других обстоятельствах, даже в тюрьме ни разу не вспомнил меня. Был ли потом такой грех, в котором не погряз бы ты, добравшись до власти? Ты из кожи вон лез, чтобы заполучить то, что не дал тебе Бог. Только одновременная смерть Сырги и Ердаулета, словно удар обухом по голове взбешенного быка, смогла остановить тебя.

Писарь Туктибай: Ошибаешься, это случилось раньше.

Раб Божий Туктибай: Когда?

Писарь Туктибай: О какой беде хочешь выведать ты в этом бурном, словно смерч, бытии, ежеминутно меняющем лики? Если начать исповедь - для меня это бесконечный поток горя и печали.

Раб Божий Туктибай: Ну, тогда вспомни о самом, что ни есть, забытом начале. В твоей жизни для меня нет неизвестной недомолвки. Стоит только намекнуть, как остальное я сам вытащу на свет Божий.

Писарь Туктибай: Вцепился же, как клещ, ты в меня. Ладно, скажу, слушай. Началось это после первой конпеске. Хотя я добровольно вступил в артель, сблизиться с калектепом у меня не вышло, в конце концов, оказавшись в тюрьме, попытался понять политику властей - однако получилась одна головная боль.

Раб Божий Туктибай: Таких бедняг, словно обкурившихся опиумом, с мозгами набекрень от попыток понять политику властей, сейчас предостаточно. Лучше подойди поближе к сути. Хотя проявил ты изворотливость бывалого воротилы, вовремя освободившись из тюрьмы, может быть, сожалеешь о золотых браслетах, которые сунул начальнику тюрьмы и работнику органов?

Писарь Туктибай: Не без этого. Что только не предпринял я, несчастный, в то время, чтобы вырваться из каменных застенков? Позже, вернувшись в аул, бродя без толку по степи в поисках еды для жены и сына, не раз горько сожалел о тех дорогих браслетах, мол, если бы смог сохранить их в сундуке, отправился бы со своей семьей в бега в чужие края. Эх, что и говорить, в самом деле, наверное, в могилу не войдешь, пока не изопьешь из своей чаши до дна. Надо признать, были и деньки, когда отчаявшись найти выход, терял веру в себя.

Раб Божий Туктибай: Тем не менее, благодаря своей находчивости, ты выпутывался из самых трудных ситуаций.

Писарь Туктибай: Это ты напоминаешь мне о половине туши телки Оримбая?

Раб Божий Туктибай: Тогда ты радовался удаче, сейчас как будто раздражен воспоминанием?

Писарь Туктибай: Как не сердиться, если толку от этого не было? Как ни растягивала Сырга запасы, одного только мяса без добавок к бульону хватило только до середины февраля. И мы всей семьей оказались в когтях голода. Осталась последняя надежда - тушка теленка, которую я сам зарыл во дворе зимовки Мынжасара. Однако, к несчастью, найти ее не удалось. И тогда взяла меня тоска, что не могу помочь в такое страшное время ни своему ребенку, ни кому-то чужому. Осталось только принести себя в жертву.

Раб Божий Туктибай: Тем не менее как только услышал, что в доме Жиенкула есть зерно, ты вступил на скользкую дорожку, не забудь, что ты жестокостью вырвал удачу и вернулся домой с зерном.

Писарь Туктибай: Эх, бранный мир, все равно мои усилия пошли прахом. Не успел я, и остался один на свете без жены, без сына.

Раб Божий Туктибай: Как ты не понимал, катаясь, как сыр в масле, что если народ не будет благоденствовать, жизнь твоего сына будет висеть на волоске?

Писарь Туктибай: Что мне было делать. Время было жестокое, власть - лживая.

Раб Божий Туктибай: Не все ли равно, как ты будешь оправдываться. Если, вместо того, чтобы бороться с трудностями, будешь кивать на всякие обстоятельства, могу поручиться за то, что потомство твое не будет расти, если вообще уцелеет оно.

Писарь Туктибай: Кстати, стоит только мне подумать о потомстве, как черная тоска свинцом начинает давить меня.

Раб Божий Туктибай: Понимаю. Однако от правды никому не убежать.

Писарь Туктибай: Возможно. В твоих словах есть доля истины.

Раб Божий Туктибай: Ну, если признаешь это, давай свой топор. Хотя времени мало, велико обещание - все равно, что имя Аллаха. Если не выполню свое слово, останется за мной неоплатный долг.

Писарь Туктибай: Нет, подожди! Я отказываюсь от прежнего намерения.

Раб Божий Туктибай: Вот это ловкость! Однако крепко-на- крепко запомни вот это. Нет ничего лучшего для тебя, чем скорее оказаться на том свете.

Писарь Туктибай: Почему?

Раб Божий Туктибай: Потому что грехи, совершенные тобой доселе, очень тяжкие. Если, живой, будешь ходить по этой земле, возможно, еще немало совершишь преступлений.

Писарь Туктибай: И что, ты сейчас собираешься отправить меня в рай?

Раб Божий Туктибай: Имеет ли смысл смягчать твое положение? Что говорить обо мне, даже пророк не смог бы ввести в рай своего последователя, если тот по уши увяз в грехах.

Писарь Туктибай: Если ждет меня там кара, зачем мне спешить на тот свет? Потом ты сам заронил мысль, что нельзя поручиться за то, что потомство твое вырастет, если вообще успеет оно, тем более, если не бороться с невзгодами. Теперь я в поисках выхода из самых, что ни есть отчаянных ситуаций, буду бороться за то, чтобы по возможности не остаться совсем без потомства. Постараюсь забыть все старые печали, особенно то, что нельзя вернуть назад. Начну жизнь заново.

Раб Божий Туктибай: Мы с тобой уже давно в разных лагерях. Говоришь, что нет возврата к прошлой жизни? Ну что ж, тогда прощай!

Писарь Туктибай: Вот так. Ну что поделаешь, раз уходишь. Иди. Не беспокой меня, не трать своего времени. Кого предостаточно, - таких, как ты, рабов Божьих. Из тех, кто лежит ныне мертвым в казахских степях, один из четверых, такой, как я, и трое из четверых, такие, как ты. А главное мое отличие от них - это то, что я, прежде всего, человек действия. Поэтому, чтобы не сгинуть с лица земли без потомства, я использую весь свой ум, все свои способности. Вцеплюсь изо всех сил в ворот судьбы и не отступлю, пока останется во мне хоть крупица жизни.

«Этот мерзавец, уходя, видимо, оставил дверь открытой. Смотри-ка, как сильно выстудило землянку, - забеспокоился он, сделав попытку подоткнуть края одеяла, однако и пошевеливать рукой не мог. - Замерзаю. Зуб на зуб не попадает. Все равно не должен я умереть. Благодаря упорству и воле из простого, тихого человека стал я когда-то писарем. Женился, заимел ребенка. Подбоченившись, ездил на иноходце²⁹, когда спешился, под руки вели и усаживали меня на тор. Как мог я все это забыть, словно выживший из ума, как мог бредить о каком-то народе, какой-то честности, какой-то правде? Если не будешь хитрым, ловким и опасным, принесут ли все готовым на блюдечке? Человек только тогда упадет тебе в ноги и подчинится, когда переиграешь его по всем статьям. Не-ет, не собираюсь я рядиться в одеяние честного человека».

В этой яростной, внутренней борьбе с самим собой Туктибай не заметил, как наступила минута заката. Землянку затопила непроглядная тьма, и вскоре любые предметы, которые могли бы сказать о существовании мира, исчезли, теряясь во мраке.

Глава двадцать вторая

В обоих висках колотилась боль, Туктибай очнулся от невыносимой тяжести в голове. Изнемогая от желания уменьшить страдания, попытался передвинуться, однако грузное, непослушное тело словно было пригвождено к полу. И тогда поневоле открыл глаза. Постепенно взгляд стал различать силуэты слабо освещенных предметов в землянке. Судя по всему, только что начало светать. Мир не кружился смерчем, не рушился перед глазами, как это было недавно, и он возблагодарил Бога за это. Вдруг со скрипом двинулась ветхая, покосившаяся дверь, кто-то, откинув наваленный ветром снег, пытался открыть ее. А когда он понял, что это отнюдь не призрак из его бреда, а кто-то реальный входит в дом, тотчас всего пробрало ознобом шального страха.

«Апырай, не зря говорят, что если кулан упадет в колодец, лягушки нагло резвятся на его ушах. В другое время ни хитростью, ни силой не взяли бы меня, сейчас я конченный беспомощный человек. Не тронулся же умом этот проходимец, пронюхавший про мою беду, чтобы тратить силы на меня? Взвалит мешок с зерном на спину и будет таков. А если ты действительно Туктибай, то должен заговорить, запутать его словами, словно кудесник, направить стопы бродяги совсем в другую сторону», - распаял себя Туктибай. И он подал голос:

Эй, Жиенкул, ты ли это? Прибежал, натравленный матерью?

Как ты назвал? Жаль, что не расслышал... Если ты перепутал меня с кем-то другим, значит плохи твои дела, Туктибай. Давненько мечтал я свести счеты с тобой, попить твоей кровушки, теперь время пришло. Ну, молись.

²⁹ Ездили на иноходцах богатые и знатные казахи.

О, боже, оказывается, это ты, а я то думал, что кто-то другой... Сколько бы ты не пыжился, Оримбай, ответ тебе короткий. Уйди с глаз долой! Видишь этот топор, если подойдешь поближе - не пожалею.

Хочешь сказать: душа дорога, буду бороться за нее до последнего? Ну, борись! У тебя топор, у меня кинжал. Если возьмусь за дело как следует, сразу отправлю твою душу в ад, однако... Кроме того, не забывай, что ты уже не тот, не прежний Туктибай. Твоей шустрости, которой хватило бы, чтобы заштопать дыры земли, уже нет, иссякла вся. Иначе постарался бы не дать жене и сыну умереть от голода.

От кого узнал ты?

Сам узнал, понял, сам!

Не может быть!

Какое мне дело до того, веришь ты или нет. Тем не менее, чтобы у слов был вес, скажу, как было, слушай. Во-первых, ты один дома, рядом с тобой никого нет. Во-вторых, было дело - четыре дня назад проходил мимо и приметил за твоей землянкой могильный холмик, свежий, не занесенный снегом. Сразу тогда понял, что приключилось у тебя. Только не мог навестить тебя. Пошел себе дальше.

Почему?

Был как-то знаком с одним человеком. Занимался золотом, серебром, неплохой мастер ювелирных дел был он. Дотемна надо было мне навестить его. Навестил?

Нет. Зря старался. Люди говорят, что успел уйти за кордон в Афганистан.

Оно и верно, Оримбай. Теперь ответь мне на мои слова. Если такой человек, как ты, невзирая на смерть жены, рыщет, не чуя ног, ища богатство, то почему я должен запросто отдавать Богу душу?

Пусть потерял я старуху, но я, как ты, не гол, как осиновый кол. Видит Бог, мои дети, которых отправил в Узбекистан, живы. Если я ищу богатство, то ищу не для себя, а для своих отпрысков.

Сомневаюсь, что оно найдется. Говоря по правде, не верю.

Это твое дело. А я не сомневаюсь нисколько. Потому что слышал собственными ушами.

Эх, если твои слова обернутся правдой, и клад окажется в наших руках, немедленно перебрался бы на земли зажиточного народа и начал бы жизнь с чистого листа.

Смотрите-ка, еле-еле душа в теле, а как размечтался он... Выходит, секрет клада должен открыть я, а наслаждаться богатством - ты? Однако я буду умнее тебя, Туктибай. Завтра с утра пораньше отправлюсь на Караултобе. Перетолкую с Кабышем насчет клада. Если он заартачится, показывая норы, полосну неожиданно кинжалом по горлу.

Бред. Кабыш не такой уж дохляк, чтобы на пороге собственного дома дать себя прикончить какому-то дряхлому старику.

И это тоже обдумал. Если что-то помешает моему плану, под удобным предлогом отведу его в сторону. Затем изловчусь, чтобы поранить его. Затем стану пытаться, мучить, пока не выложит, как на духу, все, что знает.

Тоже мне нашел простака, который клюнет на твою уловку и пойдет за тобой.

Ну, тогда подстерегу по дороге, когда пойдет на рыбалку.

Берегись, как бы, заметив, что тянешься к кинжалу, не опередил тебя и не огрел пешней по башке.

Да, вполне может... Тогда буду стеречь возле его двора. Буду ждать, когда выйдет по нужде. Как только покажется, заморочу ему голову не хуже самого черта.

Но как, каким образом?

Сначала поманю его и махну рукой в сторону Жынгылсая. Если не поддастся на это, на его глазах бочком-бочком двинусь в ту сторону.

Кого много сейчас, так голодных бродяг. Если он не возьмет в толк твой знак и не поймет, куда ты направился, и даже с места не сдвинется, что тогда?

Если не намекнуть особым образом, наверняка так и поступит. Но до этого, чтобы увлечь его за собой, я оброню на ходу что-то невнятное про Жынгылсай, казну бая Сатыбалды. И тогда ему ничего не останется, кроме как последовать за мной. Даже может погнаться по пятам. Самое главное - человек, вышедший по нужде, не потащит с собой пешню. Я воспользуюсь этим. Как только приблизится ко мне, подставлю к горлу кинжал.

Все равно не сможешь убить. Потому что один только Кабыш знает, где зарыт клад.

Ошибаешься. Можешь ли тянуть время, в надежде уговорить его? Если не согласится, пусть пеняет на себя. Тогда ему не жить.

Говоришь, пусть пески проглотят несметную казну?

Пропади пропадом к чертям собачьим клад, который не приносит мне пользы!

Оримбай, лучше убей меня, чем обрывать нить к кладу, ведь с тех пор, как услышал о золоте в песках близ Алтая, одна только мысль о нем греет мое сердце.

От чистого сердца доверившего тебе тайну казны, меня, до такой степени допекла твоя последняя подлость, что шел к тебе с главной целью сделать то, о чем ты сейчас просишь меня. Однако не хочу пачкать руки в твоей крови. Потому что ты сам уже близок к последнему вздоху.

Погоди, Оримбай, не уходи! - Эх, просчитался же я! Хотя бы подманил его поближе, чтобы мог дотянуться с топором!

Голова словно раскалывалась от боли, невзирая на то, что в глазах было темно, а мир кувырком летел куда-то вниз, дрожа, шатаясь, Туктибай поднялся на ноги. Шагнул к двери. Упал, снова поднялся, выбрался наружу. Метельные поземки с посвистом хлестали, клубились над снегами, глухо ревели дали.

Туктибай, прищурив глаза, взгляделся. Вдруг увидел темный силуэт Оримбая, похожий на кургузую черную птицу, занятую поисками пищи, он медленно удалялся в белую даль. Сколько не окликал его Туктибай, ни разу не оглянулся он назад.

Глава двадцать третья

Туктибай повернулся к дому только тогда, когда Оримбай совсем пропал из виду. Непонятная сила повлекла его на заднюю часть двора, и там заставила бродить в поисках могильного холмика, который был уже завален свежими наносами снега. В конце концов, на ощупь с трудом нашел место, где были погребены жена и сын. Слой снега, высоко наваленный ветром за последние дни, был выровнен ветром, и трудно было догадаться, что под ним. Но кто это, вылезший из снега и пробежавший мимо? Неужели, Ердаулет? Лицо у дорогого дитяти свежее, розовое, лучащееся светом, как в былые благие годы. Но почему, словно чужой, прошел мимо, не подошел, не кинулся отцу на грудь, не обнял его?

- Ердаулетжан, я здесь. Ты, наверное, обижен на меня, дескать, отец не сдержал слово? Ты ошибаешься. Я нашел и принес тебе много зерна, целых полмешка. Только к несчастью, опоздал немного.

Внезапно Туктибай понял, что стоит, протягивая руки в пустоту. И уже не было сил переживать по поводу того, что, обманутый призраком, плакал и умолял его. В голове мелькнула мысль, что нужно избавиться от молнией опалившего всю душу наваждения. Шатаясь, доплелся до кучи собранного хвороста. Нагнулся, чтобы выдернуть крайний пучок. На холоде ветки, оказывается, смерзлись в кучу, словно намертво спаялись. Пытаясь выдернуть несколько хворостин из кучи, спрессованной толстым слоем снега, потянул на себя, рванул, качнулся и упал на землю. Опять поднялся. Упорно выдергивая по веточке, собрал немного хвороста, зажал подмышкой. Прежде чем дошел до землянки, упал еще несколько раз. Дверь, прихваченная сдвинутым снегом, была распахнутой. Кинул ветки в проем входа. Затем, преодолевая боль, колотившуюся в висках, перешагнул порог и тяжело рухнул вперед на пол.

На этот раз, видимо, падение оглушило его, очнулся не сразу и поднялся с трудом. Стал шарить по плите в поисках кремней, которые должны были лежать там. Нашел. Долго возился, разжигая огонь. Хворост чадил, дымился, не желая загораться, но вот пробежал огонек, прынул пламенем, обдал волной тепла лицо. Вскоре от нагретого казана пошел застарелый запах гари и горячего железа. В голове пронесся некий проблеск, и это была мысль об еде. Стоило только подумать об этом, как в желудке, словно там скрутилась змея, набух голодный спазм. Он поднялся, подошел к закутку, гремя котелками, сковородками, принялся искать мешок с зерном. Мешок был на месте. Никто и не прикоснулся к нему. Развязал мешок, набрал зерно в две полные пригоршни и положил в казан. Принялся перемешивать поварешкой сухо потрескивающие, подпрыгивающие зерна. Когда пшеница полностью поджарилась, постелил дастархан и высыпал зерно на него. Вышел во двор и принес ведро снега. Вывалил снег в шипящий казан и растопил его. Между тем в землянке было уже заметно теплее. Почувствовав себя немного окрепшим, ободренный Туктибай занес домой охапку сушняка. А затем, торопливо, словно боясь, что отнимут у него, разгре-

бая угли, принялся засовывать сучья в печку. После этого положил в рот щепотку зерна и принялся пережевывать, запивая из пиалы глоточками горячую воду. Он знал, что сжатый в ком голодный желудок не примет много еды.

От съеденной пищи и выпитого кипятка Туктибай весь покрылся потом. В истоме расслабления сидел, уронив голову на грудь. Прежняя ознобная боль в висках поутихла, в болезненно-вялое, все еще свинцово-тяжелое тело вливались едва ощутимые токи жизни. Мало-помалу организм приходил в себя, просыпались забытые ощущения, и Туктибай впервые за много дней с той поры, как Сырга проводила его в дорогу, снял с себя шубу, сапоги. Передвигаясь на четвереньках, поправил постель на торе, положив голову на подушку, улегся. Погружаясь в негу забытья, почувствовал, как сами собой опускаются налитые тяжестью веки.

Внезапно он сильно вздрогнул, руки лихорадочно зашарили по постели, однако ничего не нашли. Ощущение одиночества с новой силой резануло по сердцу, с мучительным стоном Туктибай очнулся. Отбросив одеяло, вскинулся всем телом и сел. Тревожно озираясь, осмотрелся. В землянке было темно, как в могиле. Повернул голову налево. В печке красноватыми глазками светились затухающие угли. Их хватило ненадолго, один за другим, слабо помигав, погасли и эти последние огоньки.

Словно с этими гаснущими угольками он навсегда канет в небытие, судорога пробежала по телу Туктибая. Со смертью Ердаулета потеряли для него всякий смысл собственная жизнь, этот бранный мир с его летящим временем. Как только вспомнил о своем горе, на него нахлынуло нестерпимое желание завывать в полный голос, оплакивая потерю. Вместе с тем голос разума подсказывал: чтобы не уйти из этого мира без потомства, нужно удержать в этом теле хоть какие-нибудь остатки сил. Усилием воли Туктибай подавил приступ отчаяния. Он даже поклялся не думать о Сырге и Ердаулете, ведь плачь не плачь, горюй не горюй, теперь их не оживить. С этой минуты он сосредоточился на мысли о казне Сатыбалды, зарытой, по словам Оримбая, где-то в песках Жынгылсая. Перед его глазами засверкали блесками горы золота и серебра. И цель эта должна была отвлечь его от всех других забот.

И без подсказок Оримбая знал он, что до переворота Сатыбалды был одним из воротил края, богатейшим человеком. Будучи волостным правителем, держал народ в ежовых рукавицах, так уж повелось, что без его повелительного окрика ничто не делалось на этой земле. Он сохранил свое влияние даже тогда, когда власть перешла к балшабекам. А когда выявились первые признаки народного бедствия, на горизонте стали сгущаться черные тучи, еще до первых конпеске он откочевал от аула, поселившись на безлюдье, мало-помалу теряясь из виду, переезжая все дальше и дальше, пока не пропал совсем. Нет ничего удивительного, если он оставил в тайнике в Жынгылсае золото и серебро, дорогие вещи, которые отяжеляли поклажу лошадей. Похоже на правду и то, что на всем белом свете один только Кабыш знает, где находится тайник, и куда откочевал сам Сатыбалды. С давних пор в народе ходили слухи, что гордый бай, не только не признававший бедняков за людей, но не подпускавший к себе даже равных, почему-то тепло привечает именно кыпчака Кабыша. Молва говорила о том, что бедняка Кабыша встречают в доме бая хлебом и солью как желанного

гостя.

Он хорошо помнит, что когда бай сосватал за Кабыша Мадину, многие видные жигиты, те из них, кто домогался руки девушки, едва не лопнули от жгучей зависти. Легендой облетел всю степь слух и о том, что Сатыбалды добавил свой скот к калыму, собранному Кабышем, а когда жигит поставил свою юрту - отау³⁰, подарил ему породистого коня.

Ну как после этого не стелиться Кабышу под ноги Сатыбалды, как не выполнять любую его прихоть, не хвалить его, преувеличивая достоинства и отказывая ему в недостатках? Как предусмотрителен был бай! Приближая к себе такого нужного человека, как Кабыш, верного, как пес, помогая ему, Сатыбалды, оказывается, уже тогда предвидел, что на казахов неотвратимо надвигается беда в виде голодомора. Его дальновидность, скорее всего, проявилась и в том, что копил он не деньги, а больше золото и серебро. Доказательством ума Сатыбалды, его прозорливости является клад, зарытый в песках, которого с лихвой хватило бы на то, чтобы прокормить людей целого рода. Будет обидно, если этот полоумный Оримбай, клокочущий от злости, что никак не может добраться до клада, улучив удобный момент, прикончит Кабыша. Если закусит удила, как в те годы, когда был бием-самодуром, от выходок которого ужасались люди, считай тогда - все пропало. Ключ от сказочного богатства уйдет вместе с Кабышем на тот свет.

А если найдут они общий язык? Не спросишь же с них, мол, почему вы так поступили? Не стыдиться же им и этого Сатыбалды, который теперь не кажет своего лица, ведь ясно, что не вернется бай из-за кордона. Словно заговоренный старым хрычом, этот Кабыш хорошо знает это. Что потеряет он, если нарушит свою клятву? Если два подельника, первый — Оримбай, второй - Кабыш, уйдут за кордон в Афганистан, разве не разбогатеют, избавившись от голода? И тогда с пустыми руками в проигрыше остается не кто иной, как Туктибай.

Без этой казны, которая вернула бы силу ему, кто он такой, Туктибай? Никто! Один из многих, тронувшихся умом, голодных казахов, кто на волосок от гибели, бродит нынче по степи. То, что ждет его, - страшно, суждено ему вкушать не хлеб, а яд черной тоски и кончить дни свои в муках.

Что придумать, как исхитриться ему, чтобы избежать такой участи? Если Оримбай не сможет уломать Кабыша, то в интересах Туктибая, чтобы тот жил еще какое-то время. Если же они, как два волка, снюхаются, он должен присоединиться к ним.

Для этого немедленно должен он отправиться на Караултобе. Кстати, что бормотал Оримбай, уходя от него вчера? «Завтра с утра пойду на Караултобе», - кажется. Да, именно так. Погоди-ка, пока этот подонок не расправился с Кабышем, надо попасть туда.

В темноте нельзя было различить ни зги. Туктибай, ощупывая все вокруг, стал искать одежду. Нашарил шубу, сапоги, кожаные штаны. Не спеша оделся. Подпоясался ремнем. Засунул за пояс топорик. Встал. Хотя суставы все еще ломило, дрожь то и дело пронизывала кости, все же телу, не как вчера, было как-то лучше. И он был рад чувствовать, что хворь, которая столько дней томила, иссушала его, теперь отступила. По самые брови надвинув тымак обеими руками, двинулся к двери. Вышел наружу. Затем, невзирая на то, что хмурая долина, залитая в предрассветный час густыми сумерками, небезопасна для одинокого путника, что с востока поддувает морозная поземка, режущая лицо, направился к Караултобе, туда, где была землянка Кабыша.

Глава двадцать четвертая

Чтобы защитить лицо от бурной поземки, низко склонив голову, пробирался он по наметенным сугробам. Шел с привычным бездумным упорством, слыша, как смутно видневшиеся в темноте кусты с шорохом царапают его одежду, сосульки, висевшие на ветках, с тихим звоном ломаются и осыпаются вниз на снег. Внезапно вздрогнул, столкнувшись с кем-то в потемках, и остановился. Тревожно обернувшись и приглядевшись к чему-то темному, с трудом различил силуэт человека, который замер в нескольких метрах от него. Незнакомый, со страхом глядя на него, спросил:

Эй, кто ты такой?

Узнав этот голос, Туктибай почувствовал, как отлегло от сердца.

Оримбай, хотя и не вижу твоего лица, но узнал твой голос, - спокойно ответил он, стараясь не показать своего волнения. - Это я, Туктибай.

Правда? Эх, боже ты мой...

³⁰ Отау - юрта молодой семьи.

Что, жалеешь, что вчера не убил меня?

Что скрывать, вчера, глядя на твой вид, решил, что ты уже не жилец на этом свете.

Поэтому, говоришь, в одиночку держу путь на Караултобе?

А что мне еще делать, если другого выхода нет... - Оримбай замялся, желая сказать, что последние пять дней во рту у него и маковой росинки не побывало, что от голода кружится голова и он едва держится на ногах, но затем, боясь обнаружить свою слабость, сказал: - Уж не обижаешься ли ты на меня? Судя по насмешливому тону, похоже на то. Что ходить вокруг да около, скажу честно, что только не придет в голову голодному человеку? Не буду скрывать - всякое вертелось в голове. Однако сейчас не такое время, чтобы держать камень за пазухой. Это как ветер: налетело и ушло. А теперь слушай, что я скажу, оставь свою обиду, возьми за ум. Если мое предложение будет по душе - идем вместе. Если Кабыш не станет упрячиться и пойдет на попятную, золота Сатыбалды хватит всем нам троим, чтобы у каждого кошелек был полон.

Спасибо за предложение, Оримбай. Не хочется тратить время на человека, который, не только не желает разделить клад, но и когда просят его встретиться, за порог дома не шагнет.

Это предоставь мне. Разве не сказал тебе вчера, как собираюсь добиться своей цели? Именно так и поступлю. Как только отойдет подальше от дома и начнется разговор... Если станет отказываться, лишь бы ты помог пытать его, пока не выложит как на духу, где зарыт клад.

Туктибай, глядя на Оримбая, понял, что тот, несмотря на то, что был изнурен (сил у него едва хватало на шепот), все же от цели своей не отступит. Он уже не сомневался в том, что старому псу удастся все: выманит хитростью Кабыша на улицу, уведет его за собой подальше от землянки. И уже предвкушал выход из тупика: план Оримбая может открыть путь к решению задачи, над которой ломал голову со вчерашнего дня, — встрече лицом к лицу с Кабышем во имя разговора о казне Сатыбалды. И во тьме зимней ночи перед глазами Туктибая вспыхнула картина: вот бий добирается до Караултобе и выводит Кабыша из землянки, вот он сам крадется по следам бия, собравшегося разделить клад на двоих, мешает ему встретиться с провонявшим рыбой кыпчаком и, подкравшись сзади, ударом топорика по голове оглушает полуживого мерзавца, и тот отправляется в мир иной. И чтобы увидеть, наконец, как все это делает своими руками, с тайной целью, чтобы бий не раздумал и не разочаровался в задуманном, нарочито суровым голосом он спросил:

И ты предлагаешь мне всего-навсего замучить Кабыша из-за клада, неизвестно, существующего или нет? - Говоря по правде, поддавшись уговору, не хочу брать грех на душу из-за пролитой крови безвинного человека. Ты делай, что задумал, мое дело маленькое. Ну, я пошел, будь здоров.

-Ладно, я сам...

Оримбай углубился в потемки, вскоре силуэт его сделался маленьким. Туктибай не расслышал последних его слов, борясь со снегом, он по пояс увяз в сугробах. Выбравшись, он зашел в кустарник, остановился, прислушиваясь к звукам ночного пространства. Шаги пробирающегося по рыхлым снегам человека становились все более приглушенными, пока не угасли совсем. Дождавшись этого, Туктибай вышел из кустов. По своим же следам пришел обратно. Нагнувшись, по ямочкам на снегу чуть ли не на ощупь нашел следы Оримбая. Определив направление по этим углублениям, укрывая лицо от змеящейся поземки, двинулся вперед.

То и дело проваливаясь по самые бедра в сугробы, долго шел Туктибай, и только тогда, когда над холмами забрезжил скупой свет, увидел далеко впереди Оримбая, который держал путь прямо к Караултобе.

Глава двадцать пятая

Кабыш!

Кабыш лежал в полусне, скорее, дремал, а не спал. Вздрогнув от звука, очнулся. Однако ему очень не хотелось подниматься с теплой постели. Придя в себя, поднял голову, приставив ладонь к уху, прислушался. Действительно, со двора донесся какой-то стук, словно кто-то упал. Кто этот безмозглый, что бродит вокруг его землянки? Вот опять кто-то сдавленно простонал его имя:

Ка-бы-ыш!

Его поразило, что кто-то, ища его, добрался в ночной темени по снежным холмам до его удаленной от аула землянки. Говорят: «один из сорока путников - сам Хызр», хорошо, если к добру все это. Если же слепо ломится к нему один из обезумевших от голода бродяг — надо быть начеку В такое время нельзя быть ротозеем, потерять жизнь сейчас - проще простого.

Кабыш понимал, что, если только сам не выйдет, открыть запертую изнутри на засов дверь обессиленному от голода человеку будет крайне трудно. Еще он был зол на себя за то, что накануне вечером, чувствуя себя нездоровым из-за ломоты и озноба, чтобы согреть тело, выпил изрядно простой горячей воды. Все же досадуй - не досадуй, от этого толку мало, уже было не вмоготу терпеть боль в переполненном мочевом пузыре. Чтобы не простудиться на морозе, надел на себя всю одежду, которая была сложена в изножье на постели. После этого вытянул ноги вперед. Носки сапог уперлись во что-то твердое. Нагнулся, чтобы рассмотреть, оказывается, - пешня. Обычно, вернувшись домой с рыбалки, ставил он пешню в угол и напрочь забывал о ней до следующего утра. Но теперь, когда бродивший во тьме неизвестный, наводил на него страх, верный инструмент этот, оказавшийся рядом, сразу же вернул самообладание. Взяв пешню, увидев, что Мадина, поднявшаяся следом за ним, тоже одевается, замер. Поняв, как постыдно выглядит в глазах женщины муж, собирающийся по нужде с ломом в руках, поставил пешню на место в угол и выпрямился.

Кабыш спокойно смотрел, как жена одевается. Когда она оделась, осторожно, чтобы не разбудить спящих детей, двинулся к двери. Нащупал крючок, обросший инеем, и, преодолевая ознобную дрожь от обжигающего железа, пробежавшую по телу, медленно снял его занемевшими пальцами с петли. Толкнув плечом, открыл дверь. Холодный воздух, волной хлынувший внутрь, ударил в лицо. Мадина, поспешно выходя вслед за ним, закрыла дверь.

Хрустя снежной бровкой, наметенной под камышитовой изгородью, прикрывавшей землянку с юга, ведя за собой жену, Кабыш прошел вдоль забора. Подставляя лицо ощутимой поземке, вышел на открытую площадку. Хотя метельный ветер хлестал порошей по глазам, засыпая снежной крупой ресницы, мешая видеть, он медленно обвел взглядом подернутую темно-серой дымкой окрестность. В поисках движущейся фигуры особенно пристальным взглядом обвел горбы притаившихся холмов, чернеющий хаос кустарника. Однако не заметил ничего, что насторожило бы его.

После этого он немного успокоился, решив, что звуки, которые напугали его минуту назад, просто почудились ему. Оставив Мадину возле кучи хвороста, сам удалился на заднюю часть двора за землянкой. Дойдя до куста тамариска, он опустился на корточки, чтобы справить нужду. И тотчас настороженно замер, увидев на снегу беспорядочные крупные следы, еще не занесенные порошей. Поспешно поднялся, опасаясь, что кто-нибудь набросится сзади, со спины. Бросая по сторонам ищущий взгляд, искал фигуру оголодавшего бродяги, рыщущего с недобрыми намерениями. Однако поблизости никакого человеческого силуэта не было видно. Изучая следы, перевел взгляд в глубь зарослей, которые смутным пологом заволакивали склоны и вершину ближнего холма. Теперь интуиция не обманула его. Он увидел неподвижную черную фигуру, которая таилась среди кустов на западном склоне холма.

Кабыш будто помимо своей воли, безотчетно двинулся в ту сторону. Словно дожидаясь именно этого, незнакомец попятился назад. Кабыш сделал несколько шагов, человек отступил ровно на столько же. Прошло несколько минут. Внезапно Кабыш понял, что, отнюдь не собираясь догонять его, все же, как ребенок, следуя за ним, сам не заметив того, отошел от землянки на большое расстояние. Придя в себя, он замедлил шаг, потом остановился. Незнакомец, внимательно наблюдавший за ним, повторяя каждое его действие, тоже остановился. А когда Кабыш повернул назад, словно в смятении вырвавшийся голос прохрипел вдогонку:

- Кабыш, я от Сатыбалды, что в Жынгылсае...

Кабыш так и осел, затем, пружинисто подбравшись, обернулся на зов. Голос, внезапно напомнивший ему о казне, зарытой далеко в безлюдных, диких местах, забытой из-за невзгод и страданий голодомора, с силой молнии ударил по без того обостренным нервам.

Кабыш остолбенел. В помутнении искоркой пронеслась мысль, что теперь нельзя бездействовать, надо переговорить с незнакомцем, чтобы узнать у него, откуда известно ему про клад. Позабыв про опасность, в полном разброде чувств, зашагал вперед.

Не успел Кабыш сделать пару шагов вперед, как незнакомец тоже двинулся с места. С этой минуты, словно убедившись в том, что теперь Кабыш, пока живой, не отстанет от него, переходя от одного всклокоченного лохматого куста к другому, крался он неуклонно в сторону Жынгылсая.

То, что незнакомец направился именно к Жынгылсаю, подстегнуло опасения Кабыша, без того встревоженного недавними его словами о кладе. Он решил, что самым верным будет в этой ситуации - догнать скорее незнакомца и вытребовать у него, что же он знает? Потом будет видно, как поступить дальше.

Говорят: «Ищущий — найдет», спустя немного времени Кабыш заметил, что отступающий от него человек дышит все тяжелее, сбиваясь с ровного шага. Словно доказывая это, быстро сокращалось расстояние между ними, уже можно было различить, во что был одет незнакомец. До него осталось совсем немного. Кабыш был уверен: минута-другая, и он настигнет его, но увидев впереди между двумя холмами глубокую низину, поросшую густыми зарослями тамариска, в которые уже входил незнакомец, он с сомнением подумал, удастся ли вообще догнать его. И тогда крикнул:

- Э-э-эй, да кто ты такой? Подожди, давай поговорим!

Однако тот ничего не ответил. Пока Кабыш соображал, что ему делать, неизвестный успел затеряться в чаще.

Через минуту у края зарослей оказался и Кабыш, он остановился, переминаясь в нерешительности. Его пугали густые чащи, где поджидала неизвестная опасность, кто поручится за то, что, бросившись с безоглядной храбростью в темные дебри, выберешься оттуда живым? Не зная, как поступить, Кабыш в растерянности оглядывался по сторонам. Однако, сколько ни всматривался в окружающее пространство, не видел ничего, кроме смутных гребней холмов, темными потоками стекающих в лощины и низины зарослей жынгыла, косых линий снегопада, колышущихся в сером воздухе.

Внезапно он содрогнулся от резкого звука. Невдалеке кто-то отчаянно рванулся сквозь кусты, затем упал, с треском ломая ветки. Словно в страхе, дескать, если не будет действовать скоро и решительно, тайна укрытого клада станет известна всему голодающему народу, быстро двинулся он вперед. Не обращая внимания на потоки снега, которые падали с веток, стекая по груди, плечам, кинулся прямо в густые чащи, потратив немалые усилия на борьбу с цепкими зарослями, выскочил на открытый пяточок. Первое, что бросилось в глаза, - вытянувшись, на снегу лежало чье-то тело. Рядом стоял Туктибай, глядя на это тело.

На лежащем была енотовая шуба с изнанкой из синей ткани, на голове лисий тымак, отороченный светло-желтым плюшем. Бросался в глаза перетягивающий пояс дорогой ремень с серебряной инкрустацией с прикрепленным кинжалом в ножнах. По одежде он сразу распознал странного незнакомца, который вынудил его следовать за ним до этого места. «Что произошло, почему приключилась беда с несчастным, и откуда появился здесь Туктибай?» - не в силах связать концы с концами, он терялся в догадках.

Считая постыдным стоять в стороне, выжидая, Кабыш приблизился к человеку, столбом торчащему справа от тела. Тот, оказывается, с трудом переводил дыхание. Однако Кабыш не придавал этому особого значения. Ему нужно было выяснить, кто этот лежащий, бородатый, кто намекнул ему скороговоркой про тайник Сатыбалды в Жынгылсае. Долго вглядываясь в черты погибшего, он с трудом распознал в нем Оримбая. Недаром говорится: «Мужчина исхудает — живой аруах³¹, лошадь исхудает - костяк». Видимо, прошло немало времени с тех пор, как этот бедняга с резко осунувшимися чертами лица начал худеть и отошал до неузнаваемости. И если бы не пятно крови от свежей раны на лбу величиной с большой палец, говорящее о недавней жизни погибшего, можно было подумать, что этот изможденный доходяга умер много недель назад. И не мудрено так подумать - бедняга был так тощ - одна кожа да резко выступающие кости. Однако не это поразило Кабыша, его внимание привлекли глаза мертвеца, широко раскрытые, с надеждой, как в ожидании

³¹ Аруах - дух покойника, также любой умерший.

помощи, смотрящие на небо, да снежинки, которые, не тая, все падали и падали на костлявое лицо. В сомнении он невольно отшатнулся назад.

Неподвижный Туктибай, словно ожидавший от Кабыша именно этого движения, суетливо склонился над телом Оримбая, взял его руку за запястье. Видимо, искал пульс. Присел на колени рядом, приложил ухо к его груди и опять прислушался. Подняв голову, сказал, словно говоря с самим собой:

- Бедняга, только что испустил дух, - с этими словами он провел ладонями по лицу умершего, закрывая ему глаза. - Недавно видел, как, выбираясь из этих зарослей, зацепился он ногами за что-то и тяжело рухнул. Лежал он ничком. Я подошел к нему и, желая узнать, кто это, перевернул его на спину. По- моему, ударился крепко он лбом о корягу. Как бы то ни было, после этого он уже был не жилец. Что бы ни случилось, долг живого человека — похоронить мертвого. Во времена голода копать могилу - никакой возможности нет, все же мы должны зарыть его, чтобы зверье и птицы не растащили останки.

С этими словами Туктибай протянул руки вперед и запустил растопыренные пальцы в снег. Затем кинул снег на лицо мертвеца. Глядя на это, Кабыш не остался в стороне. Когда гнался за этим человеком, осведомленным про казну, была минута, когда взмолился, прося у Бога помощи. Став свидетелем гибели человека, был так потрясен, что чувство это улетучилось само собой. Внезапно, вспомнив про долг раба Божьего, он кинулся помогать Туктибаю.

Говорят же: «Не бери и крохи у сраженного бедой», - помня эти слова, они не тронули ничего из вещей Оримбая, старательно засыпали снегом умершего. На эту работу у обоих мужчин ушло время, нужное для того, чтобы вскипятить чай. Кинув последнюю пригоршню снега на холмик, Туктибай на четвереньках попятился назад. Отодвинувшись от захоронения на пять-шесть метров, упираясь руками о землю, он присел на корточки. Шевеля губами, принялся читать молитву за упокой души умершего. Кабыш, закончив работу, молча присел рядом. Сложил ладони, провел ими по лицу. Закончив положенные мусульманские ритуалы, Кабыш поднялся: не теряя времени, надо было идти домой. Однако сидевший на корточках Туктибай затеял разговор, Кабыш прислушался, затем невольно сел на место.

Ну вот, еще один человек покинул сей бранный мир, - сказал Туктибай все тем же печально-монотонным голосом, каким читал аяты из Корана.

Хотя у Кабыша не было никакого желания вступить в беседу, все же, почувствовав по особому тону Туктибая, что то г как бы намекает, что умерший отнюдь не был чужим ему человеком, сочувственно пробормотал положенные по обычаю слова:

Пусть будет на нем милость Аллаха. Пусть встретит его ангел.

Однако по виду Туктибая нельзя было сказать, что тот растроган его словами, размягчен хоть на йоту. Туктибай все так же сидел, как истукан, и продолжал говорить глухим, ровным голосом:

Всегда тяжело провожать человека в последний путь. Однако в нынешние времена, когда люди мрут, словно мухи, стоит ли горевать о смерти старого человека? Поэтому счастье Оримбая, что умер, не мучаясь от костлявых лап голодной смерти.

Кабыш насторожился и неприязненно взглянул на человека, которой прославился изворотливостью и плутовством во времена, когда был писарем волостного правления. Что это с ним, почему затеял неуместные разговоры, вытягивая его на откровенность? Туктибай, заметив, что его тон не понравился Кабышу, сказал:

Пусть маленькая, но в этом моя правда. Для понимающего мысль моя в том, что человек этот, который заблаговременно позаботился о спасении детей, отправив их в хлебные края, даже если пришлось бы похоронить ему отца и мать, с легкостью отдал бы Богу душу.

Так какого же рожна рыскал он здесь? - нахмурился Кабыш, ему хотелось скорее закончить этот бесполезный разговор.

Уместный вопрос, - судя по вескому тону, Туктибай был намерен продолжить беседу. - Однако разве не страстное желание - та самая сила, которая в ясный день запутывает раба Божьего и в, конце концов, валит его в могилу? Кто поручится за то, что накануне и этого несчастного не обурежала жажда стать владельцем сказочного богатства? До сих пор в моей голове эхом звучат слова покойника, услышанные от него дней десять назад. Хотя не

разглашал никому, однако, оказывается, знал он, где лежит спрятанная казна. Однажды даже предложил мне, мол, давай пойдём к человеку, который является хранителем казны.

Издали послышался женский крик, который прервал монотонный голос Туктибая.

Ау-у-у! Отец Сергазы!

Кабыш торопливо поднялся. Неожиданно ситуация повернулась так, что Кабыш должен был вроде бы ответить на намек, однако он с холодным видом кивнул Туктибая и пошел прочь.

Туктибая несколько не обидело, что Кабыш ушел без ответа, он внимательно следил за лицом кыпчака, и, заметив, как тот, услышав про казну, побледнел от испуга, возрадовался всей душой. Пристально наблюдая за тем, как, теряясь в зарослях жынгыла, удаляется Кабыш, процедил сквозь зубы:

Иди, иди! На сегодня и этого хватит. Теперь от меня не убежишь, не скроешься, Кабыш. Хотя сегодня ты не сказал мне, где зарыта казна Сатыбалды, но, клянусь, придет время, когда ты, как на духу, сам признаешься мне и все выложишь до последнего. Туктибай не успокоится, пока словно масло из торбы, не выжмет из тебя до последней капли твой секрет.

Глава двадцать шестая

Плотный серый туман, липнувший к лицу. Который час Кабыш барахтается в этом непроглядном промозглом тумане, похожем на молоко, затопившем мир между небом и землей. Он вышел из землянки с целью осмотреть ловушку, поставленную в речном протоке: не попала ли пара-другая чебаков для наваристой ушицы, и быстрее вернуться домой. Однако бездушная природа да невезучая судьба, наверное, сочли, что это слишком жирно для него. И вот теперь, вместо того, чтобы ускорить путь, плетется он в этой рыхлой серости, не в состоянии различить ни куста, ни кочки.

Кабыш споткнулся обо что-то твердое. Сгорбившись, по инерции пролетел несколько шагов вперед, затем воткнул в снег пешню и, удержавшись, с трудом выпрямился. Конечно, интуитивно понял он, какое препятствие возникло на его пути, однако, чтобы проверить свою догадку, вернулся назад. Сощурился, обыскал все вокруг себя. Казалось, взгляду не за что было зацепиться на фоне сплошного снега, поэтому пришлось присесть на корточки. Как и предполагал он, туман над землей был чуток жиже, чем сверху. Он увидел удлиненные пятна одинокого следа. Затем в глаза попало что-то темное. А далее он уже не мог сдержать себя.

О, бедняга! - горестный вскрик вырвался из груди. - Несчастный, что тебе понадобилось в этих краях? Что надеялся найти на голом льду и белом снегу, в пустой степи, ограбленной конпеске дочиста, до последней овечки еще в летнее время, обезлюдевшей после того, как угнали

народ в калектеп?

Всхлипывая и приговаривая невесть что, Кабыш взял заледеневшее, изрядно припорошенное тело за ноги, отволлок подальше от дороги. Он не хотел оставлять на тропе тело, ведь через него пришлось бы потом перешагивать. В другое время оставил бы он труп на месте и поспешил бы уйти дальше. Но сейчас не мог он поступить так. В последнее время в характере Кабыша появилась черта — не мириться с тем, что трупы лежат прямо на дороге. Поэтому пришлось ему немало потрудиться зимой, чтобы убрать в сторону от дороги тела несчастных, тех, кто, бродяжничая, пал от голода. Кого-то удавалось ему засыпать снегом, чтобы не лежали с открытыми лицами, однако немало было и таких тел, которые из-за усталости пришлось оставить непогребенными. В такие дни, добравшись до своего дома, придя в себя в домашнем тепле, он обычно горько переживал за свое бессилие, что, будучи живым, не смог выполнить свой человеческий долг перед умершими. Оказывается, зря горевал он. Он как-то не учел, что обильный снегопад, начавшийся с конца ноября, многодневные метели с поземками и вихрями без труда захоронили бы под сугробами не только упавшего человека, но и всего лежащего верблюда с его горбами. Свидетельством этому было то, что сейчас ни за что нельзя было определить, где и на какой глубине снежных завалов лежат тела, которые оттаскивал от дороги он сам.

Кабыш обернулся. Его не особенно интересовало, женское или мужское было это тело, лежащее на снегу. Была бы надобность - легко бы сделал это. Но сейчас не было желания заниматься этим. Наоборот, нужно было скорее забыть про мертвое тело и вернуться к

повседневным делам. С этой целью, вспомнив дела свои и мысленно приговаривая, что дорогу осилит идущий, хотя и медленно, но двинулся вперед.

Не прошло времени, за которое можно было бы сварить молоко, как впереди в тумане мелькнуло что-то, затем ясно зачернел человеческий силуэт. Хотя на душе стало тревожно, Кабыш не сбавил шаг. Затем, когда на расстоянии вытянутой руки из тумана выявилось сначала бородатое, заиндевелое лицо, а потом показался сам Туктибай, он невольно остановился. Туктибай был одет как прежде, внешность его нисколько не изменилась, да и шел он, как ни в чем не бывало, с беззаботным видом.

Хотя встреча эта была не по душе Кабышу, он как младший по возрасту первым отдал салем:

Ассаламалейкум.

Уалейкумассалам. Как семья, все живы и здоровы?

Слава Богу. Пока неплохо.

Да, и это хорошо. Мне нравится твое: «Пока неплохо». Разве сейчас не такое время, когда радуешься, видя живым и здоровым человека, которого встретил вчера? Тот, кто понимает, какое это счастье, когда твоя голова цела, и ты здоров, должен денно и ночно благодарить за это Бога.

Рахмет, - холодно ответил Кабыш, показывая, что не расположен к откровению.

То ли почувствовал это Туктибай и пошел на попятную, то ли дала себя знать физическая немощь, но как-то бочком отошел он в сторону и тихо скрылся в густом тумане. Однако спустя минуту показался вновь. На этот раз голос у него был какой-то другой, мягкий, ележный.

Кабыш, - сказал он, - разве мы не из тех казахов, кто устал бродить в одиночку в поисках пропитания, я рад тому, что неожиданно встретил тебя. К тому же, за последние две недели довелось нам пару раз перекинуться словами, теперь, признаюсь, считаю неловким для себя, как азамату, уйти себе молча.

Кабыш хотел по своему обыкновению резко ответить Туктибаю и на том распрощаться с ним, однако, ощущая внутренний разлад, в раздвоенных чувствах сказал:

Ладно. Говори.

Начало этого разговора я уже поведал тебе. Все, что будет дальше, это продолжение этой темы... В своем доме в Богеткуме я лежал, прикованный хворью к постели. Было вечернее время. Кто-то распахнул дверь и вошел в землянку.

Туктибай замолчал. Кабыш хотел спросить: «Кто?», однако с трудом удержался, утаив вопрос. Туктибай заметил невольный порыв Кабыша, он словно ожидал его. Хотя лицо Кабыша было совершенно невозмутимо, чувствовалось, что он держит себя в руках, и, скорее всего, не даст ходу эмоциям. Поэтому Туктибай продолжил свой рассказ:

Смотрю - это Оримбай. На поясе кинжал. Вытащил кинжал и без разговоров кинулся ко мне. Я уже ожидал, что набросится на меня. Нет, остановился. Неожиданно лицо его стало угрюмым, и он сказал с угрозой: «Если Кабыш не пойдет мне навстречу, убью его!» Выпалив это, он выскочил на улицу. И тут меня стали мучить разные страхи: «А что, если старый хрыч в гневе исполнит свою угрозу? Если, прибежав, в слепой ярости сходу устроит резню? А что, если погибнет вся семья, взрослые и, словно птенчики, малые дитя? Эх, хотя бы успеть предупредить их, чтобы спаслись они!» Однако как не силился подняться с постели - головы не мог оторвать от подушки.

Утром, когда проснулся, чувствую - немного ожил, вроде бы стало мне заметно лучше. В спешке собрался в дорогу. То проваливаясь в сугробах, то падая, вставая вновь, все время шел в сторону вершины Караултобе. В конце концов, идя по следам, в низине, окруженной зарослями жынгыла, набрел на лежавшего ничком человека. Перевернул его - боже ты мой, оказывается, Оримбай. Не в силах шевельнуться, кивнул мне подбородком. Вижу, двигает губами, хочет сказать что-то. Я нагнулся, чтобы услышать последнее слово умирающего. Все ожидал услышать, но только не то, что шепнул он мне. Я испугался. Похоже, чаяния умирающего оборвались с его последним вздохом... Кабыш, разве ты не из тех азаматов, которые были с Орекеном в хороших отношениях? Скажи честно, как ты думаешь, что он сказал?

Никогда не любил, когда говорят загадками, - ответил Кабыш, нахмурившись. - Гаданием никогда не занимался, да и желания нет.

Туктибай сощурил глаза и окинул Кабыша пронизательным взглядом. Словно решив обдумать наедине мысль, которую хотел озвучить, исчез в тумане, спустя какое-то время появился вновь.

Хочешь сказать, мол, мне все равно? Ну, тогда слушай. Его последними словами были: «Сатыбалды. Жынгылсай. Казна».

На организм Кабыша, подточенный холодом и болезнями, обостренные нервы, ослабленные голодом, словно небо обрушилось - такова была тяжесть слов о казне Сатыбалды. Кабыш невольно содрогнулся, перед глазами потемнело, ноги, неумолимо дрожа в суставах, подогнулись. С трудом справился он с приступом слабости. Кабыш понимал, что в этой ситуации стоит только открыть рот, обронив слово, как возникнет опасность досужего толкования, и все же надо было выяснить, знает ли еще кто-нибудь про казну.

Что еще сказал? - спросил он.

Ничего... Не-ет, дурная моя голова, все забывает, - замялся, проглатывая концы слов Туктибай, но мгновение спустя выправил речь. - Самое последнее слово было: «Трое...» Да, именно так. А потом, не в силах повторить прежнее: «Пойдем к хранителю, поделимся», затих и испустил навеки дух.

Мало-помалу Кабыш уяснил, что Оримбай никому, кроме своего старого подельника Туктибая, не поведал тайну заветной казны. Его напугала мысль, что теперь, пока не найдет способ избавиться от этого матерого плута, давно подвизавшегося на обманных трюках по отнятию чужого имущества, или пока не воспользуется случаем, чтобы дать ему жесткую отповедь, дабы пропала у него всякая охота искать встречи, ему не будет никакого покоя. В уме он начал даже продумывать разные варианты. Туктибай заметил это. Он как-то суетливо глянул в глаза Кабышу, что совсем не было похоже на него, старающегося даже в новые времена выглядеть важным, знающим себе цену человеком, и торопливо сказал:

И вот я вместо Орекена, ушедшего в мир иной с не услышанной просьбой, пришел с дельным предложением.

С каким предложением?

Кабыш, у меня есть кое-какие запасы еды, ты же хранишь тайну казны в Жынгылсае, ключи в твоих руках. Что, если, набив за пазуху золотом и серебром, питаюсь моими запасами, уйдем за кордон на земли хлебного народа, не признающего проклятую советскую власть, тем самым спасем свои жизни? Вот что хочу предложить тебе.

В голове Кабыша, как всегда, вихрем пронеслась сумятица, затем, приняв решение, он жестко отрезал:

Бедняк, у которого дома хоть шаром покати, мог ли он оказаться владельцем несметного богатства? Не слышал о такой казне. Если важность дела, с которым шел ты ко мне, заключается в этом, то ты зря терял время. А мне надо идти дальше.

Сказав это, словно боясь продолжения разговора, не проявляя никакого желания ни получить объяснения от собеседника, ни услышать возражения от него, Кабыш двинулся дальше. Туктибай стоял столбом прямо на пути. Задев его одеждой, Кабыш прошел мимо. Сделав два-три шага, растворился в сером тумане, зыбившимся, словно молоко. Оказавшись один в плотном, непроглядном облаке тумана, накрывшем всю степь, он вернулся к прежним мыслям, что должен сегодня до вечера обязательно добыть что-нибудь съестное, чтобы накормить голодных детей и жену, оставшихся в землянке. Однако сзади послышался вкрадчивый голос Туктибая, который все еще не расстался с надеждой узнать, где же хранится казна Сатыбалды.

Кабыш, не спеши, подумай еще. Благородным и честным быть уместно только в сытое время. В голодное же время, не воспользовавшись богатством, можешь погубить свою семью, тем самым причинишь себе непоправимый ущерб. Если же способен внять голосу разума, послушайся меня, мы уйдем от этого народа, обменяем золото на деньги. А на деньги купим мешками зерно, косяками - лошадей, целыми загонами - овец. И тогда тебе, придя домой, не доведется слышать, как твои дети плачут, прося поесть, увидеть, как жена отворачивается в сторону, скрывая слезы отчаяния. И это потому, что ломящийся от еды дастархан твой приумножит достаток и счастье дома.

К бездонной усталости от долгого голода добавились еще переживания по поводу казны Сатыбалды. Измученный Кабыш впал в какое-то отупение, он шел, как лунатик, еле

передвигая ноги. Туктибай почти вплотную следовал за ним в тумане, шепча на ухо всякие слова, и от его щедрых посулов кружилась у Кабыша голова: наркотическое опьянение разливалось по всем жилам, какая-то волшебная сила уносила его из степного края, залитого кровью и горем голодающих, совсем в другой мир. Что за чудесная жизнь, что за несметное богатство? Его карманы полны золота, серебра, драгоценных камней. Вот сытые, радостные люди нетронутого разорителями, благоденствующего края. Вот довольные, преуспевающие торговцы. Вот проносятся табуны породистых лошадей, проходят отары тучных овец. Вот дымятся казаны с вареным мясом, источают облако аромата подносы со свежееиспеченным хлебом. Вот веселые Сергазы и Куляим, круглолицые, розовощекие, игривые, словно козлята. Вот улыбчивая, светящаяся счастьем Мадина. Вот жизнерадостный Сатыбалды, обрадованный тем, что семья Кабыша живой и здоровой добралась до него, он приглашает в гости на ерулик³².

Словно под влиянием колдовского дурмана Кабыш брел в каком-то наваждении. Вдруг он вздрогнул и оглянулся по сторонам. Ничего не увидел вокруг себя, кроме все того же непроглядного сырого тумана да молочно заволоченных высоких снегов, обросших пушистым инеем, бесконечно тянувшихся вдоль дороги. Затем он с детской непосредственностью вздохнул и сокрушенно пробормотал:

- О, Создатель, что за несбыточные грезы, неосуществимые мечты!

Глава двадцать седьмая

В землянке было темно. На постели, между Кабышем и Мадинай лежали их дети. Когда они уснули, Кабыш едва слышно прошептал:

Мадина, ты не спишь?

Нет, не сплю, - так же тихо ответила Мадина, опасаясь что дети проснутся. - Что случилось? Что-то голос у тебя такор тревожный.

Это правда. До сегодняшнего дня я кое-что таил от тебя. Однако больше скрывать не в силах. К тому же нужна твоя помощь.

Моя? А я смогу?

Сможешь.

Ну, тогда говори.

Говоря по правде, история эта была еще до кампеске, можно сказать, еще до того, как мы поженились. Тогда казалось что все будет нормально, однако со временем постепенно началась неразбериха, - Кабыш минуту помолчал, затем продолжил. - Все началось в год свиньи, когда народ начал кочевать ш летние пастбища в степь. От Сатыбалды прискакал человек \ сказал, что он ждет меня.

Это правда? Сатыбалды пригласил тебя домой? - в голосе Мадины почувствовался неподдельный интерес.

Да. У Сатыбалды было заведено время от времени уединяться со мной для разговора. На этот раз он встретил меш как-то особенно тепло, не так, как раньше. Пока варилось мясо он все больше говорил о домашних делах, о хозяйстве. А когда накрыли дастархан, бай тихим голосом начал излагать главное дело. «Сам знаешь, из этой зимы скот вышел отощавшим, - будто просвечивая меня насквозь своими выпуклыми карим* глазами, сказал он. - Каждый год мы навьючивали для отко чевки сорок верблюдов, нынче о таком говорить не приходится. Подумав, решил я оставить кое-какой тяжелый груз. Считаю тебя азаматом, доверяю тебе, хочу оставить на твой присмотр» Хотя я не понял, о каком тяжелом выюке говорит бай, однакс интуитивно почувствовал, что это не простой груз. Не в состоянии придумать, как увильнуть от поручения, вынужден был согласиться. «Хорошо, Саке, если это в моих руках, не пожа лею усилий». А когда бай показал, что это за груз, я пришел в ужас. Единственная мысль сверлила мне голову: «Куда я дену, где спрячу эти неохватные выюки, украшенные серебряными узорами большие сундуки? Если спрячу у себя дома, случись что - как объясню, как отвечу людям на вопрос, откуда у го- лоштаного бедняка такое богатство»? Посоветовавшись с баем, спрятал вещи на время в выкопанной яме. Так как, кроме бая, были тогда и другие свидетели, решил перепрятать все эти вещи. К тому же меня беспокоило, что роскошную одежду, дорогие вещи может попортить сырость. Я уже не думал о том, что бай может обидеться и отругать меня, одно меня заботило — как бы

³² Ерулик - обычай казахов звать на угощение только что прибывшего на новое место человека.

сохранить в первозданном виде искусные вещи, сотворенные руками подлинных мастеров. Все это привело к тому, что весной, когда растаяли лед и снег, а земля стала рыхлой, отправился я в безлюдную лощину Жынгылсай и вырыл хранилище.

Где, ты сказал? - Мадина была так удивлена, что невольно повысила голос. - У нас под боком в Жынгылсае?

Именно там... Место для хранилища разметил и рыл целую неделю по ночам при свете луны. Стены укрепил камышом и плетнем, сделал две комнаты, на выходе устроил дверь. Потолок сделал, как в землянках, из жердей, плетений камыша, все это на подпорках, сверху навалил грунт, слой песка. Затем пятнадцать ночей украдкой перевозил на лошади вещи, спрятанные в яме на зимовке Сатыбалды, с трудом управился. Когда вещи были сложены, плотно закрыл дверь и забросал ее землей, завалил песком. Со временем песчаные бури сделали свое дело, сравняли обрывы Жынгылсая, передвинули барханы, и местность приобрела такой вид, что вряд ли заподозрил бы кто, что под песками в пустыне таится огромное богатство одного человека, которого хватило бы на целый род. Ну, все равно, что обжора, который проглотил жирный кусок, а сам невинно развел руками, мол, ничего не знаю, ничего не видел. Я же время от времени наезжал туда, чтобы проверить, не проложил ли тропку туда вор, и возвращался себе спокойно.

Осенью прикочевал из Каракумов Сатыбалды, устроившись на зимовке, вызвал меня, поинтересовался, как хранится оставленная казна. Без лишних слов привел бая одного в Жынгылсай, открыл дверь хранилища, показал все его вещи до единой. Держа в руке лампу, бай обошел обе комнаты, потом, выйдя наружу, спросил меня: «Знает ли об этом кто-нибудь, кроме тебя?» «Кто может знать? Ни одна живая душа не знает, - коротко ответил я, а сам подумал: «На то тайник и есть, что о нем никто не знает. Почему он об этом спрашивает?» «Это правильно. Пусть это будет наша с тобой общая тайна», - сказал он. «Хорошо» - ответил я.

Дверь хранилища закрыли, плотно завалили грунтом и песком, затем сделали веники из жынгыла и заровняли следы собственных ног, копыт лошадей. Бай уехал к себе. Уехал он молча, на следующий день его табунщик пригнал на согым жирную кобылу. Привязывая ее к колышку, я понял, что бай остался довольным. С этого года казна стала пополняться только ценными вещами. Бай, удостоверившись в моей надежности, иногда оставлял на хранение в казне изделия из золота и серебра. Впоследствии он не раз говорил мне, что надежнее хранилища в Жынгылсае нет, он ему больше доверяет, нежели своему карману. Заметив, что бай по-особому относится ко мне, люди стали поговаривать, что нелюдимый, суровый Сатыбалды знает только с Кабышем. Не раз эти громкие слухи доходили и до меня. И эти слова, конечно, были мне на руку, они тешили мое самолюбие. Я стал смелее заглядываться на девушек. И первая, на ком остановил свой взор, была ты, Мадина.

Мы впервые встретились лицом к лицу на одной свадьбе, - перебила Кабыша Мадина, в ее голосе почувствовалась грусть. Тогда я заметила, что ты не хочешь отходить от меня. После той ты проводил меня домой, не так ли?

После той встречи я ходил сам не свой, измучился, переживая, нервничая. «Как же мне, бедняку, у которого нет скота для калыма, нет сил, чтобы повернуть события в свою пользу, получить согласие девушки, на которую положили глаз богатые жигиты?» - раздумывал я. К тому же, в это тяжелое для меня время умер ослабленный старостью отец, - это я воспринял как коварный удар судьбы. Через два месяца после его кончины умерла мать. И остался я гол, как осиный кол. После этого я уже потерял надежду, что смогу жениться, как полагается, по обычаям своего народа. Дни и ночи молил Бога только об одном, дескать, если небо благосклонно ко мне, если суждено мне жениться, сведи меня только с Мадиной. В конце концов, помня, что утопающий за соломинку хватается, хотя и особо не верил, что получу помощь, обратился к Сатыбалды и открыл ему душу.

Знаю. Слышала, что Сатыбалды сразу согласился.

Нет, не так. Поначалу Сатыбалды воспринял мою историю весьма прохладно. В конце концов, выяснив все детали дела, особенно то, что его давний враг Оримбай тоже имеет виды на тебя, надеясь заполучить в токалки, и уже заплатил большую часть калыма, он встрепенулся, поднял голову. Он сказал, что только что прикочевал из пустыни и обосновался на зимовке, поэтому впервые слышит об этих делах, что хорошенько обмозгует сказанное мною. С этими словами он проводил меня...

Кабыш какое-то время лежал молча, словно сожалея о том, что рассказывает о прошедших событиях, от которых никакой пользы его семье не будет. Затем он продолжил свой рассказ.

Не знаю, о чем думал бай, но когда я услышал, что Сатыбалды начал переговоры с твоим отцом, то обрадовался так, что едва не разорвалось сердце. Теперь я только молил Бога, чтобы все кончилось хорошо. Поначалу твой отец уклонялся от прямого ответа, тянул время, ссылаясь на разные обстоятельства. Однако противиться Сатыбалды, не любившему дважды повторять одну и ту же просьбу, не осмелился и, в конце концов, соединил нас. Однако бывает ли такое, чтобы большая удача давалась человеку без трудностей? Вскоре пришлось защищаться от нападок подлецов, имевших виды на тебя. Так, за то, что по ложному обвинению, мол, спалил посевы бия Оримбая, едва не угнали меня в Сибирь.

Мадина повернулась в сторону Кабыша, уткнулась лицом в плечо ему и тихо прошептала:

Как я тогда боялась, что потеряю тебя.

По правде говоря, я и сам думал, что вот-вот окажусь закованным в кандалы. Неизвестно, как все сложилось бы, если бы не заступился Сатыбалды. С той поры Сатыбалды казался для меня самым справедливым, самым праведным человеком. Я считал себя в большом, неискупимом долгу перед ним. Ну, как не быть в долгу, если, благодаря ему, женился на любимой девушке, заимел детей? Конечно, я в долгу. До сих пор в долгу. Надо сказать, бай тоже всю использовал меня, проворачивая с моей помощью опасные и сложные дела, такие, что иногда просто чудом вырывался я из пасти смерти. Запомнилось лето, когда бай откочевывал с родной земли. Те дни я жил в постоянном страхе... В тот год Сатыбалды, как и другие байы, не перебрался в Каракумы, а остался на берегах Сырдарьи. По его приказу гнали скот во все стороны казахской степи, меняли, что удавалось, на золото, что не удавалось - отдавали за деньги. Жигиты, способные держать соилы в руках, словно волки, днями и ночами рыскали по степи. Нет-нет, до меня доходили слухи: «Ой-бай, говорят, люди Сатыбалды торгуют в Бухаре, Ургенче, другие его жигиты продают скот в Оренбурге, Саратове!» Я же во главе десятка крепких жигитов мотался туда и сюда, оберегая от лихих барымтачей табуны Сатыбалды в Караколе.

Я знаю, - грустно сказала Мадина. - В то время порой ты пропадал, месяцами не появляясь дома.

В благодарность за это Сатыбалды сделал меня одним из самых приближенных к нему людей. Со временем я настолько вошел к нему в доверие, что он поверял мне самые свои сокровенные мысли. Однажды во время одной душевной беседы Сатыбалды сказал: «Приближаются плохие времена. Думаю, ничего хорошего они нам не принесут. Боюсь, что мы, казахи, такие, какие есть сейчас, нарвемся на что-то ужасное. Пока есть власть в моих руках, в голове - ясность и понимание, хочу полностью рассчитаться со своими людьми. Кабышжан, ты пролил немало пота ради меня, там у коновязи стоят три кобылы, один жеребец, ты заслужил их, они твои. Не возражай, дорогой. Бери без слов, Аллах нам свидетель». «О чем Вы, ага? Упаси боже, если и готов продавать свои кровь и пот, но только не Вам. Я навечно в долгу перед Вами, - растерялся от неожиданности я, не зная, что сказать. - Нет, ага, не говорите так!» «Если не хочешь считать платой, пусть будет моим подарком тебе. Бери, дорогой, ты стал мне ближе, чем брат родной. Все лето использовал тебя, не дал даже сделать ежегодный посев. Кто знает, какой будет предстоящая зима, не волочет ли она за собой кровавый меч? Если грянет лихолетье, не хочу становиться причиной слез твоей семьи, - Сатыбалды прищурил глаза, бросив вдаль пристальный взгляд, подумал немного и продолжил свою мысль. - Да и время сейчас такое — твой собственный скот может пожрать тебя, словно волк. Если ты не возьмешь, завтра власть выметет подчистую... И не успокоится на этом, обвинит тебя во всех смертных грехах. Ты числишься среди безлошадных бедняков, тебе бояться нечего. Пользуйся удачей, если добро прирастет к твоим рукам — встанешь крепко на ноги, благодари судьбу, остальное - время покажет».

Этот разговор состоялся четыре года назад, - сказала Мадина. - Во время малого бесина. Увидев, как ты, пригнав три кобылы и жеребца, привязываешь их во дворе, я подошла к тебе. «Чей это скот?» - спросила я у тебя. Ты коротко ответил: «Наш». Я замолчала, считая излишними дальнейшие расспросы. Ты об этом говоришь? Этих лошадей дал тебе Сатыбалды?

Да, - сказал Кабыш, продолжая свою историю. - Взял я не потому, что жаден к добру оказался, а по той причине, что боялся обидеть отказом уважаемого человека, дарящего от чистого сердца. Заметив это, Сатыбалды повернул разговор в другую сторону: «Мы же народ, издавна привыкший к плохому, - к раздорам, тяжбам, сведению счетов. Я еще во время белого царя отошел от волостного правления, Байбол же наоборот сделал все, чтобы выбрали его волостным в советское время, и он просто закусил удила. Не преувеличу, если скажу, что натравил на меня кого только мог, всех тех, кто имел хоть какую-то власть. Словно видя во мне убийцу отца, он делал все, чтобы напакостить мне, разве что живьем не сожрал меня. Я же не отвечал ударом на удар, то ли от того, что состарился, то ли от того, что люди мои стали выходить из повиновения. Теперь каждая пробегающая шавка норовит схватить меня за горло. Стал терять я веру и в тех немногих моих людей в городе, которые раньше были за меня горой». Сатыбалды сокрушенно махнул рукой куда-то на восток.

Скорее всего, имел в виду Акмечеть, - сказала Мадина. В свое время и я так же предположил, - кивнул Кабыш. - Это было время, когда Сатыбалды, раньше казавшийся людям высоченным, недостижимым кряжем, стал терять вес и влияние в степи. Этот человек, который мог осадить любого гордеца, пусть это сам хан, мол, следи за языком, теперь, словно давая знать, что сам нуждается в помощи, жаловался на обстоятельства. «Сейчас каждый, кому не лень, готов сделать меня крайним. А обвиняют они меня в том, что делал три года назад. Откуда было мне знать тогда? Прискакал посыльный мальчик и выпалил: «Ага, с Вами хочет встретиться один иностранец». У меня и в мыслях ничего такого не было, «Хорошо!» - сказал я. Не прошло и двух дней, как заявился этот иностранец с переводчиком. Он завел речь, толмач переводит. Я слушаю. Коротко говоря, он сообщил, что Америка, Герман, Жапон, Пранцоз³³ и другие объединяются, чтобы сообща свалить советскую власть. Он объяснил, что в такое время, во имя того, чтобы казахи стали вольным, независимым народом, нужно действовать и оказывать борющимся денежную помощь, дабы можно было купить оружие. То ли потому, что его слова мне понравились, я не стал раздумывать, ломать голову над тем, чем чреваты последствия. И скупиться не стал. Дал деньги и коня подарил ему. Сделал это я тайком, никому не сказав. Только поэтому, наверное, я живой и здоровый, дотянул до этих дней. Иначе, скорее всего, расстреляли бы меня, как и других восставших против советской власти. Со временем привык я полагать, что мне удалось избежать курыка⁴⁰ балыибеков. Оказывается, ошибался я. Агенты ОГПУ и аульные актевесы не дремали, вынюхивали все, словно борзые псы, и, наверное, напали на какой-то след. Недавно прислал мне Зиялы весточку, я съездил в город и узнал об этом», - сказал Сатыбалды.

Весть от младшего сына, Зиялы? - спросила Мадина. - Что же сообщил он отцу?

Коке, на вас завели дело, дескать, поддерживал смутьянов-бунтовщиков. Пока вас не посадили в тюрьму, лучше скорее вам уехать в другие края, - якобы сказал он. Сатыбалды спросил: «Говоришь мне, что надо бежать подальше от своего народа? Разве не вы твердили, что, если будем с русскими, скоро будем в раю?» Зиялы ответил: «Коке, мы же говорили не о бальшабеках, о простом русском народе. Однако у него самого сейчас положение не ахти какое. Образованные люди покидают Россию, уезжают за границу. Судьба тех, кто остался, неизвестна, ни за что поручиться нельзя». Услышав это, Сатыбалды сказал: «Пусть будет проклято все! Я уже никому не верю. Пусть врагам моим, тем, кто грызет меня в ауле, достанется больше земли. Уеду подальше от этих мест».

Не в тот ли год откочевал бай в Афганистан?

В тот. Я сам слышал эти слова от него, когда вытащил из хранилища полный хорджун золота и серебра, навьючил на коня из отборного косяка, который он собирался забрать с собой, и вез до его дома на Караултобе. Услышав это, я поразился тому, что он собирается оставить такую казну в Жынгылсае: «Ага, раз ясно, что Вы собираетесь уехать, почему бы Вам не забрать всю казну, чем оставлять в степи?» Сатыбалды мне ответил: «То богатство, которое всю жизнь собирали из ничего по крохам, из кожи вон лезли, чтобы преумножить добытое - суета сует это, мышьяная возня тварей божьих. Кто не знает, что богатство в хорджуне - это грязь рук человеческих? Истинное богатство - это родная земля, дорогой Кабыш. Что толковать о брошенных ценностях, когда покидаю навсегда родную землю?»

³³ Германия, Япония, Франция.

³³ Курык - петля для ловли лошадей.

³³ Карабарак - род кустарника, используемого в качестве топлива.

Напоследок Сатыбалды затронул тему о Зиялы, сыне, которого оставлял на родине: «Казну в Жынгылсае, когда времена изменятся к лучшему, разделите поровну с Зиялы. Не скупитесь, уступайте друг другу, богатства хватит вам на всю жизнь». Это были его последние слова, сказанные мне. После этого я больше не видел Сатыбалды. Однако Сатыбалды не просто ушел, а сделал меня заложником до конца жизни. Быть заложником чести - всегда тяжело. И раньше постоянно думал об этом. А в последнее время проклятая мысль просто разъедает мою душу.

Что, есть человек, которого боишься?

Не-ет, кроме меня, ни одна живая душа не знает, где зарыта казна, - уверенным, твердым голосом сказал Кабыш, - за это могу поручиться совестью. Однако не зря говорят: «Береженого Бог бережет». Хочу попросить тебя, если тебе не трудно, сходить завтра к устью Жынгылсая, проверить издали, нет ли человеческих следов возле пары акаций.

Хорошо.

Это тайна, которая терзает душу одного только меня, - грустно вздохнул Кабыш. - Теперь эту ношу будем нести вдвоем... А через полгода после отбытия Сатыбалды...

Кстати, отец Сергазы, как вспомню, душа в пятки уходит от страха, - прошептала Мадина. - Помнишь, осенью того года барымтачи Оримбая угнали коня, которого дал нам Сатыбалды. Ты погнался следом и попал под удары дубинок. Когда в полночь к дверям нашей юрты на Караултобе подошел конь, на нем, свесившись, лежал ты, я подумала, что для нас все кончено. Однако, видать, дошли до Бога наши мольбы, ты полтора месяца пролежал в постели, в конце концов, все-таки встал на ноги. И когда вспоминаю, что до сих пор у тебя покалывает в легких от тех самых ран, причиненных дубинками, страх пробирает меня.

Кабыш безмолвствовал. Ему было тяжело слышать о своей болезни. Мадина, почувствовав его состояние, тоже замолчала. На минуту в землянке воцарилась тишина. Слышалось только унылое завывание ветра за стенами, дующего в западную сторону.

Часть вторая

Глава первая

Март 1932 года. Несмотря на то, что была уже весна, в степи все также лежали плотные, не тронутые оттепелью снега. В последние дни недели все же немного распогодилось, земля и небо как бы слегка посветлели, словно задумавшись о лучшем. Будто почувствовав это, четыре человека гуськом, один за другим, словно сурки, вышли из землянки. Они собрались во дворе, заинтересованно глядя на восток, откуда на землю струились солнечные лучи. Облокотившись о пешню, задумчивый Кабыш вдруг повернулся к Мадине.

Ты не забыла о моей просьбе? - сказал он.

Мадина, помедлив, ответила:

Ты о чем?

О Жынгылсае, - ни слова не говоря больше, Кабыш отвернулся. Как всегда, ступил он на одинокую узкую тропу, начинающуюся у самой землянки, и, звучно хрустя еще не размягченным снегом, направился в степь, озаренную лучами весеннего солнца.

Зная характер своего суженого, не любившего дважды повторять одну и ту же просьбу, без веских причин не поддававшегося страхам, Мадина почувствовала, что на этот раз что-то не на шутку беспокоит его. Проводив мужа, Мадина собралась идти в степь рубить кетменем кусты на топливо. Не обращая внимания на плач детей, торопливо расцеловав их, завела в землянку, оделась потеплее, вышла во двор, взяла кетмень и двинулась на северо-запад.

В этом году зима была настолько суровой и длинной, что запаса топлива, обычно хватавшего до конца холодов, на этот раз оказалось недостаточно. В начале марта во дворе уже не было ни одной приличной кучки хвороста. Есть ли смысл в жизни, пусть даже и голодной, если человек не может разжечь огонь, чтобы хотя бы согреть свои замерзшие руки? Она боялась того, что, если дома не будет постоянно гореть огонь - ведь у горячих углей можно согреть озябшее тело, - то муж, с раннего утра до позднего вечера проводивший время на морозе в попытках выудить из воды хотя бы одного чебака, может занедужить

на шутку и слечь в постель. Обычно она вырубала кусты жын-гыла и карабарака, в изобилии росшие недалеко от землянки. Все же, поскольку ночной разговор запал в душу, а муж еще раз повторил свою просьбу, ей больше ничего не оставалось, как соединить оба дела.

Выйдя с Караултобе, шагая все время по твердому, сглаженному насту, Мадина без затруднений добралась до Жынгылсая. Издали она тщательно осмотрела лощину, особенно внимательно обшаривая взглядом обрывы возле двойной песчаной акации, но никаких следов не обнаружила. И только после того, когда убедилась она, что казна цела от чужих рук, у нее отлегло от сердца.

Придя в себя, она вспомнила о своих малышах, оставшихся дома. В тот злополучный день, когда они с Кабышем вернулись после неудачного похода к Майлыколю, увидев до смерти перепуганных детей, посиневших от плача и оголодавших, она поклялась, что, подобно слабоумной, больше никогда не будет оставлять детей надолго одних. Этот день она никогда не забудет. Однако в нынешнее время разве прислушиваются к мольбам детей? Конечно, будут они бояться, плакать, но все же обойдется - не разорвется же сердце. Поплачут дети, устанут, успокоятся, однако до жоктау дело не дойдет. До вечера проголодаются, однако не умрут же с голода.

Мадина второпях бросила чембур на снег рядом с ближним кустом. Сняла с плеч тяжелый кетмень и с размаху принялась ожесточенно рубить куст жынгыла, почти до половины человеческого роста заваленный снегом.

С этой минуты Мадина работала без передышки, безостановочно. Словно боялась, что если будет осматриваться по сторонам, потеряет драгоценное время. Она не обращала внимания на то, что, разогревшись, сильно вспотела от энергичных движений и лучей солнца, падающих с неба. Не взирала и на то, что устойчивый поначалу снежный наст начал темнеть и проваливаться под ногами на каждом шагу. Ближе к полудню, почувствовав по инею, обволакивающему дыхание, что холодает, она бросила по сторонам тревожный взгляд и остановилась. Оказывается, погода менялась к худшему, степь мрачнела на глазах.

Глава вторая

Было время саске³⁴, хотя солнце давно уже поднялось над горизонтом и осветило мир, Туктибай лежал без движения в своей землянке в Богеткуме, но вдруг торопливо встал, быстро, но тщательно оделся. Он знал, что трата сил сегодня не прибавит ему жизни, однако терпение его было уже на исходе. Днем и ночью мозг буравила одна только мысль - не сегодня, так завтра добраться до казны в Жынгылсае, впрочем пока из этого ничего путного не выходило. Разум подсказывал ему не спешить, отложить это в долгий ящик. Когда в гневе начинал горячиться, ему мнилось - до удачи рукой подать, вот она уже рядом, бежит за ним, словно его собственная тень. Стоит только приступить к делу и...

Он чувствовал себя львом, мечущимся в клетке. Душа его кипела в яростной борьбе с самим собой, вот рванулся к двери и остановился перед ней как вкопанный. В голове, изнуряя мозг, вертелись одни только бессмысленные образы: схватившись правой рукой за низкую притолоку, он задумался. Затем, словно кто-то мог подслушать его, тихо процедил сквозь зубы:

- Надо убить! Надо убить Кабыша!

«Не-ет, я должен терпеть, пока не узнаю, где зарыта казна. Обману, уговорю, если не получится, замучаю до смерти, в конце концов, добьюсь своего. А затем, воспользовавшись удобным случаем, без труда прирежу его, как козленка. Главное теперь, когда много потрачено сил и остался до цели один шаг, не выдать себя суетой и шумом, надо сделать все так, чтобы комар носа не подточил».

Туктибай, словно только что проснулся, встряхнулся всем телом, собрался с мыслями и вышел наружу.

Первая же теплая неделя марта, казалось бы, смягчила суровый, обледенелый вид степи, созданный жестокими буранами и лютым морозом, однако сегодня погода начала портиться. Заметив это, Туктибай нахмурился. За короткое время ясности, мелькнувшее, словно солнечный зайчик, все же не смогли раскиснуть снежные завалы, гребни которых могли бы задевать живот коня. Одни только южные склоны высоких барханов и увалов, на

³⁴ Малое саске - около десяти часов утра. Большое саске - время, близкое к полудню.

которых снег, выдуваемый постоянными ветрами, лежал жидким слоем, с частыми темными прогалинами, напоминающими пестрые текеметы³⁵, словно намекающими о приближающемся конце зимы. Глядя на них, будто увидев мертвеца, Туктибай замер у порога своего дома.

- Уничтожь зиму, сотри с лица земли! Отомсти, утоли свою жажду! - бормотал он.

Для Туктибая сейчас, кроме самого Бога, противника в споре нет. В старые времена было у него предостаточно и неприятелей и недоброжелателей для вражды и тяжб. Были и нешуточные враги, которые могли чуть что показать зубы, были и друзья для душевных бесед, которые могли бы поучить уму- разуму. Порой, уставая от распрей, бесконечных склок, он обращался к Богу с мольбой о жизни в безмятежном, покойном одиночестве. «Если пораскинуть мозгами, понимаешь, что вкривь и вкось были твои молитвы. Нынче же, хотя и не слышишь людских проклятий, с трудом собранные запасы еды тают с каждым днем, сам же ты, никому не нужный, одинокий, никчемный, чадишь, словно последняя головешка в гаснущем очаге. А самое главное - сколько не храбрись, сколько не растягивай запасы, остатки зерна в мешке убывают и убывают».

Чем быстрее уменьшалось зерно в мешке, тем более далекими казались мысли о том, что жизнь надо начинать сначала, тем более несбыточной выглядела мечта, что казна Сатыбалды окажется в его руках, и это все сильнее беспокоило его. Злило еще и то, что подобно простым рыбакам, не может, обхаживая озера и речки, пробавляться рыбной ловлей. Думая о богатствах в песках Жынгылсая, порой строил он фантастические планы, от которых ум за разум заходил. К Кабышу ходил с уговорами не раз и не два. Пытался и обмануть, и разжалобить, однако ничего из этого не вышло. Возвращался угрюмый, вялый, словно в воду опущенный. В конце концов, решил ждать случая, когда этот упрямый рыбак сам попадет на крючок. Вот так судьба обрекла его на тоскливое прозябание в ожидании лучших времен.

В последнюю неделю с погодой вроде бы и на душе посветлело. Он радовался тому, что надоевшая зима подходит к концу. Однако у Бога, видимо, наперекор ему были свои задумки. Судя по тому, что снова стало холодать, не зря была придумана поговорка: «Земля не внемлет упованиям, от слов лед не тает». А если зима затянется, мечтам Туктибая не сбыться, его чаяния впустую уйдут в пыль и прах.

«Туктибай не подохнет, как собака. Он сегодня же примется за извечное мужское дело. Обманет, обведет Кабыша вокруг пальца. Подчинит его своей воле. Если и тогда не признается, схватит за горло, свалит на землю, выбьет пинками дух из него. Свяжет ему арканом руки и ноги, свесит голым в прорубь, что сам вырубил на Улыколе, устроит ему допрос. Таким образом выбьет из него тайну о казне, до последней капли выжмет».

Туктибай вернулся в землянку, взял айбалту, прикрепленную к косяку, сунул за пояс. Затем вышел наружу и неспешно зашагал по снегу в направлении Караозека.

Глава третья

Прежде чем Мадина поняла, в чем дело, с запада поднялся пронизывающий ветер. Один за другим выгнал он из-за горизонта чернеющие тучи, заволок свинцово-серой массой весь небосвод от края до края, так что без того поблекший мир быстро потемнел, тоскливо затих, будто его душила рука невидимого врага, желающего покончить с последними отдушинами воздуха и света. Слежавшийся снежный покров в степи малость осел, недавно еще черная, влажная земля проталин на южных склонах высоких увалов, засеянная порошей, на глазах снова стала пестро-серой. Талая вода с корками желтоватого снега, скопившаяся на дне низин и ям, похожая на молочную жижицу, опять застыла большими ледяными чашами. Как бы почувствовав что-то недоброе, рощицы рослой акации, жынгыла, ченгеля на склонах холмов зашумели, сталкиваясь ветками, заскрежетали, наполняя степь угрюмым гулом.

От этой гнетущей картины, древесного стона и скрежета- ния Мадине стало не по себе, в голове будто помутилось. Пропади пропадом, как это она вовремя не управилась с привычной работой? Ведь, окинув взглядом ближние кусты, она сказала себе: «Вырублю этот кустарник вон до того бугра», - а на самом деле не сделала и половины этого. Бог ты мой, что за напасть? Почему не смогла за время, нужное для варки мяса, собрать и одной

³⁵ Текемет - простая войлочная подстилка.

³⁵ Барымта - угон скота.

³⁵ Той-думан - пир на несколько дней.

стоящей вязанки хвороста? Где та сила, что позволила в прошлом году за время, нужное для варки чая, нарубить вдвое больше веток, чем сегодня? Разве не была способна она за три-четыре дня упорной работы заготовить дров, которых хватило бы на всю зиму? Сегодня же, сколько ни старалась, выдохлась вся - сил тех, похоже, нет. Неужели за год здоровье покинуло ее, и мочи той уже нет или острое кетменя так затупилось? Помнится, в прошлом году - взмахнешь им, по самый черенок уйдет в землю, ударишь по стволу жынгыла - перережет, словно бритва. Может и так, что затупился верный кетмень. Отец Сергазы, раньше не слезавший с седла, куда потянет конь, туда и он, с тех пор, как взял в руки пешню и занялся рыболовством, словно забыл обо всем остальном на свете, давно уже не смотрел за кетменем, не затачивал лезвие? Какой смысл обижаться на орудие, если не затачивать его как следует, а черенок не подгонять тщательно к отверстию обуха?

Мадина в сердцах бросила кетмень на землю. Она поняла, что, сколько бы ни старалась, ни за что не вырубить ей намеченный участок кустарника. К тому же уже саднило под сердцем, не давала покоя мысль о малышах, оставленных без присмотра в землянке.

Она тщательно поправила на себе шаль из верблюжьей шерсти. Развязала кушак, перепоясывавший ее, расправила длинные, ниже колен полы шубы, опять запахнула их и туго затянула пояс. Разложила в длину на бугорке чембур, взятый из дому, собрала нарубленные ветки в охалку, крепко-накрепко перетянула вязанку, присела спиной к ней, взялась за концы чембура и, качнувшись пару раз, натужно поднялась с корточек.

Когда поднялась на вершину ближнего холма, ударивший сбоку порыв словно сказал ей, что ветер сильнее, чем она полагала. Преодолевая грубый напор стихии, норовящей сбить ее с ног, свалить в яму или в сугроб, невидимыми руками толкавшую ее, наперекор всему с еще большим ожесточением двигалась она. Преодолевая боль в плечах от режущей бечеvy, не обращая внимания на удары ветра, на студеной воздух, от которого перехватывало дыхание, шагала она, спеша к землянке на Караултобе. Однако, как ни старалась, не получалось добраться быстро до землянки, до которой, казалось бы, рукой было подать. Одно ее успокаивало: какой бы буран не поднялся или наступил бы конец света, переворачивая все, - не заблудится она. С детства ей знакомы каждый холм, каждая лощина. В этих местах увалы не такие высокие, как барханы Кызылкумов. Вон завиднелся длинный косогор Жыланжота, через который каждый день переваливает отец Сергазы, чтобы через Улыкол добраться до Караозека. А в седловине косогора пески Жуалы. Дальше за ними постепенно, понижаясь, расстилается густо поросшая жынгылом, бескрайняя холмистая долина с множеством низин и балок, удобных для выпаса. Эти места когда-то служили зимовками для многих баев, которые, как только начинало холодать, откочевывали сюда с Каракумов. Нахлынувшие с песков кочевья поначалу не могли уместиться на этой долине, начинался шум-гам, ссоры из-за пастбищ, вспыхивали распри, порой дело доходило до барымты⁴⁴, затем, потеснившись, улаживали споры, мирились, ходили друг к другу в гости, устраивали той, сватались к невестам, затевали свадьбы и пиршества. В такие времена родичи, сваты, кумовья обычно не оставляли друг друга без внимания, без приглашения на угощение. Обычно в это время, гостя в аулах родичей, люди духовно окрылялись, ощущая единство. Собрав кое-какие посевы, заготовив топливо на зиму, приходя в себя после бурных хлопот, с первым снегом и холодами люди начинали резать скот на согым. Мадина, вспоминая все это, понимала, что это было время благоденствия.

После того неудачного дня, когда они с Кабышем побывали на Майлыколе, стоило только ей подумать о многолюдье, теснившемся некогда на берегах озера, как сразу перед глазами начинали маячить бесчисленные могилы, и ей становилось жутко. Порой, уловив минуту, отдавалась она мечтам, и все чаще приходил ей на ум единственный брат, Жумабек, который жил на Коктобе. Неизвестно из каких глубин зародившееся чувство, тут же перейдя в беспокойство, начинало разъедать, щемить сердце черной печалью, отравляя болью всю душу. А когда приходила в голову мысль, что эта катастрофа, нависшая над народом, похожая на светопреставление, своим смертельным дыханием обрушила и его шанырак, от страха начинали закипать слезы в глазах. Было больно и досадно ей сознавать свою беспомощность, что в жестокое это время ничем не может помочь родному брату, с которым с колыбели росли вместе, соперничая, сосали одну материнскую грудь. Проклятая юдоль, думали ли, гадали ли они в отроческие годы, что разлученные судьбой, будут

смертельно тосковать друг по другу? Когда приходило на память прошлое, казалось ей, что все это было просто волшебным сном, приснившимся в постели. И только грустно вздыхала она...

Перед глазами проходила вся ее жизнь. Родился у них Сергазы, малость подрос и даже начал ходить, Кабыш отвез их на Коктобе к Жумабеку. Добрались они туда к вечернему намазу... Не описать словами, как обрадовались брат Жумабек и Зылиха-женгей! То они смеялись, как малые дети, то отворачивались в сторону, делая вид, что обнюхивают маленького Сергазы, на самом деле - скрывая слезы, наворачивающиеся на глаза. Она сама, от души расцеловывая то в лоб, то в щеки пятерых сыновей брата, не заметила, как в дом набились аульчане. А потом по обычаю этого аула начался веселый той-думан⁴⁶, с песнями, шутками, подарками, который длился три дня и три ночи. Все остальное время родичи по очереди зазывали их в гости. И это тоже забыть нельзя. И тогда были трудности, но кто думал, что на народ обрушится такая напасть, как голодомор, уносящий людей толпами? Брат Жумабек и Зылиха-женгей подарили Сергазы жеребенка-двухлетка. С той поры столько лет прошло. Почему же теперь, когда она думает о семье брата, сердце сжимается в тревоге и неровно колотится?

Мадина провела ладонью по холодному, обветренному лицу, смахивая слезы.

- Что это со мной, что за печаль-кручина, ведь солнце и луна на месте? - рассердилась она на себя, - Что это я расплакалась, словно клича беду, когда муж мой бродит по степи в поисках еды? Астагфиролла, астагфиролла!³⁶ Создатель, отведи от моего дома беду-несчастье!

Боясь думать о плохом, Мадина посуровела. Шаг ее стал шире и тверже. Ветер толкал, давил в грудь, Мадина, наклонившись вперед, борясь с ветром, шагала и шагала... Она сбросила вязанку во дворе перед домом, однако странное предчувствие не оставляло ее. Боясь, что в ее отсутствие случилось что-то с детьми, она уже налегке устремилась в дом. Дети были живы и здоровы. Все же на душе было безрадостно, сердце стучало все так же, часто, неровно. Она приласкала Сергазы и Куляим, с шумом кинувшихся ей на шею, успокоила их, и тут же, словно подгоняемая нечистой силой, вышла наружу. Во дворе она поднялась на небольшой бугорок, приложила ладонь к глазам и долго всматривалась в сторону Караозека.

Глава четвертая

Когда Богеткум остался далеко позади, Туктибай понял, что ноги несут его в сторону Жынгылсаю. Он знал, что зря теряет время, однако свернул с прямой дороги и, утопая по пояс в сугробах, борясь со снегами, в конце концов, вышел к Жынгыл-саю.

Прохаживаясь по ложине, осматривая ее, он удивился. Раньше, оказавшись здесь, заметил он следы мужских ног. Тогда он уверенностью предположил, что это следы сапог Кабыша. Теперь же он был удивлен, увидев другие следы, их оставил человек, который пришел со стороны Караултобе, постоял и повернул обратно.

Туктибай, глядя вниз на следы, прошел по ним и вышел на оголенную от кустов площадку, здесь повсюду торчали обрубленные стволы и сучья. «Это следы Мадины», - догадался он. Его поразило то, что она так далеко ушла от Караултобе, тогда как на склонах холма было предостаточно годных для топлива кустов жынгыла, жузгена, каратабана³⁷ с толстыми ветками и корягами. Вполне возможно, что Кабыш, отправляясь на рыбалку, попросил ее, свободную от дел, сходить к Жынгылсаю, якобы по дрова, чтобы издали проверить ложину. Эта мысль заинтриговала Туктибая, выходит, и Мадина осведомлена о том, где спрятана казна... Да, скорее всего, дела обстоят так, следы говорят об этом. В таком случае, зачем мне умолять Кабыша, становиться на колени, кланяясь в ноги? Чем обхаживать жесткого, много знающего, бывалого мужчину, не лучше ли подступить с посулами и обольстительными словами к женщине? Это будет вернее. Однако, чтобы заполучить Мадину в сети, сначала надо прикончить Кабыша, сломав ему хребет. Если и из этой затеи ничего не получится, остается одно — пока не кончилось зерно, взвалить мешок на спину, и отправиться в чужие края, куда глаза глядят.

³⁶ Астагфиролла - упаси Бог.

³⁷ Жузген, каратабан - степные растения, кустарники.

Как-то раз Кабыш вернулся домой раньше обычного. По пути он завернул к Жынгылсаю. Поначалу его охватил страх - он увидел, что снег испещрен чужими следами, однако, увидев, что казна нетронута, к ней не подходили, он успокоился, и от сердца отлегло. С той поры, хотя сердце точила все та же болезнь - забота о сохранности казны, ему никак не удавалось сходить и проверить Жынгылсай. Хотя беспокойство червем разъедало нутро, мучая его, он понимал, что стоит ему занедужить и хотя бы день не ходить на рыбалку, как голод драконом расправит крылья над его семьей и запустит когти, остервенело терзая ее. Поэтому ему ничего не оставалось, как кусать от бессилия пальцы. Он так боялся голодомора, что порой, бледный, прикусивший губу, вскакивал с постели и спешно принимался за дела. Бедствия и истощение довели его до того, что он едва держался на ногах. Однако всякий раз по утрам, собрав все свое мужество и волю, заставлял себя встать на ноги и идти на рыбалку.

Но вот опять забухала боль в висках, а тело, объятые жаром, казалось, горело. Несмотря на это, он взял черную пешню, думая о том, что надо очистить лед в проруби над ловушкой, установленной в речном протоке. Если попадет пара-другая чебаков для ухи детишкам, можно быть довольным, считая, что не зря мучился. Создатель, упаси от напрасных трудов! Дыхание участилось, легкие словно расперло, но, несмотря на это, Кабыш стал сбивать пешней лед в проруби. Он не хотел думать о том, что у него ладони сплошь в кровавых мозолях и рубцах от ежедневной тяжелой работы, что ноги оскальзываются об сколы, засыпавшие лед вокруг проруби, что они у него промокли, так как раскисший от солнца снег, похожий на влажную вату, поверх голенищ попал в сапоги. Он понимал, что, сколько бы ни старался, тратя последние силы, сегодня припозднится домой. О, Создатель, сколько же прошло времени с тех пор, как Кабыш пришел сюда? Вот яркое солнце поднялось в зенит, рассыпая снопы лучей над чащей высоченного камыша ростом с копые с пышными метелками, высвечивая длинное, змеящееся русло протока, скрытое в зарослях тростника; вот на западе показалось розовое облако. Вот поднялся студеной ветерок, закачал верхушки камыша, зашумел, обдавая лицо морозным дыханием.

Ой-ей-ей, почему так холодно, почему так трясет его? Почему он не ощущает привычный жар, который, как бы ни продрог он, при первых же движениях разливается, разогревая тело? Что это с ним сегодня? Почему так сильно ноют его суставы? Или его тело, с первых же осенних холодов сопротивляясь ознобу и ломоте от постоянной сырости в подошвах, все-таки подошло к пределу терпения и выносливости? Эх, доберется ли он до первого июньского солнца, когда можно будет погрузить ноги в прокаленный зноем песок? И тогда, напрочь изгнав из тела всякую хворь, лихорадку, угнездившуюся в суставах, он впервые по-настоящему улыбнется жизни.

Кабыш вытащил из первой лунки пару лещей, длиной с локоть. Затем, преодолевая глухую боль, от которой темнело в глазах, не обращая внимания на перемены в хмуром облике мира, перешел ко второй лунке и опустил в нее пешню.

С той самой минуты, как пришел на Караозек, Кабыш работал непрерывно, не думая об усталости, о хвори. А теперь он разогнул спину, чтобы перевести дыхание и отдохнуть. Хотя он знал, что припозднится с возвращением домой, окинул взглядом небосклон, чтобы определить время, и ничего не увидел, кроме громадной иссиня-черной тучи, которая почти задевая туманом снега, низко ползла над землей. Тогда он осмотрел окрестности вокруг себя. Клочки все тех же темных туч быстро летели над холмами, а камыши с их пепельными метелками, окружившие озеро, отчаянно мотались туда и сюда, издавая шум и треск.

Кабыш считал, что нельзя ему стоять без дела, разглядывая дали. Взяв пешню, он склонился было над лункой, как взгляд зацепился за темную человеческую фигуру, которая приближалась к нему с запада по снежному покрытию речного протока.

«А если это один из обезумевших от голода людей?»

Как только эта мысль пронеслась в голове, опять морозной дрожью прохватило тело. Кабыш знал: если это оголодавший человек, прежде всего, вцепится он в лещей, которых недавно выудил. Без лишних слов он вопьется зубами в рыбу, невзирая на то, что она сырая, не сваренная. Потому что для него все равно, ведь его ждет неминуемая смерть...

А тогда что мне делать, как поступить? - пробормотал он, хотя голосовые связки не повиновались ему, и звука почти не было. - Смотреть, как забирают рыбешек, которые

могут продлить жизнь его малым детям, или должен он решительным ударом пешни сокрушить беднягу? Бог ты мой, что за бред несешь ты? За пару рыбешек готов ты отправить на тот свет человека?.. Не лучше ли... Да, да, не лучше ли зарыть лещей в снегу в камышах на выходе с протока? Захвачу, когда буду уходить домой. А потом, как говорят, и волки сыты, и овцы целы.

Кабыш наклонился, взял оледеневших лещей длиной с его локоть, зажал под мышками, оскальзываясь на льду, побежал к камышам, что на выходе с речного протока.

Глава шестая

Туктибай, выйдя из Жынгылсая, затем пройдя через глубокие снега Улыколя, пробравшись через сплошные заросли камыша, дошел до края Караозека. Здесь он остановился для передышки, вздох облечения вырвался из его груди: «Ух!»

Отдыхая, он присмотрелся и заметил в устье речного протока маленькую человеческую фигурку, возившуюся на льду, и почувствовал интуитивно, что это, конечно, Кабыш. Когда шел сюда, нет-нет да подумывал с беспокойством: «А успею ли, не опоздаю ли?», теперь, увидев силуэт человека, он обрадовался.

Если бы Кабыш ушел, Туктибай ни за что на свете не пошел бы следом на Караултобе, к его землянке. Если он пойдет туда, пиши - все пропало, женщина сразу заподозрит неладное. В таком случае настороженная баба ни за что не отстанет от своего мужа, будет рядом с ним. Надо полагать, удача тогда отвернется от Туктибая, с надеждой придется распрощаться.

Не-ет, Туктибай не такой уж безмозглый. У него хватит ума чтобы действовать по обстоятельствам...- ощерив зубы, процедил Туктибай.

Каким бы глупым, каким бы недалеким ни был человек, наивно полагаться на то, что он поддастся твоим уговорам, если только не обвести вокруг пальца его, применив хитрость. К тому же, хотя и бедняк из бедняков Кабыш, однако не приходилось видеть людей, превосходящих его умом. Туктибай сам слышал, как люди восхищенно цокали языками, имея в виду кое-какие способности Кабыша. Все понимал жигит, во всем разбирался. Ничего не скажешь, башковит, толков он, однако немного было дано сделать ему в этой жизни. Эх, если бы было иремя, чтобы вразумить его, научить уму-разуму... Не жалко было бы и годы потратить на него, чтобы проникнуть ему в душу. Мягкими, вкрадчивыми речами, затрагивая самолюбие, объяснил бы ему преимущества большого богатства. Конечно, поначалу артачился бы, но постепенно осознал бы правоту Туктибая. Вместе с тем есть ли у него время, чтобы тянуть эту жвачку, мять сухую кожу? Сейчас вопрос судьбы быть или не быть решают считанные часы, взвешенная мера зерна. И если не будешь считаться с этим, сам свалишься с обрыва. А если низвергнешься в пропасть, тебе уже не встать.

На минуту Туктибай задумался, вспоминая прошлое, сожаление жгучей горечью накатило на сердце: когда в удобное время года многие спешили покинуть эти края, стремясь за кордон, почему он не ушел с ними? Ведь оставили родину кровавый хищник, бирюк Байбол, которого советская власть сама ставила па должность волостного, дальновидный Сатыбалды, от богатства которого прогибалась земля.

И раскаяние стоном вырвалось из груди:

- Откуда было мне знать, с какой стороны ударит черная буря проклятых, дьявольских перемен? Откуда было мне знать? 132

Если бы знал, по-другому бы действовал Туктибай, однако, как говорят, близок локоть, да не укусишь - остается лишь сокрушаться. На самом деле, оказывается, сам себя обманул пустяшной затеей, тогда как настоящая цель была близка. Туктибай, отцы и деды которого отродясь не были среди знати, да и сам не удостоился чести быть у кормила власти, считая это выгодным занятием, страстно мечтал правдой или неправдой, по получить должность писаря волостного. Надо признать, в те времена, когда взошла на небе его звезда, карты шли ему в руки, работа стала неплохим источником хорошего дохода. Любое судилище-рядилище, в которых утопали казахи, в конце концов, завершалось тем, что волостной по самые локти окунал руки во взятки. Писарь, который, не сводя глаз, отирался рядом с начальником, норовил-таки отщипнуть свою долю масла, и, надо сказать, пару раз довольно-таки успешно. И зверь, чьи зубы были уже в крови, но брюхо и загривок еще не потучнели, как у матерого, решил, что этого достаточно. Но когда пришло время заглянуть в кошелек, сравнить ее с тем, что было у именитых баев, понял он, что по сравнению с их казной его

накоплений хватит разве что на чай. И тогда зародилась в его душе мстительная зависть по отношению к богачам. В те времена, нет да нет, но подворачивались случаи, когда на волне той самой зависти, используя должность писаря, подводил он кое-каких господ под букву закона. А когда баи опрометью кинулись за кордон, он, Туктибай, прослыл одним из самых зажиточных людей края. Он считал, что пока держит перо писаря в своих руках, никакая беда не грозит ему, верил, что к богатству прилипнет еще большее богатство.

А сейчас видит, что все это было самообманом, только лишь миражом.

Глава седьмая

Взобравшись на бугорок во дворе, сколько ни всматривалась Мадина в горизонт, затянутый мутью, взгляду не за что было зацепиться. Не различить было ни одной черной точки. Казалось, что этот оробевший, притихший мир давным-давно задохнулся, упокоился под свинцовой тяжестью грозно взбаламученного неба. Словно боясь, что кровавые когти этой серости вцепятся ей в ворот, быстро собрала в охапку ветки и юркнула домой. Торопливо расшуровала потухшие было угли, разожгла огонь в печи. Из низины, что на тыльной стороне землянки, принесла чистый снег, положила в котел, вскипятила воду. Детям, которые ходили по пятам, прося есть, дала по горсточке жареных зерен, напоила кипяченой водой. Сама же места не могла найти от саднящей под сердцем тревоги, ходила по комнате туда и сюда, то выходила на улицу, то заходила домой опять. А когда кончилось терпение, побежала в сторону Улыколя, огибая увал Жыландыкума, все дальше и дальше углубляясь в степь.

Глава восьмая

Туктибай, увидев темное, костлявое лицо Кабыша, к густой щетине которого давно не прикасалось лезвие, подумал: «А ведь истощен сильнее меня. Похоже, болеет, и болезнь уже взяла в оборот». Словно ища подтверждение этой мысли, он стоял без движения, пристально наблюдая за Кабышем, неспешно скалывавшим пешней лед. На изможденном, обветренном лице Кабыша сквозила гримаса скрытой боли. Будто выдавая это, некогда точеный красивый нос его скукожился теперь клочком опаленной кожи. Смоляные его очи, когда-то смело лучившиеся черным огнем, выглядели теперь мерклыми, потухшими глазами мертвой рыбы. Каким бы задиристым, каким бы зубастым ни был этот жигит, голод, видимо, не посчитался с этим. Видя, во что превратился этот некогда плотный, кряжистый жигит, Туктибай зябко поежился, словно почувствовав приближение лап голодной смерти. Сердце его застучало неровно, словно при погоне.

Хотя и не выглядел этаким здоровяком, в лучшие годы своей жизни Кабыш все же смахивал на крепыша. Теперь же от него остались кожа да кости. Лицо серое, осунувшееся, словно из него вытянули все соки. И поднимал пешню он не со всего размаха, а как-то по инерции, наперекор своей немощи, словно бы по велению невидимых сил. Вздымал лом и бил совершенно бездумно, бил механически, словно помимо своей воли, не раздражаясь по поводу того, что едва держится на ногах и что шатает его даже порывами ветра.

Кто знал, что с таким слабым здоровьем, такой чахлый, столько дней будет противостоять он тяжелым невздам, обрушившимся на него? Вполне возможно, что, одолев болезнь, воспрянет он духом и доберется до середины весны, можно ожидать и обратного, что, надорвавшись, сляжет окончательно в постель. Однако и тот и другой поворот событий не устроит Гуктибая. Во-первых, потому, что здорового, одолевшего болезнь человека трудно заманить в сети, во втором случае - как подступиться с дошлыми речами о золоте к доходяге, находящемуся между жизнью и смертью, быть может, уже на смертном одре? И тогда бессильный, немощный, разве не пропадешь ты сам, видя, что уже не имеет смысла ни твоя обманная уловка, ни попытка скрутить бедолагу в бараний рог? Как бы то ни было, Туктибай не собирается молить Аллаха за кого-то, прося ему скорого выздоровления. Если бы был он таким святошей, разве не вымолил бы сначала спасения себе? И хли тебе такое не дано, стоит ли из-за другого человека морочить себе голову? В другое время он не только смерти пожелал бы Кабышу, но и проклял бы его, мол, сгинь в аду, но сейчас он не может сделать это. Внезапная смерть Кабыша означала бы потерю ключа от заветной казны, которая ускользнула бы вместе с ним в могилу. Поэтому остается обманом и хитростью выпытывать тайну у этого подонка, изображающего из себя неподкупного хранителя, мол, ничего не знаю, ничего не ведаю. Если же не выйдет из этого ничего путного, придется применить оружие, чтобы отправить его в прямиком в ад. Ну,

хорошо, допустим, прикончил его, допустим, Кабыш умер, и что из этого? Чего ты добьешься? Подступишь к безутешной вдове с пикантными речами или, воздев горестно руки вверх, пойдешь бродить по белому свету? Хорошо, если она поддастся тебе, а если оттолкнет тебя? Тогда опять ты зря потеряешь драгоценное время в попытках уломать глупую бабу. А если Мадина ответит согласием, тогда придется тебе подлаживаться, из кожи вон лезть, чтобы прокормить щенков Кабыша. И все, чего достиг бы ты в таком случае - с успехом надетый на шею кабыше- ский хомут, не так ли?

Ладно, допустим, найдешь подход к сердцу смазливой еще бабенки, добьешься исполнения своей заветной мечты - рождения отпрыска. Однако, утешит ли это душу честолюбивого Туктибая, чье имя некогда гремело в обширных краях от Кызылкумов до Сырдарьи? Допустим, все получится у тебя, как в поговорке: «И волки сыты, и овцы целы». Однако местный народ, придя в себя после всех невзгод, глядя на одинокую землянку на Караултобе, не задумается ли кое о чем? А, задумавшись, не мудрено, что засомневается в причинах смерти Кабыша. И тогда готов он поручиться собственной головой за то, что родичи Кабыша, без того ненавидящие Туктибая, не дадут ему спокойно ходить по земле. «Не-ет, избавившись от Кабыша, попользовавшись бабенкой, вволю насладившись ею, Туктибай не свяжет свою судьбу с этой семьей. Помимо этого, мало ли у него других важных дел, мало ли других забот?» - Туктибай внимательно наблюдал за Кабышем, который продолжал рубить лед, делая вид, что не заметил его, хотя, конечно, давно приметил. Глядя на Кабыша, не в силах был он не вернуться к тем же навязчивым вопросам, которые уже столько дней жестоко терзали душу, не давая покоя. И стоило только сделать это, как вновь захватили душу все те же голоса, жаркий и неустанный спор которых, не приводя к ответу, кипел в его мозгу так долго: «Эй, с чего ей так же полагать?.. А если для нее ты всего лишь один из мужиков, облаченных в штаны, хотя с виду и умудренный жизнью, тем не менее, с женской точки зрения обязанный оказывать знаки внимания, терпеливо выносить ее капризы, то есть иметь слабости, присущие угодливому юнцу, только что прилипшему к женской юбке? Чтобы растопить сердце Мадины, убитой горем по мужу, да так, чтобы занялись жаром все клетки ее существа, должен ты всецело занять ее душу разговорами человека, всецело заинтересованного жизнью. И только тогда появится возможность с выгодой использовать удары жестокой судьбы: молодая вдова, озабоченная только тем, кто защитит ее от лап похотливых искателей приключений, разве не прислушается к его словам? Конечно, придется немало пролить пота, пока не допустит к своему подолу Сколько обольстительных речей, сколько занимательных историй, словно из рога изобилия рассыпая, придется рассказать ей, чтобы заморозить ее внимание манящей тайной...».

Маня тайной... Да, да, привлекая к тайне... Ведя разговоры о тайне, выпытывая сокровенное, незаметно подвести к казне Са- тыбалды, к вопросу, где она может быть зарыта? И может случиться так, что сама скажет. Если такой день наступит... хотя не скажешь, что праздник на твоей улице, но за главное, за то, что поток событий уже не унесет тебя - можно будет ручаться. Что ни говори, женщина есть женщина, как только допустит к своему подолу, не стоит уж трепаться о всяком, вся будет твоя, куда повернешь, туда и пойдет, словно телка на веревке. Допустим, что Кабыш ничего не говорил жене про казну, но таковы уж женщины, - пусть даже слушок прошел, и если краем уха уловила она, то не забудет уж никогда. В таком разе, хотя и не покажет точно, где лежит клад, но приблизительно угадать по ее словам будет можно.

Угадать... Если что-то мог предполагать досужий, гораздый на догадки покойный Оримбай, стал бы он просить помощи у другого человека, он бы не тратил последние силы на то, чтобы добраться до далекого Караултобе, а сразу повернул бы к Жын- гылсаю. Если бы знал, где, в каком месте обширной лощины копать, мучился бы неизвестностью тогда?

Не-ет, Туктибай давно пережил тот возраст, когда, задрав штаны, бегают за миражом. Чего бы это ему не стоило, займется Кабышем, выведает у него тайну, если же тот не дастся, улучит момент и врежет ему топориком по затылку. Так избавится от заботы, гложащей все нутро. И тогда, вместо того, чтобы бегать за двумя зайцами, он ухватится за хвост только одного.

Кабыш заметил идущего к нему человека и узнал в нем Туктибая, когда тот еще переваливал седловину косогора, а затем появился на вершине увала, чернея на фоне снежных просторов, похожих на взметнувшиеся и так и застывшие под полной луной белые волны. А когда тот подошел поближе, остановился и долго всматривался в Кабыша, всем телом почувствовал его изучающий взгляд. Почувствовал, но оглядываться не хотел. Словно боясь, что стоит только ему поднять голову и показать лицо, как тот сразу же поймет, что тяжело болен он и еле стоит на ногах. Кабыш понимал, что на свете нет ничего хуже, чем показать свою слабость человеку, с которым ты не в ладах. Поэтому не хотел вступать с ним в беседу. Однако понимал и другое, что Туктибай не уйдет, пока не перемолвится с ним словечком. Этот господин, который в прежнее время еле помещался в седле лошади, настолько тучен был задом, теперь намерен поговорить с ним по душам, желает помочь ему, научив уму-разуму. И этот мырза³⁸, заправлявший делами народа, у которого тогда по усам текли и мед, и жир, теперь ни за что не хочет мириться с тем, ^{Глава восемнадцатая} что оказался ниже гольтыбы, той, которую раньше за людей не считал. И этим своим спесивым, хитрым умишком он надеется облапошить его, заставить признаться, где зарыта казна. Эх, надо же такому случиться, ведь кроме Сатыбалды и тебя, ни одна живая душа не знала про тайну казны. С тех пор как Сатыбалды покинул эту долину Сырдарьи, прошло немало времени. Если речь пойдет о нем самом, то, Бог тому свидетель, если только не проболтался он во сне, в бреду, никогда ни с кем не делился своей тайной. Скажи-ка, а, и как только пронюхал про казну этот проклятый, рыскающий по краю, словно шакал? В тот день, после того, как Туктибай подступил к нему с разговором, испуганный Кабыш отправился к Жынгылсаю на разведку и там заметил чужие следы. С того самого дня он потерял покой, в сердце проникла тревога и стала болью, а сон стал таким пугливым, что можно сказать, что от него осталась только тень. В конце концов, не найдя другого выхода, вынужден был все рассказать Мадине. Он попросил ее в свободное время навестить в Жынгылсай и, издали, не подходя близко, осмотреть, нет ли каких-то подозрительных следов, особенно рядом с двумя песчаными акациями, растущими рядком у западного обрыва сая. На следующий день, боясь, что Мадина в хлопотах забыла о его просьбе, выходя из дому, напомнил ей. Эх, и какая радость ему, словно чибис, защищающий свое гнездо, пещься об этом кладе? Нет и в мыслях у него использовать золото для своих нужд, просто именем Аллаха дал он слово владельцу, в этом и вся забота его.

- Кабыш, ты за ловлей рыбы не считаешь, наверное, нужным и здороваться с человеком?

И Туктибай попытался снисходительно рассмеяться. Однако издал какой-то немощный жалкий звук, похожий на стенание слабой, ненапрянутой струны кобыза⁵⁰. Кабыш, можно сказать, впервые в жизни увидел, что смех может получиться таким вымученным. Среди сумятицы мыслей, которые роились в голове, мелькнуло что-то, похожее на удивление, и тотчас погасло. После этого он вынужден был поднять голову и взглянуть на человека, бывшего некогда волостным писарем. С широкими, как у бабы, бедрами, с рыжей бородой с проседью, дебелий Туктибай выступил из тумана, словно призрак, сделал несколько шагов вперед и остановился, маяча в ползущей дымке. Кабыш и раньше знал, что Туктибай долговяз, крупен телом. Все же, когда случалось видеть его, глядя на его бабьи бедра, не признавал в нем сильного мужского характера. И хотя из-под лохматых бровей сочился долгий, вроде бы улыбчивый взгляд, все же на белках голубоватых глаз, пронизанных кроваво-красными прожилками, было заметно мерцание то ли затаенной злости, то ли скрытой угрозы. Чем бы оно ни было, этот блеск казался отсветом чего-то плохого, недоброго.

Глава десятая

Насколько было в ее силах, поспешая по узкой тропе, прорезающей глубокий снег увала Жыланды, Мадина поняла, что пока дойдет до Караозека, пройдет немало времени. Однако Мадина не обращала внимания на усталость, на одышку, она молила только об одном: скорее найти Богом данного супруга. Обретя его, даже была бы благодарна трудностям.

³⁸ Мырза - господин.

³⁸ Кобыз - традиционный музыкальный инструмент казахов.

В другое время не поддавалась бы страху, не тревожилась бы так сильно, однако запомнилось, какой нездоровый вид был у него утром. И от этого ныло сердце: не скрыл ли от нее, что болеет?

Мадина не знала точно, сколько сейчас времени, все же чувствовала, что давно уже прошел час, когда, зайдя домой, в ожидании, пока сварится в котле пойманная накануне рыбешка, попивал он обычно горячую воду. И чем глубже чувствовало эту странность проклятое утро, тем отчаянней билось сердце, сдавливало легкие от нехватки воздуха. Да, она хорошо знала, что от Караултобе до Караозека путь лежит неблизкий. Однако не помнила она, чтобы муж даже в самые морозные буранные дни так сильно запаздывал. Помнится, даже в те дни, две недели назад, когда занедужил, вернулся он домой еще до вечернего намаза. Поэтому, после похода на Майлыозек, боясь за мужа, во второй раз пошла с ним на рыбалку. Разве не тогда увидела на льду протока Караозек лунки, пробитые для ловушек, которые почти всю зиму кормили ее семью? Заметив тогда, как тяжело дышит муж, что тело его горячее, словно накаленная плита, она попросила: «Хочу прогуляться, да и помочь тебе, если не рассердишься, возьми меня с собой на Караозек». Поначалу, как обычно, стал возражать он, однако, поняв сам, что чересчур слаб, нехотя, через силу, согласился.

Понятно было, что на самом деле, собираясь выходить из землянки, противился ей из-за отцовской жалости к детям, беспокойства за них. Дошел он до Караозека, пошатываясь, стараясь не показать слабости, но когда на льду взял пешню, то сил не хватило поднять ее. И тогда Мадина, собрав все силы, сама вынуждена была бороться с бедой. Вздымая то и дело черную пешню, со всей силы вонзая в толстый лед, она очистила лунки старой ловушки от наростившей наледи. А когда обессиленный муж сел на шубу, сброшенную Мадиной на лед, она была так напугана его изможденно горестным видом, что работала, не обращая уже внимания на влагу, просочившуюся через подошвы кожаных сапог, на боль в ладонях от шершавой рукоятки пешни, содравшей кожу с пальцев. В темном исступлении рубила она ломом лед, рубила.

В тот раз труд ее воздался сторицей. Из двух пробитых лунок они вытащили шесть рыб, сазанов и лещей. В тот вечер, опираясь на пешню, муж еле добрался до землянки, а затем, налившись свежего рыбьего бульона, свалился в постель и лежал, не вставая, три дня. А она поняла, что силу, с которой азартно долбила те лунки, придала ей горячка, жар тела. А когда возвращались через увал, потное тело мгновенно пробрало холодом, озноб прошиб ее с головы до ног. И хотя до полночи грелась она у огня, еще долго не унималась дрожь во всем теле. Не помнит она за всю свою жизнь, чтобы вот так мерзла с ломотой в суставах, с неудержимой дрожью, бьющей все тело. Однако в тот раз, перехворав, поднялась спозаранок на ноги и принялась за обычные дела. «Создатель, покорно принимаем ниспосланные испытания, пусть и на этот раз будет также, как в тот раз».

Глава одиннадцатая

«Кабыш, ты за ловлей рыбы не считаешь, наверное, нужным и поздороваться с человеком?» - посмотри-ка на слова мерзавца!

Как ни старался Кабыш сохранять спокойный, невозмутимый вид, однако не мог оставить без ответа эти слова, которые воспринял, словно удар обухом по голове. Поняв это, он поднял голову и невольно глянул направо. Силуэт Туктибая теперь, слабо чернея столбом в тумане, виднелся в пяти или четырех метрах от него. Сначала ему показалось, что на его лице написана обычная теплая улыбка, но, приглядевшись, увидел в сощуренных глазах Туктибая сосредоточенный холод, не предвещающий ничего хорошего. И стоило только заметить это, как в нем всколыхнулась волна упрямства, и он раздраженно сказал:

- Если бы от наших поклонов была вам польза, то давно макушкой задевали бы небо. Помоему, нечего вам коситься на народ, дескать, не кланяются, как раньше, если нравится обижаться - лучше обижайтесь на себя. В те времена, когда погоняли вы нас, как скот, скажете: «Стой!» - остановимся, скажете: «Иди!» - пойдем, знал ли кто, что вы, наши господа, на самом деле бессильные тени. Несмотря на это, вы еще хотите, чтобы вам низко кланялись, как раньше. И нисколько не задумываетесь, как выживают несчастные, обездоленные люди. Вас не интересует, каково положение людей на самом деле, ваша цель - найти виноватых среди тех, кто слабее вас, чтобы отвести душу, обвиняя их во всех бедах. За это внимание и сочувствие рахмет вам, родственнички, но только больше не

приближайтесь ко мне. Чем доверять вам, лучше верить своей пешне, чем тратить время на салею вам, лучше добыть пару-другую чебаков для семьи. Поняли? Лучше чебаков!

Словно не Туктибаю высказывал Кабыш накипевшие в душе обвинения, а дрожащим от морозного ветра, жалобно шумевшим вокруг высоченным камышам, безлюдному пространству, нахохлившемуся серым туманом. Однако немощный голос его быстро понизился до шепота, в конце концов, словно не хватило сил, чтобы выкричать всю обиду, весь гнев, сдавленный удушьем, он оборвался. Кабыш закрыл лицо ладонями и замолчал.

Эй, Кабыш, трудности испытываешь не ты один, а весь народ. Почему ты меня одного делаешь ответственным за бедствие, которое переживает весь народ?

Не только на одного тебя в обиде, а на всех зажиточных казахов. В чем провинился несчастный народ, что до такой степени притеснялся и обирался он? С утра до вечера твердили ему, что состоит из трех жузов - поверил он. В борьбе за власть натравили одних на других - грызся он. Став волостными, писарями, стали колотить кулаком в грудь, мол, и земля принадлежит нам, и народ в ежовых рукавицах должен быть, - делать нечего, подчинился. Затем стали потрясать кнутом, мол, поступай, как скажем мы, иди туда, куда прикажем, — молча повиновался он. Народ этот костями полег под вашими ногами, пеплом вышел из ваших очагов. Вас как азаматов сажали на почетное место, гордились и хвалились вами. Но вот, когда беда обрушилась на голову народа, смогли ли вы чем-нибудь помочь ему? Кто успел покинуть родную землю, бежал за границу, те, кто остался, вооружились окровавленными кистенями грабителей и вышли на большую дорогу, чтобы отнимать последний кусок хлеба у вдов и сирот, беззащитных, словно голуби. Не в силах поднять израненную голову, до чего же убогий и несчастный мы народ, почитавший вас за благородных азаматов, веривший каждому вашему слову, как слову Бога! - Кабыш не в состоянии завершить речь, задохнулся от слез и замолчал.

Горькие слова Кабыша резанули по сердцу Туктибая, разбередив давние его душевные раны, перед глазами все подернулось дымкой. Расстроенный, он едва не размяк, однако тут же взял себя в руки.

Внутри Туктибая наподобие пепельно-серых камышей все трепетало, затем усилием воли он вырвал себя из этого состояния. «Все эти ощущения из-за голода, - глухо пробормотал он. - Стоит ли морочить себе голову из-за несусветной чепухи, надрывать душу бредом... Наверное, я на краю могилы. Если сейчас поддаться слабости и опуститься на колени, больше не встать тебе. Никто не подаст тебе руки, не поможет, как раньше. Поэтому я не должен опускаться. А чтобы не упасть, должен я, чего бы мне это не стоило, заполучить казну Сатыбалды. Если казна окажется в твоих руках, все вещи не утащишь же на своих плечах, заберешь с собой золото и серебро. И только тогда снова отрастет твой загривок, а сам ты расцветешь, словно распускающаяся почка. А для этого не должен стоять и слушать бред Кабыша, а упорно добиваться своей цели. Чего только не скажет измученный голодом, отчаявшийся человек? Конечно, будет говорить, прежде всего, о несчастиях, беде. Сам будет плакать и выбьет слезу из других. И это оттого, что человек пришел на белый свет для того, чтобы плакать и заставлять плакать других. Возможно, пожалеет ближнего своего, быть может, и не пожалеет. Скорее всего, словно волк сцепится с другим, будет грызться, словно барс. При этом чтобы подкрепиться самому, сильный вырвет еду из рук слабого. А тот, кто остался ни с чем, должен жить голодным дальше, либо, согнувшись в три погибели, отдать Богу душу. Потому что есть закон: «Пока один не умрет, другой не народится на свет».

В этой борьбе мыслей Туктибай незаметно расстегнул нижние пуговицы верблюжьего чекменя. Он приготовился к тому, чтобы удобнее было мгновенно выхватить топорик, засунутый за широкий инкрустированный серебром ремень, опоясывавший куфи. Сам же принялся отвлекать внимание Кабыша речами.

Не могу сказать, что все, что ты говоришь, — неправда. Вполне возможно, что твоя обида уместна. Да и сейчас не найти такого человека, который не пылал бы гневом и обидой на кого-нибудь. Однако время то ушло, хоть рви на себе волосы, его не вернешь.

Хотите сказать: если возвратится оно, то добьетесь своего, горы перевернете? Даже я, неграмотный, невежественный человек, давно потерял веру в вас. Только сохрани, Боже, тех азаматов, которые идут на ваше место, от повадок лукавых бестий, которые личные интересы оценивают выше народных.

Кабыш, я пришел не для того, чтобы состязаться с тобой в словесном споре, мы же рабы божьи, о мирских делах хочу сказать тебе.

Ну, что ж, выкладывай свой совет, как нам с головой оказаться в золоте и серебре.

Пусть ты и насмехаешься надо мной, скажу еще раз, слушай. Если я что-то понимаю, это последние заморозки. Завтра, когда грянет оттепель, озерный лед накроет талой водой. Рыбу ловить будет трудно. Если говорить о еде, то у нас всех ее нет. Как собираешься жить дальше?

Можешь не переживать из-за меня. Чему быть, того не миновать, говорят, когда придет черед, придумаем что-нибудь.

Эй, Кабыш, Сатыбалды что, отец родной тебе? Почему ты пятишься, как рак, а не идешь навстречу мне? Если завтра умрешь ты от голода, то, что ты ревниво прячешь, пойдет на корм псам, сгниет под мертвыми песками, знаешь ли ты это?

Кабыш и сам отлично понимал, что если разразится беда — рухнет его шанырак³⁹, то казна, зарытая в песках Жынгылсая, канет навсегда без всякой пользы. Если наступит такой черный день, считай, байский сын Зиялы не получит и ломаного гроша. И что тогда ему делать? Махнуть рукой на честь и покуситься на вверенное добро? А Туктибай будет рядом, когда он залезет в казну? Допустим, ради спасения семьи откроет он доверенную ему казну, а этот старый лис Туктибай, знающий сорок обманных уловок, возьмет и посадит его в галошу, оставив ни с чем. Разве не станет он потом каяться до конца дней своих, проливая кровавые слезы? Не-ет, Кабыш не допустит такого позора и унижения, не даст кому-то топтать его честь и достоинство!

Ну, что ж, если судьба такая, что делать? — Болезненный жар снесдал тело, виски разрывало от тупой боли, однако, несмотря на одолевающую лихорадку, Кабыш все же силился держаться спокойно, говорить веско. — Тот свет - это место, куда идут даже самые лучшие из людей, если нагрянет погибель, куда убежишь?

Хочешь сказать, не сдамся пока живой, пока не стал трупом? Говоришь, без того измочаленное, изнуренное тело твое заставлю рыгать кровью, а тоску твою оберну пучиной?.. Однако знай, Туктибай без борьбы не умрет! - завопил Туктибай с хриплым выдохом. - Заставит тебя либо сказать правду, либо захлебнуться кровью!

Кабыш подумал, что, привыкший к назойливости, Туктибай и далее будет уговаривать его, приставая все с той же просьбой. И чтобы скорее прекратить неприятный разговор, отвернулся в сторону. Однако пронзительный вопль, словно кого-то ужалил скорпион, хлестнул по слуху и заставил его обернуться. Увидев разъяренного Туктибая, ринувшегося к нему воином древности с поднятой вверх айбалтой, он отшатнулся. Задыхаясь, кинулся в бегство, однако от когтей смерти, взметнувшейся над ним черной тенью, спастись ему не удалось. Сначала он ощутил скользящий тяжелый удар по левой лопатке, от него содрогнулось все тело, перед глазами вспыхнули и разлетелись снопы разноцветных искр. А затем спина, по которой разливалась зыбь оцепенения, словно подсказала о полученной тяжелой ране. С трудом дыша, хватая воздух непослушными губами, он остановился, оперся о пешню, зная, что, если упадет, больше не сможет встать. Увидев затем снова бегущего к нему Туктибая, ошалело кинулся навстречу и встречным ударом пешни выбил из его рук топорик.

Кабыш понял, что его действие было своевременным. Топорик взлетел в воздух, вращаясь, описал круг и упал в полынью. Потеряв оружие, мерзавец вряд ли решится напасть на него. Затем, волоча пешню, двинулся на врага, который стоял с перекошенным лицом, придерживая правую руку. И буравя взглядом трусливо кинувшегося убежать Туктибая, процедил:

- Создатель, если приведется мне пригладить врага пешней, умру без сожаления.

Кабыш почувствовал как из места, куда пришелся удар топорика, струится теплая кровь по спине и стекает по ногам. Он сошел со следа Туктибая, уже скрывшегося из виду, не обращая внимания на буран, хлещущий по лицу, направился в сторону Караултобе.

Сомневаясь, что поправится после этой раны, Кабыш думал только об одном - добраться скорее до дома и переговорить с Мадиной. Если приведет Господь перемолвиться с женой,

³⁹ Шанырак - верхний остов юрты, сакральная часть юрты.

³⁹ По старым казахским обычаям жена не имеет права называть мужа по имени, она должна обращаться к нему через косвенное слово.

то столько ему надо сказать ей, столько поручить... Он начал сокрушаться по поводу того, что замороженный круговертью дел, он не сделал это раньше, не успел открыться ей.

накинулся вновь, поднял жалкую одежку, лепя на голову сорванцов, лизнул шершавым, как наждак, языком оголенную кожу. Черный буран начал неистовствовать с новой силой. Вбирая морозный воздух мелкими глоточками, собравшись с силами, два беззащитных ребенка принялись звать взрослых, чтобы те спасли их от этой ужасной беды.

Ко-оке! Апа! - то отчаянным, то злым плачем звали они на помощь отца и мать.

Им и в голову не приходило, что рядом с ними находится убежище, где они могли бы укрыться. Они не понимали, что если зайдут домой, укроются одеялом, то избавятся от стужи, которая сейчас глодала их подошвы, пробирая дрожью до макушки головы, от мороза, который жалил и жалил тело. Единственное, что могли дети, это криком и плачем звать взрослых.

Глава тринадцатая

Кабыш долго карабкался вдоль увала по единственной тропе, протоптанной им по глубоким снегам между Караултобе и Караозеком. Однако боль от раны стаей игл плясала по спине, сковывала ноги, не давая идти нужным шагом. Вдобавок, как ни пытался он, никак не мог понять, где сейчас находится.

Апырай-а, неужели я выжил из ума, что не могу узнать эти места? - пробормотал он. - О, Создатель, если хочешь взять мою душу, дай сначала хоть свидеться с семьей!

Он знал, что все его богатство на земле - это жена и дети. Выйдя из дому по делам, отойдя немного, он уже начинал тосковать по ним. А когда были они рядом, не ощущал себя чем-то обделенным в этой жизни. Если сейчас окинуть взглядом прошедшую жизнь, не посчитал бы он и за укусы мухи беды величиной с гору, которые порой обрушивались на них с тех пор, как поженились они с Мадиной, соединив пути-дороги. Не переживал и по поводу того, что не хватает им тех или иных вещей. Правда, в годы бедствий, оказавшись в плену трудностей, с малых лет приученный жизнью преодолевать невзгоды, порой жалел он о них, считая, что с их помощью легче было бы пережить мучения, что лучше бы их чуть-чуть было больше, чем не было. Однако не было такого, чтобы, как некоторые, лизал ради них он пятки кому-то или поступился своей совестью. И никогда не завидовал другим ни их богатству, ни блеску их жизни. Сам же, будучи бедняком, никогда не склонял голову перед другими людьми. Однако было нечто, чего он боялся по-настоящему, до дрожи души. Это - смерть. Причем боялся он не того, что умрет и ляжет в сырую землю. Он знал, что любого человека ждет смерть. Он боялся, навсегда распрощаться с женой и детьми, что любовь, которая весенним лучом горит в его груди, уйдет вместе с ним в могилу, боялся того, что беззащитные сироты его будут заискивать перед показным милосердием, от этих мыслей сердце его обливалось кровью. В ту осень, когда, израненный дубинками жигитов Оримбая, оказался он в постели, такие вот тяжелые мысли приходили ему в голову, мучая его в течение семи дней. Он чувствовал себя так, словно в аду оказался. Неужели такие же мрачные чувства опять зажали его в когтях тех самых бесов сокрушения? О, Повелитель синего неба, Творец милосердный, если хочешь взять его душу, возьми, доведя до дома! В мыслях о том, что ожидает его, то устремлял он взгляд вниз на тропу, то озирался по сторонам, однако в глаза не попадалось ничего, кроме белого снега, туманящего взор, слух не воспринимал ничего, кроме тревожного шума камышей. Дорожка эта предвкушением добычи обычно увлекавшая вперед к Караозеку, к речному протоку, где были устроены ловушки для рыбы, потом, после промысла, петляя, также незаметно приводила домой с торбой, оттягивающей плечо. Теперь же, лишенная той легкости, словно заколдованная, тянется и тянется тропа, нет ей конца и края. Боже ты мой, разве не сам ты проложил эту извилистую тропу среди белых снегов и голубоватых льдов? Даже тогда, когда неугомонный ветер задувал ее порошей, или даже заваливал толстым слоем, разве не сам ты отыскивал ее по старым знакам, выискивая зорко каждый кустик, каждую камышинку, примеченные раньше, которые говорили глазу о скрытой под снегом тропе, разве потом не протапывал ее заново? Почему же теперь не видно этих примет? Погоди, разве эти камышовые чащи не начинаются у длинного рукава, что перед самым увалом Жыланды, который врезается в Улы-кол? Если это они, те самые заросли, он оставит их позади и выйдет на открытую долину Акку. Затем снова начнутся камышовые чащи, что за поймой,

он пройдет мимо, не заходя в них, поднимется на склон увала Жыланды, пересечет его, двигаясь на запад, и вскоре выйдет к землянке на Караултобе. И тогда, переговорив с Мадиной, он достигнет своей цели. Он скажет ей: «Никому не говори о казне Сатыбалды, если проговоришься, накликаешь беду на свою голову».

Эх, зря рассказал про проклятую казну Мадине, - тяжело вздыхая, сокрушался он. — Если по бабьей глупости проболтается она про клад, Туктибай не только приберет его, но и безжалостно столкнет в пропасть Мадину с детьми.

Он чувствовал, что потихоньку спина начинает леденеть.

Ко-оке!.. Апа-а-а!.. - донесся до слуха слабый, обрывающийся крик. Несмотря на то, что силы таяли, и шел с трудом, шатаясь, Кабыш вновь прислушался. Порывы ветра вроде бы донесли звуки детского плача. Перед глазами появились лица Сергазы и Куляим. Ему чудилось, что они, босоногие, идут по снегу, ища его. Мнилось, что они стоят, плача, а шквал ветра едва не валит их на снег.

Будто бы был готов он полететь птицей на склоны Караултобе. Кабыш, преодолевая жуткую боль от раны, затемняющую сознание, протянул руки вперед. Затем пробормотал:

Птенчики мои, как это вы оказались на улице в такой лютой мороз? Вы же простудитесь, почему без разрешения вышли из дому? Почему не послушались мать и не сидите дома?.. Мадина, наверное, задержалась, уйдя в степь за топливом, а вы к вечеру истосковались и вышли на улицу в поисках нас. Птенчики мои, маленькие, ваш израненный отец, к несчастью не может добраться до вас.

Он и сам не понимал, что бормочут его губы. Вдруг уши перестали слышать, и в этой каменной глухоте, словно что-то слабо мерцало, напоминая ему о чем-то. Когда был в ясном сознании, он вроде бы сказал кому-то: «Если не опоздаю, не задержусь», и эта угасающая мысль продолжала толкать его вперед по тропе. Он уже не видел темно-серого неба, шумящих, словно взволнованное море, чащ камыша, разливов ночной темноты, охватывающих мир со всех сторон... Перед глазами были лишь Мадина да двое детей, они бежали к нему сквозь туман, в который проваливался он, больше ничего не видя гаснущим взором.

Как ни силился Кабыш толкнуть свое тело еще немного вперед, только быстрее проваливался он во тьму, каким-то немислимо глубоким чувством ощущая, улавливая, как подгибаются под ним колени.

Не обращая внимания на шквальный ветер, бьющий стужей прямо в лицо, Туктибай шел к Богеткуму в оцепенении чувств. Он ни разу не остановился. Его не задержали ни снежные торосы, ни гладкий, как доска, наст, на котором ноги принимались выплясывать, чтобы удержаться. Словно бы с охотой погружался порой по грудь в сугробы, чтобы упрямо пробиваться сквозь снежный плен. Игнорируя боль в правом локте, побарахтавшись в рыхлом сугробе, ползком выбирался на твердый наст, снова устремлялся вперед, то падая, то поднимаясь опять. Он больше всего боялся, что если не доберется до ночи в Богеткум, то по пути голодные волки нападут на него и растерзают.

- Как же я так сплеховал, раз замахнулся топором, надо было бить наверняка, чтобы прикончить этого пса, кто это меня так сглазил?.. Иначе не мучился бы сейчас, а под удобным предлогом заявился бы к Мадине на Караултобе и переночевал бы себе в тепле под ее боком.

Он и сам не заметил, как вырвались у него эти слова. Огонь сожаления жег ему душу, в который раз бессознательно твердил он эти слова, ползком пробираясь по снегам. Если бы Кабыш отдал Богу душу сразу от одного удара, Туктибай бы добрался до Караултобе, припозднился бы за разными разговорами, а потом попросился бы заночевать. Вряд ли отказала бы ему она, не с каменным же сердцем, что осмелилась бы ночью прогнать гостя в дикую, безлюдную степь, мол: «Нет, уходи прочь!» Он и сейчас пошел бы к ней, плюнув на все угрызения совести. Обеспокоенная, как на иголках сидящая баба, конечно, не обрадуется его приходу, но и не прогонит его обратно. Допустим, избавив от опасностей, пустили бы тебя, допустим, ты сидишь даже на торе, и в это время приползает раненый Кабыш, что делать тебе тогда? Даже ослабленный, истекающий кровью, разве не вцепится тебе в глотку он, как хорек? Глядя на это, Мадина, конечно, не будет стоять в стороне. Вот это и есть самая позорная смерть. Однако в безлюдной степи, без лечения Кабыш наверняка обречен. Туктибай сам видел, как топор прошел через кожу полушубка, глубоко распоров

Кабышу правую лопатку. Теперь Туктибая должно беспокоить другое, где на тропе упадет истекающий кровью Кабыш. Если Туктибай живой и здоровый, не заворачивая на Караултобе, благополучно доберется до Богеткума? А в это время Кабыш доковыляет до своей землянки и успеет все рассказать Мадине? Нет сомнения, что возмущенная женщина отправится к зимовке Сатыбалды, где проживают одиноко две-три семьи, чтобы сообщить о случившемся. Пусть они сами на волоске от голодной смерти, но, узнав об этом, может же среди них найдется такой, кто способен встать на ноги? Пусть даже не сразу, но не придет ли рано или поздно такое время, когда Туктибай не будет знать, где ему прятаться? Не-ет, Туктибай должен уйти из этих мест, не оставаясь до завтрашнего дня. Иначе не быть ему в живых.

-Ко-ке! Апа-а-а!

Выйдя из лощины на склон холма, Туктибай ясно услышал детский плач. Он сразу же остановился. Стоя, как вкопанный, он прислушался к звукам, которые доносил ветер. Затем, словно поняв, что сегодня в доме Кабыша произошло нечто, что только ему на руку, быстро двинулся вперед к зимовке.

Приблизившись к зимовке на Караултобе, он увидел во дворе детей Кабыша. Из последних сил заливаясь слезами, они стояли в обнимку на ледяном ветру. Он понял, что в таком положении они долго не протянут. «Пройти мимо, будто ничего не заметил, или завести мне детей домой?»- принялся раздумывать он. - Если он поможет детям, а Кабыш не доберется до дома, то лучше не придумать обстоятельства для того, чтобы можно было войти в доверие к Мадине. А если Кабыш успел встретиться с Мадиной и рассказал ей, то тогда пиши, что все пропало».

Раздумывать дальше желания не было, не обращая внимания на боль в правой руке, Туктибай подбежал, схватил детей в охапку и забежал домой, усадил их на корпе и тщательно завернул. Принес со двора пучок веток, сунул в печь, однако разжигать огонь терпения у него не хватило. Вышел во двор и, всматриваясь в следы, понял, что Мадина ушла по тропе в поисках мужа. Теперь надо было выяснить, как обстоят дела. С этой целью он торопливо зашагал по тропе в сторону Улыколя.

Ко-ке!.. Апа-а!

Спускаясь по гребню Жыланды к краю Улыколя, Мадина услышала отчаянный, режущий по сердцу крик детей, и в полном замешательстве остановилась, не зная, куда ей теперь идти. Затем с мыслью: «Хотя бы выйду на равнину Акку, там, быть может, увижу отца Сергазы», в порыве надежды кинулась вперед. Она птицей летела по тропе, огибающей берег Улыколя, петляющей сквозь безмерные чащи высоченного камыша, не обращая внимания на одышку, на отголоски залиvistого плача детей, которые доносили шквалы ветра, и вскоре оказалась на просторной пустоши Акку, где не было ни единого бугорка или холмика. Примерно в сорока шагах от себя она увидела на снегу длинновытянутое чернеющее тело и замерла. Языки стужи врывались под отвороты шубы и прохаживались наждаком по телу, однако не в силах застегнуть распахнувшиеся полы, в страхе застыла она на месте. Она не слышала ни протяжного, с низким, рассыпающимся шорохом рева ветра, ни стоны бесконечных зарослей, еще недавно выворачивавшего ей душу, ни далекого заунывного воя голодных волков, ни тоскливо-тонкого завывания одичавших псов. А перед глазами темно-серое, мутное небо, почти задевающее облаками землю, высокие камыши, зябко подрагивающие от холода. И еще чернеющее тело, простерто лежащее на снегу. Неудержимая дрожь, обессиливая все суставы и жилы, омертвляя сознание, пробила Мадину. Бормоча немеющими губами, она опустилась на колени на снег, покрывающий лед:

Не приведи, Господь, чтобы это оказался отец Сергазы, только не он, не он...

Шквальный порыв взбешенного ветра мгновенно подхватил эти едва слышные, молящие слова и унес вдаль, туда, где копилась таинственная, первозданная тьма, унес, чтобы бросить их в бездну. Мир кружился перед глазами темным, пугливо качающимся вихрем... Под этой вращающейся мутью на белом, словно саван, снегу что-то черное, вытянутое, холодящее душу... На нем шуба, полы которого треплет, рвет жестокий ветер... Сомнения, впивающиеся в сердце ледяными остриями, и мольба, рвущая гортань...

Два чувства боролись, раздирая душу. Едва живая от ужаса, и, не зная, что ей делать, то подгоняя себя, то горько каясь, Мадина мало-помалу подавалась вперед... Вот потертый

лисий тымак с суконным верхом, вот висящая на шее торба на бечеве... Она не замечала, что дрожащими пальцами царапает снег, то сжимает в горстях, то разжимает, не чувствовала, что ее лицо, посиневшее, словно лед, отполированный ветром, заоченело. Вдруг, словно спасаясь от огня, суматошно кинулась вперед. То падая на бегу, то вставая, не заметила, как оказалась у тела мужчины, раскинувшегося навзничь. Затем, словно боясь напугать заснувшего после тяжелой болезни человека, спросила упавшим голосом:

Отец Сергазы, что с тобой? В чем дело?

Она вытерла рукавом глаза, полные слез, всмотрелась в лицо лежащего: он покоился, будто бы с интересом всматриваясь в сумрачные облака плывущего неба. Ее взгляд остановился на его глазах, потухших, припорошенных снегом. И снова неудержимая дрожь охватила ее тело. Но даже тогда, силясь не потерять сознание, она взяла локоть мужа, слегка вытянутый вперед в позе, словно он из последних сил стремился встать на ноги. Затем расстегнула ворот полушубка и сунула руку, чтобы потрогать грудь.

Кабыш! - задыхнулась она вдруг в вопле и упала на мертвое тело. - На кого ты оставил нас, Кабыш? Боже, почему взял не меня, а его?!

Впервые в жизни она назвала мужа его собственным именем⁵², и теперь ей не было дела до того, что совершила тем самым грех, что никто не услышит ее покаяния, не утешит ее, сколько бы ни плакала, ни умоляла она и о чем бы ни просила в этот страшный час. Тем не менее, она продолжала навзрыд причитать, изливая из груди черную тоску, всю невыносимую горечь, в которую обратились несбывшиеся мечты и надежды, стеная, словно верблюдица, потерявшая верблюжонка.

В суматошной пляске мыслей Туктибай не заметил, как оставил далеко позади Караултобе. Не замечая инея, налепившегося на брови и ресницы, он шел, не отрывая глаз от следов, еле видневшихся на тропе. Но почему он должен отрывать взгляд от них, если все его надежды, все упования на будущее связаны с ними? Говоря по правде, впервые ли он идет по этому легкому, летучему следу? Это же красная лиса, следы которой шаг в шаг скрадывал он и ранее. Кажется, было начало марта. Тогда Туктибай полностью уравнился с богачами, которые обычно снаряжали на лето кочевья в Каракумы. Лето в Каракумах приятное, благостное, здесь нет ни мошкеры, ни оводов, досаждающих людям и скоту. Однако как бы здесь ни было хорошо, все же, как говорится, много ее или мало, работа есть работа. И за делами ему порой не давали, как следует, отдохнуть и душой и телом.

Нет-нет, да случалось попадать на разборку ссор или же торговые дела разлучали его с сухой, шелковистой атмосферой Кызылкумов, таинственной и чарующей, и приводили его на жаркие берега Сырдарьи, напоминающие преддверие ада. В один из таких дней довелось ему как-то проезжать с двумя товарищами мимо аула дехкан на Улыколе. Они завернули коней к ближнему аулу. И так получилось, что с ходу попали на небогатый той. Дехкане встретили путников с почетом, разместили в приличной юрте на жайляу, поставили на треногу казан. Он тогда впервые увидел Мадину, которой было поручено прислуживать им, хотя сама она тоже была гостьей из соседнего аула. Он и раньше слышал о красоте Мадины, однако никогда не думал, что настолько привлекательна, настолько прелестна она. Лицо ее словно было освещено блеском ее больших глаз, точеный, безупречной формы нос, длинные тонкие брови, изогнутые, словно крылья ласточки, — все это придавало удивительное очарование ее лицу с бледно-розовой юной кожей. Он был приятно поражен ее красотой, но не более. Но вот довелось ему уловить краем уха, что муж ее, Кабыш, уехал по неотложным делам ~~Клавдия~~ родственникам куда-то за Караултобе, и бес вселился в его душу. Его соблазняла греховная мысль остаться наедине с молодой и шепнуть на ушко о своем желании, он верил, что она упадет ему в объятия. Он так верил в возможную удачу, что сразу после угощения стал искать глазами Мадину, начиная беспокоиться, что она куда-то пропала. Неожиданно в юрту вошла незнакомая молодка, она присела рядом с байбище и тихо сказала ей: «Жена Кабыша ушла домой, попросила меня помочь вам».

После этого Туктибай, не дожидаясь, пока подадут чай, сославшись на неотложные дела, вышел из юрты и сел на коня. Выехав из аула, он отделился от товарищей. Оставшись один, с высоты коня внимательно выглядывал следы на земле. Долго искать не пришлось. Он увидел легкие летучие следы женских кебисов, которые пестрели цепочкой по пескам вдоль берега озера. Он не сомневался, что это следы Мадины. Вскоре он догнал ее.

Молодка, увидев всадника, который возник, словно из-под земли, отреагировала на это с настороженным удивлением. Однако вскоре она успокоилась, узнав в нем гостя из юрты. Все же некоторое время Туктибай молчал, словно скулы ему склеило, не зная, с чего начать разговор. Считая неудобным молча следовать за ней, он полез в карман, чтобы вытереть пот, обильно выступивший на лбу, и пальцы зацепились за слиток золота величиной с ягнячий тобык⁴⁰. Тотчас вспомнилось, что этот кусок золота сунул ему во время судебной тяжбы по делу одной вдовы крупный местный бай. Он сказал Туктибаю: «Это только начало моего платежа тебе. Если поможешь мне свалить противника, вознагражу щедро, не обижу. Только не забывай об этом, когда будешь оформлять документы». Так золото оказалось в руках писаря. Со временем он стал забывать об этом слитке, да и не было случая, чтобы использовать его, а по мелкому поводу тратить его было жалко, так золото и завалилось в кармане. Неожиданно в связи с золотом вспомнился некий случай, осенивший его. Поэтому Туктибай без промедления сказал:

Мадина, милая, там в юрте ты не поинтересовалась у старшего родича, как он здесь оказался. С одной стороны это правильно. Однако, поскольку ты промолчала, я хочу кое-что тебе рассказать. Готова ли ты это выслушать?

Если считаете нужным, кайнага⁴¹.

Его сильно задел холодный и сдержанный тон Мадины. Особенно не понравилось ему ее обращение «кайнага», которое подчеркивало его статус старшего человека и в то же время говорило об уважении, оно словно намекало о том, что ему лучше забыть о сердечных делах. Однако, как говорится: «Раз разделся, так прыгай в воду», — мешкать он не стал.

- Ну, раз говоришь, что нужно, скажу. Слушай внимательно... В старину был один хан, который держал народ в ежовых рукавицах, все делалось по его воле, никто не смел перечить ему, — приступил Туктибай к своей истории. - Гнев хана был так силен, что народ дрожал, словно в лихорадке. Особенно падок был повелитель на красивых, прелестных девушек. А в его окружении, словно снежный ком, росла толпа льстецов и угодников, которые знали про слабость повелителя. Говорят же: «Лучше быть голодным, чем обжорой», наш хан, словно служа примером этой поговорки, все больше и больше потакал своему пороку. Стоило ему услышать, что где-то проживает писаная красавица, как

⁴⁰ *Тобык* - надколенная косточка животного, бабки.

⁴¹ *Кайнага* - старший брат мужа, но часто казашки используют это слово, обращаясь ко всем старшим мужчинам племени или рода мужа.

он, не давая покоя своим визирям⁴², не успокаивался, пока не получал ее в свою постель, чтобы насладиться. Из-за женщины он начал войну с соседним народом, залил морем крови свой собственный народ. По этой причине не раз попадал в опасные ситуации, когда его жизнь висела на волоске. Однако бедняга-хан не мог одолеть порок, более опасный, чем любая болезнь. Однажды хан выехал со своей свитой и нукерами на охоту, чтобы развеяться, размять тело, подышать чистым воздухом. На охоте хан набрел на одинокую юрту, укрытую среди барханов. Удивленный этим хан спешил с коня, вошел в юрту. Прошел на тор и развалился на подушках. Через некоторое время глаза его величества заметили молодку, которая накрывала дастархан, наливала кумыс из сабы⁴³ в чашу. Говорят, красота луноликой молодки была совершенной. Повелитель был настолько поражен, что его рука, протянутая за чашей, так и замерла над дастарханом. А затем его брови насупились, лицо потемнело, словно туча, готовая разразиться грозой. Будто убегая от стихии, он заспешил прочь из дома, не став угощаться кумысом. Сев на коня, перевалив через увал, он подозвал к себе визиря и приказал: «Срочно узнай, чей дом это в песках».

В тот же день главный визирь, переодев своего лазучика нищим, отправил его с поручением еще до вечернего намаза. Лазутчик помчался, словно на крыльях, вернулся на закате, весь потный, запыхавшийся. Он сообщил главному визирю, что дом в песках принадлежит полководцу Кахару. Визирь срочно отправился к повелителю и сообщил ему на ухо весть. Узнав об этом, хан нахмурился еще сильнее - ну, туча тучей. Дело в том, что Кахар был его любимый полководец, правая рука повелителя. Однажды Кахар, заболев, не смог участвовать в одной важной битве. И тогда войска хана, несмотря на то, что имели численный перевес над вражеской армией, ударились в бегство. Это подобно топору, который при неправильном ударе возвращается к тебе острием обратно. Так вот хан вспомнил, что, когда столица была окружена неприятелем, он вызвал Кахара, и вскоре враг был побежден. После победы повелитель на глазах всех солдат обнял Кахара и сказал: «Друг мой, к победе привели твое бесстрашие и ум. За это я хочу подарить тебе половину царства». Кахар молча покачал головой. Тогда хан сказал: «Возьми, сколько хочешь, золота из моей казны». Кахар снова покачал головой. Тогда бесчисленное воинство зашумело: «Бери, Кахар!» Удивлен был народ отказом Кахара, поражен и хан. Тогда, не выдержав, хан спросил: «Скажи, чего хочешь сам? Не откажу тебе». И только тогда Кахар сказал: «Мне не нужно ни богатства, ни власти. Среди пленных есть одна девушка. Достаточно, если отдадите ее мне». «Отдаю!» - сказал хан. «Да будет так! Поздравляем!» - зашумел весь народ. Затем повелитель приказал устроить гуляния на тридцать дней, пир на сорок дней. Однако сам повелитель не захотел посмотреть на девушку. И на пир, хотя был первым среди приглашенных, тоже не пошел. Он знал свою слабость, что, если увидит красивую девушку, не успокоится, пока не получит ее. Поэтому опасался: «Если при встрече изменится мое намерение, то могу причинить боль либо своему другу, либо самому себе».

В конце концов, встретив эту девушку, которую не хотел видеть, в одинокой юрте в песках, говорят, возроптал он на Бога. Показалось ему, что многочисленные ханши в его дворце рядом с женой Кахара выглядят словно ущербная луна рядом с солнцем. Что и говорить, вскоре зависть и неудовлетворенное желание червем стали разъедать ему душу, пышная перина казалась ему каменным ложем. Хан понимал, что если его нукеры силою заберут молодку из юрты в песках, а Кахар узнает об этом, рано или поздно их мечи скрестятся. Гордый жигит не посмотрит на то, что он хан, не оставит его в покое. Пусть даже не поднимет руку на него, но можно не сомневаться, что единая армия разделится на два лагеря. Если армия будет расколота, то можно быть уверенным, что положен конец единству всего народа. К тому же вполне возможно, что самые доблестные воины, батыры, примут сторону Кахара, а не хана. Если же Кахар сможет собрать сильное войско, то он обратит в пыль и прах армию противника, в этом можно не сомневаться. Если же он уберет с дороги Кахара хитрой уловкой, то его племя, услышав о его гибели, придя в ярость, затопит в крови страну, разрушит до основания столицу. Что и говорить, хан раскидывал умом и так и эдак, однако не нашел верным ни тайное убийство Кахара, ни отправку сводника к красавице, он так и не пришел к решению. К посреднику обратиться не осмелился, боясь, что рано или поздно пойдет слух об этом деле. Поэтому решил он

⁴² Визирь - министр, советник повелителя.

⁴³ Саба - кожаный бурдюк для кумыса.

⁴³ Жоктау - ритуальный траурный плач казашек.

попытать счастья без посторонних глаз, встретившись с красавицей наедине. Помня, что Кахар с утра до вечера обычно занят тренировкой солдат и маневрами, вознамерился отправиться в пески, чтобы поговорить с молодой с глазу на глаз. На другой день, выехав на охоту в пустыню, он приказал свите разбить лагерь и ждать его, сам же дальше отправился один. Пригрозив, что непослушные будут казнены, сам в одиночку кинулся преследовать кулана по лощине. Боясь гнева хана, свита осталась ждать на вершине холма. А хан скакал все дальше и дальше от места, где остались его нукеры. А когда свита скрылась из виду, он повернул коня в другую сторону, помня дорогу к одинокой юрте, он ехал по лощинам, распадкам среди песков. Ехал он недолго, ближе к часу саске оказался рядом с маленьким аулом. Увидев знакомый дом, хан вдруг понял, что не знает, что сказать в оправдание своего визита молодой, которая, конечно, кинется прислуживать ему. Он остановился, чтобы подумать. О чем только не думал, о чем только не грезил он, размышляя, как найти путь к сердцу женщины. Наконец ему пришлось по душе одна задумка. Говорят, на скалоне одного холма он увидел красотку, которая на сильной кобылице заворачивала табун лошадей. Хан нетерпеливо прищпорил коня, понукая его, и сам не заметил, как оказался возле нее.

Говорят, увидев хана, его кровью налитые глаза, алчно устремленный взгляд, красавица почувствовала себя козочкой, а его приняла за волка, готового напасть.

Хан же в свою очередь заметил, что настороженная молодка, боясь чего-то нехорошего, была уже настороже.

Молодая женщина же видела, что хан готов наброситься на нее, словно волк на добычу. Туктибай в эту минуту наклонился с коня, чтобы проверить, какое впечатление производит его выдуманная история на Мадину, и понял, что она впечатлена не ханом, готовым наброситься на жену Кахара, а устращена им, склонившимся над ней, похотливым его видом. И тогда, дабы не напугать ее, а возбудить ее любопытство, чтобы незаметно подвести к ловушке, сказал витиевато:

-.. Однако хан не набросился алчно на женщину, так как он принял другое решение. Мол, если только достигну вожаделенной цели, которая стала раной моей души, зеницей очей моих...

Туктибай нарочно оборвал речь, чтобы сильнее заинтриговать Мадину занятной историей. Затем, не обращая внимания на то, что конь дернул головой, напуганный резким движением человека, сунул правую руку в карман, вытащил золотой слиток величиной с ягнячьей бабки, раскрыл ладони и важно подбоченившись, сказал с нажимом:

Величиной примерно с этот! Хан снимает с пальца перстень с драгоценным камнем и вот так, - Туктибай красивым жестом кинул сверкающий слиток на тропу перед Мадиной. - Бросает его под ноги молодой. После этого хан не задавал ей никаких каверзных вопросов, содержащих головоломку.

Как ты думаешь, молодка спешила с коня, чтобы поднять тот драгоценный камень? - спросил Туктибай, покосившись на Мадину.

Мадина и головы не повернула, чтобы посмотреть на желтый камень, упавший ей под ноги, сказав только степенным голосом:

Кайнага, ведь честная, благородная женщина есть сама по себе золото. Зачем ей блестящий камешек?

Ответ ее был ясным, твердым.

Поняв, что рассчитывать ему не на что, Туктибай повернул коня и ускакал прочь. Мадина же, не попрощавшись с ним, ушла к себе на Караултобе. Вспоминая эту встречу, Туктибай был весьма доволен собой, тем, что таким замысловатым способом дал знать Мадине о своем желании, тем, что попытки ради, дескать, как посмотрит на это Мадина, смелой загадкой намекнул о своих чувствах, что молодая женщина без затруднения поняла душу мужчины. По правде говоря, Туктибай никогда не горел желанием жениться на Мадине. Просто со стороны восхищался ее красотой и умом, порой во сне видел ее в своих объятиях, и не более того.

Когда Туктибай, пройдя тропой вдоль гребня увала Жылан-ды, спустился к густым, бескрайним зарослям камыша по берегам Улыколя, было уже темно, хоть глаз выколи. Словно желая развеять, скрыть от его взора легкие, летучие следы на тропе, которые начинались от самого Караултобе, порывистый ветер бросал в глаза снежную крупу,

залепляя лицо. Тем не менее, он был уверен, что ни за что не потеряет тропу, по которой спешил, высматривая нужные следы.

Только Туктибай вступил в чащи, окружавшие Улыкол, как сзади послышалось густое завывание довольно-таки матерого волка, который рыскал где-то неподалеку. Туктибай вздрогнул от испуга.

- О боже, и эти тоже не отстают, - не заметил он, как вырвался из груди тоскливый вздох.

Невольно по старой привычке сунул руку за ворот верблюжьего чекменя, поискал свое верное оружие - айбалту, которое всегда придавало ему дух, и весь похолодел - пот разом выступил на лбу. Он вспомнил, как потерял свой боевой топорик. Хотя волки не были столь голодны, питаясь мертвечиной, все же среди них мог найтись такой ненасытный, которому нужна была живая плоть. Ему уже мерещилось, как, разинув зубастую пасть, в прыжке волк кидается ему на спину. Хрипло дыша, оглядываясь, он бегом промчался через заросли и выскочил на белые просторы залива Акку, здесь летом обычно гуляют пенные волны, а сейчас отливом бризной огромное ледяное поле. Здесь он остановился. В сороках метрах от него на снегу чернело тело, и он сразу понял, что это труп Кабыша. Рядом с ним, распустив волосы, сидела одинокая женщина и надрывно рыдала. В ней он признал Мадину. В нерешительности, не зная, успел ли Кабыш перед смертью рассказать жене о случившемся, или он распрощался с жизнью еще до ее прихода, он медлил. Как бы то ни было, свистящий ветер, томительно воюющие волки, глухо шумящие камыши, плач одинокой женщины, медленно опускающиеся на землю ночные сумерки - все это опять напомнило ему о чем-то мрачном, связанном со смертью.

Надо сказать, что Туктибаю до сих пор не приходилось испытывать сильного страха смерти, кроме того, рядом с ним уже не было близкого человека, за жизнь которого он боялся бы. Однако он хорошо знал, что даже самого отчаянного храбреца, готового свернуть горы, ждет один конец. Может быть потому, что жив был тогда Ердаулет, пусть единственный, но наследник, тот, кто похоронил бы отца по всем обычаям, зная это, он ходил себе, выпятив грудь, не боясь смерти, готовый, когда придет срок, вручить душу Богу. К сожалению, подвергся он ужасному проклятию, Бог сам забрал у него веру.

После этого он снова начал свою мирскую суету, снова начал действовать. Пусть даже тысячу лет длится голодомор, пусть вымрут все казахи до одного, он, Туктибай, не должен уйти из жизни бесследно.

Он хочет, чтобы у него был отпрыск.

Его заветная мечта — услышать когда-нибудь, как чумазые, сопливые мальчуганы на вопрос: «Чьи вы отпрыски?» - отвечают: «Мы внуки Туктибая! Мы из аула Туктибая-ата!» Эх, если бы такое было, и его ушам в могиле не было бы покоя от таких слов!

В конечном итоге отпрыски Туктибая размножились бы на этой земле и толпами без конца шли бы и шли на его могилу почитать поминальный Коран.

Чтобы достичь такой цели, Туктибай постарается не умереть, его не испугают никакие трудности, которые встретятся на этом пути. Если же найдется такой, кто перейдет ему дорогу, Туктибай сломает ему хребет, если тот, предчувствуя удар, вступит в борьбу, при недостатке сил свалит его, забьет, отправит душу в ад. Если же противник окажется сильнее, обманет, обведет вокруг пальца, сделает так, чтобы его враг засох, словно трава.

Издали Туктибай не мог различить, о чем причитает, плачет убитая горем женщина, медленно, шаг за шагом, он подошел к ней.

Потом осмелился взять за руку женщину, которая в полубессознательном состоянии лежала, обнимая тело Кабыша.

Придавленная тяжестью небывалого горя, от которого содрогнулся бы и более крепкий человек, в жуткой сумятице чувств молодая женщина подняла голову и не узнала Туктибая. Всмотревшись, она задрожала всем телом, судорожные рыдания вырвались из ее груди:

- Кайнага, какие несчастные мы, какие несчастные! Мы потеряли вашего младшего брата!

Долго рыдала женщина, не в состоянии совладать со своим горем.

Глава семнадцатая

Мадина, припав к груди Туктибая, причитала. Туктибай, слушая ее жоктау, смягчился. «Кабыш испустил дух, не успев рассказать ей, - подумал он. - Это мне на руку».

Быть может, что лежащая на льду, в безудержном плаче не внимающая близкому вою волков, не видящая бушующего бурана, порывами накатывающего с запада, женщина эта

выглядела такой жалкой и беспомощной, что Туктибай почувствовал раздражение. Но, подумав, что такая слабость женщины со временем пойдет ему на пользу, он успокоился. Эй, и как не успокоиться, если женщина встретила его всей душой, как родного человека, с которым можно обняться в плаче и разделить горе. А ведь он ждал, что со словами: «Твоих кровавых рук дело!» - схватит она его за ворот, ведь в страхе прибежал он сюда проверить, знает ли об его преступлении или нет.

Туктибай понял, что Мадина, подозревая чье-то черное дело, в таком состоянии не в силах сейчас собраться с мыслями, чтобы задуматься о причине гибели Кабыша. Он чувствовал, что Мадина не только не осмотрела тело Кабыша, оцупывая его руками, но даже не осмелилась сдвинуть его с места. «К счастью, все это оттого, что Кабыш не успел ей рассказать, - думал он. - Если бы они переговорили, неизвестно, чем закончилась бы наша встреча».

Туктибаю, конечно, было по душе то обстоятельство, что Мадина до сих пор ни в чем не заподозрила его. Трудно предположить, что ночью, когда непроницаемая мгла окутала землю, а кругом ни зги не видать, женщина смогла сделать что-то осмысленное в поисках причины смерти мужа. Теперь нужно воспользоваться выгодной стороной этой неожиданной ситуации - не показывая Мадине раскроенную топором спину Кабыша, полностью скрыть улику

Туктибай решил действовать без промедления. Слушая отчаянный плач Мадины, ее жоктау⁵⁷, он понял по ее состоянию, что, обессилев от слез, она будет лежать всю ночь, обнимая ноги Кабыша. «Хотя и исхудала порядком, однако, видать, еще семижильная баба ты, - подумал он, сощуренными глазами разглядывая чернеющую фигуру Мадины. - Когда умерли моя жена и единственный сын мой, мой львенок, я тоже, как и ты, весь изошел слезами, не в силах остановиться».

И тут само собой пришло решение. Он обнял за плечи Мадину, намертво вцепившуюся в Кабыша, с трудом оторвал ее руки от тела, привел в чувство. Затем пощупал локоть Кабыша, он был ледяным. Хотя никто не наблюдал за ним, по старой привычке зашевелил губами, читая молитву, потом провел ладонями по лицу.

Пусть душа покойного обретет место в раю. Пусть то, что он не дожил, дадут вам, — сказал он громче, подумав, что воющий буран глушит его голос. - Кабыш, хотя и был безлошадником-бедняком, был человеком, знающим себе цену. При жизни он был скромным, уважаемым человеком, не могу сказать, что чем-то обидел нас.

Туктибай понимал, что во время невзгод, тяжелых испытаний нельзя делить людей на бедных и богатых, однако счел необходимым напомнить Мадине, дабы была кроткой, что Кабыш при жизни по положению стоял гораздо ниже его:

Однако никто не в силах противостоять воле Бога, Он дал - Он взял. Теперь нам остается только одно - быть мужественными, терпеливыми...

Туктибай, ожидая ответа Мадины, немного помедлил, но под пологом мрачной ночи ничего не услышал, кроме безудержных рыданий женщины. Конечно, горе есть горе, ничего не поделаешь, однако даже во время сплошных бедствий нельзя забывать и о законах жизни, и хотя в нем закипало раздражение на несчастную женщину, полностью отдавшуюся своему горю, боясь задеть ее назидательным тоном, принялся мягко урезонивать ее:

Понимаю твое горе, Мадинажан, если бы это случилось в другое время, твой плач был бы уместен и поддержан. Собрались бы со всех сторон родичи, оплакали, омыли бы тело, облачили бы в саван, не отягощая нас заботами, проводили бы в последний путь. Впрочем, что мы можем? Разве не пришлась смерть Кабыша на время всенародных несчастий, когда благо и удача отвернулись от нас. Наверное, так было предписано судьбой. Говорят же: «От судьбы не убежишь».

Туктибай снова замолчал, ожидая от Мадины осмысленных слов вроде того, что им дальше делать, как жить в этом жестоком мире. Однако, поняв, что ждать чего-то разумного от Мадины в этом состоянии нельзя, повысив голос, стал сердито выговаривать ей:

Эй, разве забыла, что мертвого слезами не воскресишь, что на смерть надо противостоять жизнью? Живой человек должен думать о заботах жизни! Сколько ты будешь так сидеть? Ладно, ты не думаешь о себе, но подумай о своих детях в землянке, пожалей их, возьми себя в руки!

Глава восемнадцатая

Неожиданно свалившееся на ее голову несчастье ошеломило Мадину горем, погрузив ее во мрак и безысходность. Для нее жизнь потеряла всякий смысл, она не видела никакого просвета в будущем, все надежды и мечты рухнули. Последние слова Туктибая пробудили в ней что-то забытое, оставшееся в далеком прошлом, огнем пробежав по измученному мозгу, оно вдруг словно пробилось в сознание. Вместе с печалью, отравляющей душу, в ее память вошла картина: в объятиях буранной, клокочущей ночи к ней шли, простирая ручки, ища спасения, два ее ребенка, два беспомощных птенчика, и она в беспмятстве вскочила.

Кайнага, разве не походит на безумного человек, потерявший близкого, который был для него опорой в жизни? Ведь Ка- быш был для меня опорой, все равно что гора. Сегодня я потеряла его, так какой же совет ждете от меня? - глотая слезы, непрерывно струившиеся по ее выстуженному, холодному лицу, сказала она с мольбой в голосе. - Хотя и понимаешь, что надо что-то делать, однако от бессилия все валится из рук, кажется, что все рушится, сама земля уходит из-под ног.

Она хотела еще многое сказать, излить до дна невыносимую тяжесть, которая жгла, томила душу. Скорбь, которую никогда в жизни не пожелала бы ни одной живой душе, клокотала в горле, перехватывая дыхание. Если выплечется она, выскажет все это, не полегчает ли ей, не обретет ли мало-помалу хоть какое-то мужество? Однако в горле застрял ком, и она не смогла продолжать дальше, ее словно оглушило ударом по голове. Появилась и исчезла мысль, что нужно что-то делать, чтобы не умереть животной смертью в дикой, безлюдной пустоши.

И вот снова потащило ее в бездонную пучину, только какой- то слабый свет удерживал ее от полной бессознательности, то ли какой-то отголосок в памяти, то ли смутная надежда, туманный след, щемящий душу. То ли вследствие длительного голода, то ли от всепоглощающего горя этот очажок света был брошен на самое дно безмерного океана тьмы. И что-то в ней хотело избавиться от этой тьмы, в то же время не хотело выплывать из него.

То отбрасывала мысль, что нужна зацепка, что нужно заняться чем-то полезным, нужным, то искала ее опять.

То ей казалось, что метельный шквал гнет ее, словно веточку жынгыла, вот-вот погонит ее по степи, будто перекасти-поле, то чудилось, что ветер едва касается ее, кружа прохладой вокруг нее.

То казалось, что стеной стоящая чаща камыша навзрыд заливалась женским плачем, то чудилось, что шуршит и звенит только в ушах...

Кружащие под темным пологом неба крупинки снега то словно били в лицо, то будто бы не били...

То суставы ног болели от сырости, проникшей через разорванные союзки и растрескавшиеся подметки сапог, то, казалось бы, вовсе и не болели...

То она мерзла, да так, что зуб на зуб не попадал от стука, то ей казалось, что вся она объята жаром сжигающего огня...

А Туктибай словно был за какой-то невидимой ватной стеной, заглушившей все звуки этого мира, и бубнил каким-то скучным, отрешенным голосом. Как будто сказал он:

- Вышел из Богеткума спозаранку, хотел наведаться на зимовку Сатыбалды, узнать, как там дела у оставшихся людей. Они, бедняги, еле-еле душа в теле, как будто вот-вот испустят дух, - словно бы сказал он.

Затем, возвращаясь к себе в Богеткум, переваливая через Жуалыкум, приблизился к Караултобе и услышал детский плач. Хотя спешил к себе, но не заглянуть туда не позволила душа.. — словно бы сказал он.

Следуя за детским плачем, дошел до вашей землянки. Нижу, два малыша, босоногие, простоволосые, стоят на морозе, на снегу и заливаются слезами, - как будто бы сказал он.

Подумал я ненароком, как это они могли оставить детей одних без присмотра? Уж не случилось ли что-нибудь плохое с Кабышем и Мудиной? - будто бы произнес он.

Не зря говорят, что человек издалека предчувствует неладное. Смотри-ка, как привело меня к месту несчастья... - словно бы сказал он.

Делать нечего, тебе надо подчиниться своей судьбе... Живой человек, раб Божий, должен думать о жизни... - будто бы сказал он.

Если мы останемся дальше на ночь здесь, то станем добычей волков и псов, добраться до зимовки будет трудно... - словно бы сказал он.

Тело покойника отнесем в камыши, спрячем... - будто бы сказал он.

Пока зароем в снег, потом, когда растает лед, земля размягчится, приду и сам предам его земле... - словно бы сказал он...

Мадина же, находясь словно между сном и явью, двигалась вяло, еле-еле... То, что говорил Туктибай, с трудом доходило до ее сознания, и словно бы у нее почти не было сил исполнять их... Вот, едва не падая, оскальзываясь, поднялась с колен... И вот как будто она помогает Туктибаю поднять тело отца Серга-зы со льда... Вот они, оставив позади ледяное поле Улыколя, зашли в густые заросли камыша... Вот подошел к ней кайнага Туктибай и что-то говорит ей...

Пока зарыли тело покойника снегом... - будто бы говорит ей.

Мадина, идем... Теперь нам здесь задерживаться нельзя... — будто бы сказал ей...

Бедняжка, почему ты ~~стала~~ ^{стала} словно неживая?.. Пожалей себя, подумай о детях, которые ждут тебя дома... - словно бы сказал ей...

Дети... Слух Мадины внезапно открылся, словно она оказалась на июньских просторах, в великом шуме зачинающейся летней жизни, когда со всех склонов несутся в низины бурные потоки, с головокружительным звоном и журчанием летят ручьи прямо под ноги, норовя сбить тебя с ног. И бьющий прямо в лицо морозный ветер, пронизывающий тело стужей, и испуганно шумящие камыши, с гулом и треском, прокатывающимся по чашам, казалось, своим наваждением старались не дать ей добраться до детей.

«О, Создатель, как она могла забыть про Сергазы и Куля-им, как могла упустить из виду? - теперь Мадина, стремясь сосредоточиться, собраться с силами, принялась твердить себе. — Если бы узнал об этом отец Сергазы, как рассердился бы он. Он надолго не стал бы разговаривать с ней. Что с ними, в каком положении они, те, у кого, кроме матери, нет больше на свете защитника и опоры?.. Разве не они это, протянув руки в непроглядную ночь, словно слабые тростинки, надламываясь на морозном ветру, просят помощи, ее птенчики, Сергазы и Куляим? Кричат до хрипоты, ища ее, и вид у них, словно у самых несчастных, обездоленных нищих... Пропади все пропадом, должна она, во чтобы то ни стало, добраться до них, защитить от этой черной бури».

- Маленькие мои, вот я в пути! — пробормотала Мадина, едва шевеля губами. - Схоронили вашего коке⁴⁴ среди камышей Акку... Нет у нас с кайнагой сил, чтобы дотащить тело вашего коке до дома... Птенчики мои, ваша мама ради вас, оставив Богом данного супруга одного, идет к вам домой.

Часть третья Глава первая

Безостановочный плач убитой горем женщины мало-помалу стал злить Туктибая. Ему казалось, что Мади-на проливает слезы не из-за тоски и печали, а нарочно голосит, чтобы досадить ему, уязвить его мужское самолюбие. «Посмотрите-ка на ее преданность мужу! - досадовал он. - Подожди, ты еще не так запоешь у меня, заставлю тебя забыть не только о муже, заставлю тебя забыть все!»

По дороге нет-нет да подумывал: «Воешь, так на свою беду», и порывался бросить ее и уйти в Богеткум. Однако, вспоминая, что у него нет оружия, чтобы дать отпор волкам и диким псам, он останавливал себя. Хотя и сыты они мертвечиной, кто может поручиться за то, что не нарвешься ненароком на голодного зверя. Кто знает, доберешься ты живым до дома или нет? К тому же он не был уверен в том, что, если оставит Мадину одну, сумеет ли она, полуживая, добраться до своих детей. Потерять Мадину для него равносильно потере ключа от казны Сатыбалды.

Ради чего тогда взвалил он себе на шею тяжесть убийства еще одного человека? Ради чего мотается он в ночи, идя навстречу опасностям, не боясь стать жертвой непредвиденных обстоятельств? Ради чего обманом утешал, урезонивал едва живую от горя женщину, надрывался, из последних сил тащил по льду мертвое тело вонючего бедняка, гордеца при жизни, который при встрече толком-то руки подать не мог, закрывал ему глаза, зарывал в снег? «Не-ет, Туктибай не сделает глупости, от которой никакой пользы ему не будет.

⁴⁴ Коке, аке - отец на казахском языке.

⁴⁴ Далбай - трех из простого сукна от дождя.

Достаточно и того, что в порыве гнева, потеряв разум, прикончил Кабыша. Как он мог забыть, что все это делалось ради того, чтобы заполучить казну?»

Туктибай, внутренне собравшись, решил терпеть до конца. Если Мадина спотыкалась, поддерживал за руки, помогал подняться, если теряла сознание, приводил в чувство. Так они глухой ночью потихоньку пробирались под гул встречного морозного ветра и завывание голодных волков и диких псов. Шли они долго.

Помогая друг другу идти, не раз падая, вставая опять, среди ночи Мадина и Туктибай добрались до землянки на Караултобе.

Мадина опять начала надрывно плакать и стонать. А когда до землянки осталось шагов сорок или пятьдесят, ее плач внезапно оборвался. Перед тем как войти в дом, шумя у двери, окликнув детей по именам, она подала голос.

Туктибай понял, что она это нарочно делает, чтобы не напугать без того измученных страхом детей. Еще раз увидев, что разбитая горем Мадина может в трудную минуту собраться с духом, он ~~был удивлен~~.

Глава вторая

Сосредоточенно прислушавшись, окоченевший Туктибай понял, что Мадина, шурша ледышками, примерзшими к шубе, рванулась к детям, бесприютно сидевшим у печи с нахохленным видом. По короткому ее всхлипу почувствовал, что она стоит, прижав к себе детей. «Боже ты мой, — подумал он. - Боже ты мой, нет, оказывается, большего счастья в бренном мире, чем иметь детей, вышедших из собственного чрева, которые и горе и счастье разделят с тобой. После этого все остальное - иллюзия, мираж обманчивый». Туктибай, неподвижно стоя у двери, вспомнил, как свиделся в последний раз со своим единственным сыном Ердаулетом.

В голову ему пришла мысль, что, если будет столбом торчать у двери, особого толка не будет, это не поможет найти общий язык с Мадиной. Нужно было заняться делами по дому, чтобы Мадина потеплела и всем сердцем почувствовала к нему расположение. Он вышел во двор, взял в охапку ветки, лежавшие кучей, занес домой и растопил печку. На дне казанка было совсем немного воды. Он сходил в сай, принес чистый снег и положил в казан. Ветки, которые поддавались, ломал ударом о колено, сучки и коряги раздирал за расщепленную часть, обломки пихал в зев печи. Не зная ни усталости, ни покоя, он работал, словно мальчик на побегушках. Он боялся упустить время, бег которого без того ускорился из-за бедствий и голодомора. Ведь его не остановить ни уговорами, ни жалобой.

В землянке, в которой было холодно, как на улице, воздух начал согреваться, от горевшего огня на стенах дома забегали пятна света. Сергазы, согревшись под одеялом рядом с матерью, вытянул шею и, глядя на казан, в котором с громким бульканьем и шипением кипела вода, спросил жалобным голосом:

Апа, я проголодался, дай рыбу?

Сегодня рыбы нет, сыночек, - отрывисто, будто в горле застрял камешек, сказала Мадина.

Апа, в казане варится бульон, дай мне сорпу? - прильнула к груди матери Куляим.

В казане не сорпа, простая вода, жеребеночек мой, - ответила еще более грустным голосом Мадина, сильнее обнимая дочь.

Апа, почему рыбы нет? Коке принесет рыбу, коке задерживается, потому что ловит рыбу? - спросил Сергазы, недоверчиво вытягивая шею в сторону казана с кипящей водой.

Да, верблюжонок мой, рыбу будешь есть, когда вернется твой коке, - прошептала Мадина, концом шали вытирая мокрые глаза.

Сорпу дашь, когда вернется коке, да, апа? - спросила Куляим с каким-то нетерпением.

Да, солнышко, когда вернется коке, будешь есть...

Мадина, в конце концов, не могла не откликнуться на

слезную мольбу детишек. Она поднялась, сунула руку в темную нишу возле печи и вытащила оттуда небольшой короб с отвисшим дном. Дети, гревшиеся возле огня, с криком так и вцепились в короб. Мадина усадила их возле печки и высыпала каждому в подол по горсточке жареного зерна. Так она с трудом утихомирила сына и дочь. Она не оставила без еды и Туктибая, который возился возле очага, его руки так и мелькали в отблесках огня. Затем всем троим, торопливо, с жадным придыханием проглотившим свою порцию еды, налила по чашке горячей воды. Бросив на тор одеяло и подушку, она разостлала Тукти- баю

постель. Себе и детям постелила возле печки, где было потеплее и, не раздеваясь, прилегла сама.

Мадина видела, как, волоча ноги, Туктибай подошел к постели и начал раздеваться. «Бедняга, проявил человечность, пожалел меня, - думала она. - Если бы не встретился он, кто знает, что стало бы со мной? Наверное, в таких случаях говорят: мир не без добрых людей».

Туктибай, прежде чем уронить голову на подушку, повернулся и посмотрел на Мадину, и без того мрачное его настроение стало еще хуже.

- Вот возле печи лежат три едока, сразу три едока, - тяжело вздохнув, пробормотал он, словно скороговоркой калиму⁵⁹ произнес. - Когда Туктибай зашевелит одним ртом, они зашевелят сразу тремя ртами.

Недавно, когда Мадина сунула руку в нишу, он подумал: «Есть запасы у них, хватит, наверное, надолго». А когда в глаза бросилось слабо отвисающее дно короба, он похолодел от испуга. И тогда привалит к выводу: «Бедняги, видать, питались в основном рыбой, которую ловил Кабыш».

Прикинув на глаз, успел понять интуитивно, что зерна в этом доме, при условии, что к троим присоединится четвертым он, хватит от силы на три дня. Даже если принесет он остаток зерна, который оставил в Богеткуме, еды у них будет в лучшем случае на десять дней. А Туктибай - не Кабыш. Хоть убей - ловить рыбу его не заставишь. Что делать, как выйти из положения? Принести зерно с Богеткума? Ну, хорошо, допустим, принес, допустим, все четверо дружно ели его. За десять дней прикончили его. Что потом? Хорошо, если Мадина знает, где спрятана казна. Если не знает, тогда плохи дела Туктибая, пиши - все пропало для него. Сейчас без еды выйти далеко в снежную степь равносильно самоубийству. Проявить щедрость - отдать то, что есть у тебя, другому, тогда как сам еле стоишь на ногах? Разве это не настоящее безумство? Однако Туктибай пойдет на это безумство. Потому что сейчас для него главная цель - подкармливая Мадину и ее детей, вызвать ее на откровенность, объяснить ей, что время страшного голодомора никого не пожалеет, что не имеет смысла скорбеть, исходить тоской по умершему человеку, как это годилось бы в другое время. Затем вразумить ее, объяснить, что нужно делать для того, чтобы самой не умереть. В конце концов, затронуть темы казны Сатыбалды, если же она насторожится, надо броситься на колени и просить ее выйти за него замуж...

Мысли его разбегались во все стороны, однако не было сил думать о том, что будет завтра. Глаза Туктибая невольно закрылись, и он провалился в сон.

Давно уже уснули Сергазы и Куляим, Туктибай, лежащий на торе. В провальной темноте землянки без сна лежала лишь одна Мадина, глядя на рдеющие угли в казандыке, которые перемигивались красными огоньками, и во мгле зев печи напоминал жуткую пасть самого духа голодной смерти.

- Боже ты мой, - пробормотала Мадина. - Боже ты мой, куда мне теперь идти, что мне делать, как нам жить?

Действительно, как теперь им жить? Как им прожить на ту горсточку зерна, которая осталась на дне короба? Или нужно идти на Коктобе к брату Жумабеку? Все-таки родственник он, пусть гол, как сокол, наверное, сам голодает, но если придет она к нему, не прогонит же сестру. Хорошо, коль измученные дорогой, изголодавшиеся, доберутся они до аула, а семья брата окажется на месте. Если же, не выдержав поборов актевесов советской власти, тяжести налогов, которыми обложили даже бедняков, ушли они, как и другие, бродить с протянутой рукой по белому свету, что делать тогда? В таком случае, не дойдя обратно до Караултобе, разве не помрут они, оставшись непогребенными?

«В такое грозное лихолетье где вожди нашего народа, которые могли бы оказать помощь, где мужи, могущие взять под свое крыло, - терялась в догадках она. - Сама она с тех пор, как себя помнит, всегда свято верила в старших мужчин рода, полагаясь на их авторитет, исполняя их волю. Она верила, что если почтенные мужи рода будут живы, все будет в порядке, уж они найдут выход из любого положения. В таком уповании она особенно не задумывалась, в каком веке, в какую эпоху живет. Она не интересовалась, кто правит государством, кто помогает ему управлять казахами. Ее вполне устраивало, что кругом вполне достаточно было тех, кто в черных и белых колпаках, далбаях⁶⁰, тымаках. Она не сомневалась в том, что от природы именно мужчины должны думать о всех мало-мальски важных делах, а женщины должны заниматься работой по дому, забота об очаге - их дело, они — внутренняя опора крова. Где те господа, которые некогда, развалившись, сидели на торе, а когда им стелили - не помещались в постелях? Земля их проглотила, что ли? Куда делись султаны в золоченных чапанах и волостные, которые держали народ в ежовых рукавицах, последние соки выжимавшие из простых людей? Каким ветром сдуло краснобаев - биев с их медными глотками, которые никому не давали спуска, не позволяя усомниться в их честности? Чье проклятие унесло премудрых аксакалов, спесивых карасакалов? Где муллы и ходжи, с пестрыми торбами на шее для сбора приношений, на каждом шагу поминающие Аллаха? Теперь, когда бедствие обрушилось на народ, женщины и дети, старики и старухи вымирают целыми аулами, почему они не спешат на помощь? Почему они не спасают погибающий от мора народ?»

Все же когда Кабыш был рядом с ней, хотя и ощущала на себе кое-какие тяготы, однако душой не была обременена непосильными заботами. Даже когда балшабеки Красных Советов под предлогом, что создают злосчастный калектеп, отправили по аулам толпы каменесов и кемсамолов, а те угнали весь скот до последнего ягненка, забрали все зерно, выпростав даже тайники во дворах, ее не пугала голодная смерть, хотя выплакала все слезы от унижения. Вот только нынче, зимой, в ее середине, когда начали истощаться последние запасы, все чаще проглядывало пустое дно казана, ее душу не на шутку стала захватывать тревога. И даже тогда она отгоняла прочь жуткие мысли о том, что станут всей семьей жертвами голода. Даже в страшном сне такое ей не снилось. Все потому, что хотя запасы зерна были на исходе, их силы неизменно поддерживала сорпа из рыбы. Она верила, что, благодаря самоотверженным хлопотам отца Сергазы, они вот-вот вырвутся из пасти голодомора. «Герой мой, моя опора величиной с гору, как же тоскует, как скорбит твоя Мадина по твоим советам, как нужна ей твоя мудрая поддержка!»

Мадина погрузилась в бессознательное состояние, которое нельзя было назвать ни сном, ни явью.

Глава четвертая

Думалось ему, что кругом светлая лунная ночь. Туктибай уже довольно долго шел по бездорожью по дикой безлюдной степи. То ему приходилось вскарабкиваться по склонам высоких песчаных холмов, то чуть ли не кубарем скатываться вниз в котловины. Неизвестно от чего, подгоняемый ли шальным азартом, или бессознательным страхом невидимой погони, или неведомой опасности, таящейся в складках пустынной местности, словно бы стремился он, чего бы это ни стоило, добраться до Богеткума. Поэтому, проваливаясь в сугробы, неистово барахтался там, когда встречались крутые подъемы, задыхаясь, едва не теряя сознание, как будто упорно лез вверх, когда открывались затяжные впадины - чуть ли не бегом спускался вниз. Если бы кто-то посмотрел со стороны, сказал бы - вот идет одержимый албасты⁴⁵. И действительно, куда бы ни посмотрел он, - всюду топорщились хищные горбы увалов и обрывов, разъятыми могилами чернели провалы низин. Мерещились недобрые огоньки на этих горбах и обрывах, в глубине лощин и распадков. От страха порой отнимался язык, деревенели скулы. Однако как ни донимал его страх, иссушая горло, барабаня по голове, он не издал ни звука. А тех самых быстрых огоньков становилось все больше и больше, они близились, были уже за спиной, вот-вот вцепятся ему в хребет. Ежась от жути, он оглянулся и увидел недалеко от себя отошавшего от голода, урчащего от злобы матерого волка. Длинный хвост волочился по снегу, обнаженные клыки клацали, высунутый язык трепетал алым лоскутком. Еще немного, и он настигнет беглеца, вцепится в спину, разрывая верблюжий чекмень, обнажит

⁴⁵ Албасты - демон.

белое тело, распарывая его до костей. Туктибаю же мнилось, что бежит из последних сил, спасая свою жизнь, задыхаясь от страха. Однако огромный, словно мул, волчище, похоже, не отстанет, пока не вынет из него душу. Вот-вот вонзит он свои зубы, сунет морду в теплое мясо, напьется брызжущей крови. Намереваясь не сдаваться без яростного боя, потянулся за ай-балтой, однако, проклятого на месте, за поясом, не оказалось. До последнего похода он никогда не оставлял свой топорик, он всегда был за поясом, так где же он забыл проклятое оружие? Боже ты мой, неужели без молитвы, без обряда он станет презренной жертвой падалычиков?

Не-ет, не умрет Туктибай! Я не умру! Взмою в небо, скачусь на дно седьмого мира! - Хотя он чувствовал, что эти великие слова, которые должны произноситься один раз перед смертью, исходят от него пустым звуком, сам не зная отчего, он продолжал их выкрикивать, не желая останавливаться.

Ар-р-р!.. Ах-ха-ха!.. Не спасешься от меня все равно, не спасешься, ничто не поможет тебе! Стремглав убегающий Туктибай ^{Глава Восьмая} обернулся чтобы посмотреть на чудо - говорящее чудовище - однако к этому моменту волк успел принять облик человека. И не просто человека, а якобы облик - Кабыша. В руке он держал пешню, нацеленную на Туктибая. Тот от страха запнулся о бугорок и упал на снег.

Не-ет! Ты умер! Я видел своими глазами, как ты умер! Ты аруах, ничего мне не сделаешь! — Туктибай хотел подняться, однако суставы, словно склеенные, не повиновались ему.

Кто умер? Я что ли? Пока не отомщу тебе, я не умру! - Кабыш навис над ним, нацеливая свою пешню прямо ему в грудь.

Погоди, Кабыш! — взмолился Туктибай, поняв, что не избавится от преследователя. - Я не хотел убивать тебя. Ты сам во всем виноват. Оттого, что ты не захотел сказать, где зарыта казна Сатыбалды, кровь прилила к моей голове. Вот моя душа, сам не знаю, как это сделал, ничего не помню.

Врешь, животное! Твоя дорога обогрета кровью. Твои дела - насилие! Я не пожалею насильника! - Пешня в его руках сверкнула в свете луны, взметнулась вверх, а затем стремительно опустилась прямо в грудь Туктибая, разрывая плоть.

А-а-а!.. Умираю!..

Туктибай думал, что последний раз в жизни подает голос. Очнувшись в испуге, он не мог поверить, что еще живой. Однако есть, оказывается, чем жить и для чего жить ему. Доказательством этому были всполошенно бьющееся сердце в груди и обрывающееся, стесненное дыхание.

Туктибай какое-то время не мог понять, где он находится. Первым делом он заметил, что рядом нет Кабыша с его ужасной пешней. Вдруг он вспомнил, что является мусульманином, принялся лихорадочно бормотать калиму. Ища просвет в душащей, кромешной мгле, огляделся вокруг, потом бросил взгляд вверх. Он увидел круглый, мутный словно айран, просвет на потолке землянки - пузырь, сделанный из бараньего желудка, и понял, что лежит в доме Кабыша на Караултобе. Мало-помалу вспомнилось вчерашнее происшествие на Караозеке.

Туктибай в тревоге поднял голову. Торопливо ощупывая все вокруг себя, нашел сапоги, в спешке, словно кто-то гнался за ним, с трудом натянул их на ноги. Затем, ощупав изголовье, нашел ремень. В углу чернела какая-то груда, будто затаился враг с оружием, Туктибай в страхе схватил в охапку шубу, верблюжий чекмень, тымак и, спотыкаясь, запинаясь о предметы на полу, кинулся наружу.

Он ползком выбрался на улицу, там, окунувшись в светлые просторы, почувствовал, как отступает от него смертельная угроза, и вздохнул полной грудью, приходя в себя. Затем отполз от землянки шагов на десять, поднялся на корточки, посидел с опущенной головой. Оттолкнувшись от земли обеими руками, поднялся на ноги и выпрямился. Теперь, стремясь скорее изгнать туман из головы, и, чтобы рассеялись остатки страха, заходил по хрустящему снегу туда и обратно.

Чтобы взбодрить онемевшее тело, глубоко, полной грудью вздохнул холодный воздух, потом еще раз огляделся вокруг, заметив, что потихоньку туманные дали проясняются, проступают все яснее бесчисленные штрихи и черты божьего мира. Сначала он увидел сияющее оранжевое полушарие солнца, похожее на половину золотой чаши, зарытой в песок, выступающее над гребнем увала Жыланды. Он с удивлением уставился на солнце.

«Золотая чаша...» Удивительно, как это слово возникло на его устах? Он переминался на месте, словно силясь вспомнить нечто, услышанное где-то. Будто встряхнувшись до темных глубин, сознание как бы освободилось от чего-то, скованное оцепенением тело как-то основательно взбодрилось, задышало свободнее. Оглядевшись по сторонам, присел под куст и справил нужду. Встал, не спеша, оделся, окинув себя взглядом, крепко подпоясался ремнем.

— Было бы из-за чего так пугаться, — пробормотал он сам себе. - Бог ты мой, не зря же говорят: «Сон - помет лисицы». Из-за чего так переполошился, теряя разум, будто Кабыш снова воскрес? Или это оттого, что истоцились силы мои, выносливость моя? Или оттого, что чья-то кровь на моих руках, подвергся проклятью я?

Какое-то время он стоял молча. Затем, подумав: «Раздевшись догола, прыгай в воду», заключил: «Мертвые ушли в мир иной, живые здесь остались. Теперь не стоит из-за этого морочить себе голову. Туктибай не из таких дураков, кто кручинится, сокрушается из-за умершего человека. У каждого своя судьба, и каждый испивает из своей чаши юдоли. Я же не собирался обрушивать на него оружие, по своей глупости он как бы выпросил его. Словно Сатыбалды родной отец ему, не подпустил к его тайне. Я ведь тоже человек, сотворенный из мяса и костей. «Не хочешь сказать? - На тебе!» - ответил я. Выдержки моей хватило именно до этого момента. Говоря по правде, немало натерпелся я. Пусть обижается теперь на себя, а у меня хватает других поводов для переживаний. Если с божьей помощью, посулами и обманом выведаю у Мадины, где золото, и заполучу его, то пусть эти земли увидят только спину мою. Туктибай окажется за кордоном, женится на другой бабе, займет детей. Его монета упадет орлом, и на его улице затеется праздник. Когда он доберется до этого, все, что было здесь, забудется как дурной сон. Самое главное, Туктибай не уйдет из этого брэнного мира без отпрыска, словно засохшее дерево. Лишь бы тайна казны оказалась в его руках, все остальное прибудет само по себе».

Успокоившись, он огляделся. Он обвел взглядом местность, закутанную в снега, словно в белый саван, припоминая все места, которые хорошо знал. С тех пор как Туктибай стал Туктибаем, здесь было совершено немало верных дел, которые теперь могли поддержать его дух.

Вот на юге бескрайнее ледяное поле Улыколя, с желтой кромкой по краям: это густые, высокие заросли камыша.

Вот на севере, похожие на горбы лежащих верблюдов, теснящие друг друга песчаные увалы, их называют Жуалыкум. Жынгылсай, где схоронена казна Сатыбалды, находится там.

Прямо перед ним на востоке длинный увал Жыланды, который, опоясывая Улыкол, дотягивается до рукава Караозека.

Если выйти с Караозека и дойти до подножия Жыланды, то у кромки залива в камышах лежит тело Кабыша.

На западной стороне простираются барханы Богеткума. Его единственное жилище, где с осени укрывался он, находится там. В последние годы долина Богеткума заглохла, стала диким, безлюдным краем, куда не заглядывает ни одна живая душа. Рядом с маленькой землянкой на склоне холма похоронены Сырга, тридцать лет бывшая ему супругой, и единственный сын Ердаулет.

— На бескрайних просторах не осталось хотя бы четырех - пяти домов, - пробормотал он. - Не осталось четырех-пяти домов.

«Еще пять-шесть лет назад в этих краях стояло столько домов, что дым из одного дома, не успев выйти из трубы, касался

другого, и так по всей долине, - с грустью вздохнул Туктибай.

Берега щедрого Улыколя - Великого озера никогда не пусто-вали. Если кто-то сеял пшеницу на поливных землях в пойме, то другие занимались скотоводством или рыболовством, без дела никто не оставался. Как только пошатнулось положение трудяг, дела их пошли из рук вон плохо, баи, не оглядываясь, кинулись в бегство за кордон. Оставшиеся на родине состоятельные люди, истощав, исхудав так, что тубетейке не за что было держаться на темени, поумирали один за другим. Кто не умер, тот уже на смертном одре».

Однако сам он разве не нашел верный способ избежать всех трудностей и начать заново пропавшую было жизнь на другой земле? Только для этого нужно золото, только золото! Ключи же от золотого клада вполне могут быть в руках Мадины. Однако, если сейчас он заведет разговор со скорбящей вдовой о золоте, наверняка в ее душе зародится сомнение. Поэтому должен он, прежде всего, начать разговор о тяготах и мучениях голода, об опасности моровой смерти, напугав ее основательно, намекнуть, что не прочь жениться на ней. С божьей помощью, если проведут они хотя бы одну ночь вместе, остальное уже нетрудно. Нет сомнения, что женщина, доверившая ему честь, не станет жалеть для него золота. Если же не даст согласия на брак, избыю, замучаю детей, заставлю ее плакать кровью. Как бы то ни было, не успокоюсь, пока не получу золото.

Тихая, умиротворенная долина. Безоблачное чистое небо. (олнце, поднявшееся над увалом Жыланды на высоту аркана, разливает особенно яркий проникновенный свет. Казалось, иеликая степь, весь вчерашний день яростно боровшаяся с бураном, обессиленная, теперь отдыхает. Туктибай знал, что если зима проидет, весна начнется сразу же, в один день, паконец-то наступает черед ожить земле под лучами солнца, прогревающими все живое. На душе у Туктибая потеплело.

Глава пятая

Мадина в испуге очнулась от какого-то звука. Сердце со стуком полезло к горлу. Стоило только ей вспомнить, что потеряла мужа, как потолок с пятнышком овечьего пузыря накренился, готовясь обрушиться на нее. Горло перехватило удушьем. Зашевелился Сергазы, Мадине невольно пришлось встать. Двигаясь в полумраке землянки на ощупь, прибрала постель. Убрала посуду, оставшуюся возле очага. С плачем проснулась Куляим, Мадина прижала к себе дочурку, принялась, как обычно, утешать ее, напевая грустную песенку, изливая печаль, и слезы заструились сами собой. Сергазы поднялся с постели, подошел к ней, обнял ее за шею.

Апа, не плачь, я боюсь, - взмолился он.

Я не плачу, жеребенок мой, утешаю твою сестренку, Куляим, - первый раз в жизни солгала Мадина, чтобы не омрачать сомнением душу ребенка. Однако самой от этого легче не стало, напротив, удушьем перехватило дыхание, горе нахлынуло волной, заставив ее содрогнуться. Вся ее душа пылала в черном огне.

Апа, апатай, не пой. Когда ты поешь, мне хочется плакать, - послышался жалобный голосок Куляим, крепко обнявшей мать за шею.

Хорошо, как скажете, птенчики мои. Вот, я перестала... Сейчас положу в казан снег, разожгу огонь в печке. Все напьемся горячей воды, наедемся жареного зерна.

После мольбы Куляим Мадина почувствовала себя еще более обессиленной, нежели раньше. Ну, как не пригорюниться ей, разве не убаюкивала она этой песенкой маленькую дочурку, когда та ночами просыпалась с хныканьем? Зная, что лежит рядом с матерью, ребенок, бывало, разнежившись, засыпал опять, пока не просыпался окончательно. Отец ее тоже любил усыплять ребенка тихой, мелодичной песенкой. Он считал, что мужчине не к лицу высказывать вслух свою любовь и нежность. Обычно, весь озаренный улыбкой, подходил к ней, с наслаждением обнюхивал малышку и, радостный, довольный, уходил по делам. А теперь детишки, слыша пугающий голос матери, с ужасом, умоляюще смотрят на нее.

Набросив на себя верхнюю одежду, Мадина вышла во двор. Она-то считала, что вчерашний буран, хотя и поутих, все же дует, треплет кусты изрядным ветром. Однако на улице царил безмятежная, ясная тишина. Безоблачное, спокойное небо. Над увалом Жыланды поднималось солнце. Она увидела Туктибая, глядящего на восход. На той же стороне Караозек, где в камышах лежит тело дорогого супруга - Кабыша. Попрощавшись с телом, она сама еще вчера вернулась по этой единственной извивающейся тропе. Все это кажется увиденным накануне сном, канувшим в Лету миражом.

Мадина набрала в охапку веток. Занесла домой и сунула в печку. Бросила на тлеющие угли метелку камыша и подула. Огонь разгорелся. В казане осталось немного воды, она взяла старое черное ведро, сходила в сай, принесла снег и положила в казан.

В очаге уже всю пылал огонь. В казане, булькая, шипя, переливаясь через край, закипала вода. Дети, не сводя с нее блестящих глаз, следили за каждым движением матери. Поставила перед ними чашки с горячей водой, в подолы насыпала горсточку жареного зерна:

всем поровну. Когда увидела, что зерна осталось только на доньшке короба, под сердцем остро закололо. «Не зря говорят: беда не приходит одна», - подумала она. Видимо, недалек уже тот день, когда голод запустит кровавые когти в шанырак этого дома. От одной мысли, как быть им тогда, страх ядом разлился в груди, перехватывая дыхание. Чувство незащитности и нищеты так глубоко проникло в сердце, что все тело ее задрожало. Ей уже не хотелось есть, понурившись, она безвольно подошла к постели и опустилась на колени. Со скрипом открылась дверь, и показалась фигура человека в тымаке.

Коке! - радостно вскричал Сергазы и сразу замолчал.

Алакай⁴⁶, коке пришел! - вскочила с места Куляим, и, увидев чужого человека, замолчала, словно ее обдали холодной водой.

Туктибай молча прошел на тор и сел, скрестив ноги.

Помедлив, Мадина поднялась. Она снова сунула руку в короб возле печи. Хотя знала, что на дне короба осталось мало зерна, что нельзя ни горсточку отдавать чужому человеку, она не могла преступить законы гостеприимства, глубоко сидевшие у нее в крови. Забыв о том, что семья ее находится на волосок от гибели, что сама не ела со вчерашнего дня, как в прежние добрые времена учтиво подала Туктибаю горсть зерна.

Туктибай пододвинул к себе свою долю зерна, провел ладонями по лицу, начиная ритуал. Затем заунывным голосом прочел суру из Корана, поминая дух Кабыша.

Услышав имя отца, Сергазы встрепнулся:

Апа, когда коке придет?

Мадина, не зная, что ответить, замешкалась. Заметив это, Туктибай принялся объяснять детям:

Сынок, теперь твоего коке нет. Он не придет, вчера умер, - голос его прозвучал как-то сухо, твердо. Он знал, что это слово резанет по душе Мадины, но решил не смягчать, дескать, пусть привыкает, через недолгое время придется забыть о муже и думать о заботах жизни, которую сама выбрала.

Слова эти словно ножом прошлись по ее сердцу, Мадина сама не заметила, как глухо простонала.

Ты врешь! Мой отец придет! Он ушел ловить рыбу!

Туктибай обернулся, чтобы посмотреть на кричавшего, и увидел худенького мальчугана шести или семи лет от роду с мелкими правильными чертами лица. Это был сын Кабыша Сергазы. «Смотри-ка, а в глазах огонь! - подумал он. - Все же пока окрепнет, нальется силой - столько еще пройдет времени».

Сынок, — сказала Мадина слабым голосом. - Сынок, не перечь взрослому человеку.

Ничего, Мадина, мы тоже растили сына, знаем. Однако Богу было нужно, и Он взял. Мы же знаем характер сыновей... - Туктибай смягчил тон, сел на колени, и голос его снова подтвердил. - Мадина, случайно встретившись с вами, оказался я свидетелем несчастья. Сейчас ведь время такое - люди бродят по степи, чтобы выжить. Теперьюхожу. Перед тем как уйти, хочу спросить тебя кое о чем.

Говорите.

Вот о чем хочу спросить: то, что на дне короба, это все, что осталось в доме, или на черный день все-таки кое-что припрятано у тебя?

Кайнага-ай, откуда у нас быть запасу? Обычно каждый день отец Сергазы приносил парудругую рыбешек для сорпы, тем и питались, теперь и этого у нас нет... - Мадина внезапно задохнулась, будто у нее в горле застрял камешек.

В старину наши деды говорили: «В срок последний человек обратится в прозрачный сосуд, и все, что у него внутри, будет видно другим людям». И я накануне, глядя на тебя и твое настроение, подумал, уж не угрожает ли голод и этой семье? Оказывается, я был прав, - Туктибай говорил степенно, желая показать, что хотя он посторонний человек и не собирается вмешиваться в жизнь другой семьи, тем не менее в делах по дому разбирается. И вновь спросил, чтобы Мадина сама согласилась с ним. - Правду я говорю?

Правду.

И что ты собираешься делать?

Не знаю, кайнага, не знаю, - Мадина кончиком шали вытерла глаза. - Наверное, плохи наши дела. Кажется, нашей семье пришел конец.

⁴⁶ Алакай - детский возглас радости.

В землянке воцарилась тишина. Доносились лишь звуки капли, падающей с навеса и затекающей под дверь.

С этим не поспоришь, это так. Тем не менее мы же люди, живые, с душой. Чем сдаваться без борьбы, надо пытаться что-то делать. Что произошло, то произошло. Кабыш теперь к нам не вернется. Сколько бы ни плакали, его не воскресить. Хочу сказать, что мы сейчас, как две половинки, которые должны соединиться, чтобы сообща бороться с трудностями. Вместе мы можем противостоять смерти.

Не успели похоронить его, как предлагаете выйти мне замуж? Как вы можете такое говорить? Побойтесь Бога, аруахов.

Эй, милая, от какой такой хорошей жизни я это говорю? Я просто болтаю, что в голову взбрело, дескать, как нам дальше жить, как вырваться из когтей голодной смерти?.. Я знаю, что уважаемого азамата надо проводить в последний путь, омыв, одев в белый саван, прочитав Коран над могилой, что надо провести поминки на седьмой день, на сороковой, а в следующий год - ас. Все знаю, все обстоятельства понимаю. Если бы все это произошло в прежние добрые времена, когда жаворонки вили гнезда на спинах овечек, не только не осмелился бы с такими речами подойти к вдове в дни траура, но и сам такого подлеца прогнал бы кнутом. Эх, жизнь, что в наших руках?

Туктибай, делая вид, что чрезвычайно удручен, помедлив немного, продолжил свою речь. Если все, что осталось у тебя, на доньшке короба, подумай, что ждет завтра твоих детей? Хочу сказать я, что, чем искать то, что уже потеряно, надо подумать, как не лишиться того, что имеешь, Мадина.

То, что говорите вы, верно. Разве эта же кручина не разъедает мою душу? Однако смеем ли мы надеяться на вас? Вам, конечно, жалко сирот, но, там, где ее нет, как найдете для них еду? - У Мадины в голове все кружилось, она запуталась в сумятице мыслей. То ли ей надо держаться подальше от Туктибая, то ли, закрыв глаза на все, ухватиться за его пояс и следовать за ним? Не желая показывать, что нервничает, все же с явной тревогой пожаловалась она, понимая, что, сомнения, которые вертелись на языке, вырвались наружу. Найду, Мадинажан, найду. Конечно, не так уж много, хотя и немного, но найду, - Туктибай, видя, что женщину, которую сидела перед ним, невольно потянуло на откровенность, заметно потеплел по отношению к ней. - В доме на Богеткуме спрятано у меня на черный день чуть больше пуда зерна.

Не-ет, кайнага! - в голосе безгрешной Мадины прозвенела серебром особенно трепетная интонация. - Ведь было сказано: «Попрание аруахов к хорошему не приведет». Как я могу осмелиться запятнать свою чистую супружескую постель? Смогу ли я жить, обменяв на еду свою честь? Не придется ли мне всю оставшуюся, выкупленную жизнь проливать горькие слезы?

От таких слов женщины кровь закипела в жилах Туктибая, перед глазами потемнело. Он вскочил с места и метнул на Мадину горящий гневом взгляд.

Хорошо! - процедил он сквозь зубы. - Ладно, я ухожу!

Туктибай направился к двери. Сейчас он выйдет и скроется из виду. В душе Мадины словно все помертвело оттого, что в безрассудстве прогоняет из дома доброго человека, который в час беды встретился ей в безлюдной глуши и протянул руку помощи. Она простерла руки вперед.

Кайнага, подождите! - прокричала ему вслед. Она уже не обращала внимания ни на плач детей, ни на то, что шаль, развязавшись, поползла с ее головы, обнажая волосы. - Не уходите, кайнага! Не оставляйте беззащитных сирот!

Туктибай, державший уже дверную ручку, обернулся. Осторожно ступая, подошел к Мадине. Опустился снова на колени на постель.

Понимаю как тебе нелегко, Мадина, - сказал он. - Однако в этих мучениях мы должны насколько возможно помогать друг другу, иного выхода у нас просто нет. Ну, скажем, смог бы я растянуть, наверное, остаток зерна до какого-то срока, а потом остаток жизни ходил бы с протянутой рукой, не так ли? Если станем жить вместе мы, вечером, как все люди, разжигали бы огонь в очаге, а утром - открывали бы тундук над шаныраком⁴⁷.

Надолго ли хватит горсточку зерна, если нет других продуктов для добавления, а нас - четверо едоков? Эх, собачья жизнь, не позоря имени аруаха, с готовностью отдала бы Богу

⁴⁷ Символ мирной семейной жизни.

душу, пусть и от голода, да что делать? Больше всего страшит меня детский плач, когда начнут голодать они. Конечно, будут плакать они, что делать мне тогда?..

Верно говоришь. Если сиднем сидеть здесь, скромных запасов наших надолго не хватит. Поэтому мы, не затягивая, должны уйти в другие края. Если мы доберемся туда, там станем жить по обстоятельствам.

В другие края? Перебраться к другому народу?..

Не пугайся, Мадинажан. Пойдем туда, где люди сыты, земля благословенна. Не одни мы уходим туда, эти края покинуло множество людей, и еще продолжают уходить. Об этом, наверное, сама знаешь.

Слышала. Однако баи, манапы готовились к откочевке неделями, месяцами, брали запасных коней, как же мы дойдем пешком?

Мы, что ли? Нам ни лошади, ни ослы не нужны. Нам нужно лишь добраться до железной дороги, дальше поедem на отарбе⁴⁸. Слышал я, что сейчас люди уезжают в дальние края, добравшись до нужного места по железной дороге.

Хотя тысячи вопросов обуревали сознание, а сердце разъедала печаль, Мадина хранила молчание. Слышала, конечно, не раз о железной дороге, но поскольку не видела собственными глазами, сказать ей было нечего, и забивать себе голову вопросами, как садятся на отарбу, она не стала. Ничего не сказала она и Туктибаю, который, обмолвившись, что вернется к вечеру, вышел из дому. Не смогла бороться с черной тоской, которая заливала душу горечью, перехватывая дыхание судорогой. Не стала и успокаивать детей, которые молча заливались слезами, словно осознали и прочувствовали глубину горя взрослого человека.

Пусть поплачут, бедняжки, - пробормотала она с горьким чувством. - Плачьте, сирые мои. Кто знает, не в последний раз ли льете от души слезы перед своей матерью? В изнеможении от слез, в тисках глубокой печали, измученная мыслями о близком голоде, Мадина лежала долго. Затем, словно очнувшись, в непроглядной тьме землянки принялась нашаривать руками шубу. Найдя, сунула руки в рукава. Затем присела на колени, на четвереньках пробралась к выходу. Встала на ноги, осторожно ступая, открыла дверь. В ярком свете солнца она вдруг увидела темное пятно на шубе, не замеченное ею раньше. Не веря собственным глазам, нагнулась, чтобы лучше рассмотреть.

Кровь? - пробормотала она. - Боже ты мой, это же кровь!

Чтобы устранить сомнения, не обращая внимания на распахнутую дверь, спотыкаясь, запинаясь, выбралась наружу. Там во все глаза уставилась на полы шубы, затем приподняв их к глазам, рассмотрела вновь.

Кровь! Человеческая кровь! - стиснув зубы, выдохнула она потрясенно. - Создатель, это же кровь отца Сергазы!

С этой минуты уже ничем больше заниматься не могла. Ей чудилось, что ее дорогой муж, все еще живой, лежит в снегу на кромке залива Акку, забросанный камышами, и ждет ее помощи. Сердце ее со стуком рвалось из грудной клетки. Словно, если промедлит еще, то навсегда лишится самой близкой души, она рванулась вперед. Она даже не оглянулась на детей, которые, поняв, что мать снова покидает их, стоя в проеме двери, в страхе заливались отчаянным плачем. Ее не заботило, что от влаги полуталого снега, проникнувшей в сапоги через трещины подошв и стертые стельки, заныло в суставах ног. Обычно на открытых просторах она дивилась красоте бескрайней природы, ее бесчисленным проявлениям. Но сейчас она не обращала никакого внимания на жаркое солнце, рассылающее яркие лучи, на талую воду, которая по склонам увалов сочилась капля за каплей, стекала струйками в низины, поблескивая сверкающими нитями. Сейчас ей не были интересны ни бескрайние дали на западе, дремлющие под солнцем, ни снежная крупа, нанесенная вчерашним бураном, сегодня осевшая темноватыми впадинами, и начавшая уже подтаивать, ни барханы далеких Кызылкумов, снова запестревшие прогалинами. Для нее сейчас осталась одна цель - добраться до подножия увала Жыланды, осмотреть еще раз место, где лежит ее муж. Мозг сверлил один вопрос - откуда кровь на ней, как она появилась, что это за тайна? Эта загадка, поймав ее в сети, заманила в самую пучину сомнений, мучая ее.

⁴⁸ Отарба - так казахи называли поезд.

До этого Мадина не сомневалась, что муж умер от болезни, ведь, когда уходил из дому, был он недужный. Но как только пятно крови попало ей на глаза, сомнение, вспыхнувшее в душе, заставило ее задуматься. «Что же произошло? - думала она. — Неужели кто-то пустил в ход оружие? Или он стал случайной жертвой кого-то из многих, оголодавших, кто бродит по округе, кто захотел отнять у него пойманную рыбу? Однако отец Сергазы сам отдал бы, если бы попросили».

На полпути сильное солнце запоздавшей весны, гревшее лицо Мадины, заставило почувствовать тяжесть одежды. Ей опять не хватало воздуха. К тому же вышла она в дорогу, не поев, ноги промерзли от влаги, обильный пот прошиб ее с ног до головы. От всего этого перед глазами все шло кругом, и ее начало трясти. Все же она не останавливалась, ни разу не опустилась на снег, чтобы перевести дыхание. Не как раньше, силы стали изменять ей, ноги были как ватные, едва слушались ее, она брела и брела, словно в тумане.

Ко времени большого саске, когда уже пришло время, Мадина, вышедшая из Караултобе, с трудом дошла до спуска с увала Жыланды. Затем, не останавливаясь, пересекла заросли камыша, направляясь по береговой кромке огромного озера Улыккол к бровке залива Акку. Двигаясь по узкой тропе, дошла до берега озера, где чаща начала редеть, и замерла. Не остановиться ей было нельзя. Под размякшей снежной кашей гладкой доской простиралось ледяное поле, скользкое, словно смазанное маслом. Боясь оскользнуться и упасть на лед, Мадина осторожно засемила ногами. Она схватилась руками за ближайшие стебли камыша и посмотрела вниз, не видя даже носков своих сапог, которые тонули в изрядно подтаявшей снежной жиже. Все же, стремясь дойти до ледяного поля Акку, чтобы осмотреть место, где лежал Кабыш, она сделала вперед два-три шага, и тут же ноги ее разъехались. Резко подавшись вперед, она успела подставить одно колено, уперлась и снова с трудом поднялась.

Колено, которым сильно ударились о лед, начало ныть, кроме того, упав, она окунулась в ледяную воду, из-за этого морозная дрожь начала пробираться ее до костей. Если двигаться дальше вперед, неизвестно, сколько раз еще предстоит ей упасть, сколько раз окунуться в обжигающую холодом воду. Все же, несмотря на это, она хотела идти дальше, однако икры ног начало сводить судорогой.

Мадина, чтобы опять не поскользнуться на льду, повернула назад. Прихрамывая, задыхаясь от нехватки воздуха, принялась взбираться вверх по склону. Сначала она вышла из луж красноватой талой воды, разлитой поверх льда. Затем выбралась из сплошных чащ камыша, мешавших идти, цеплявшихся за ноги. Выйдя на открытое место, несмотря на то, что зуб на зуб не попадал от холода, сняла шубу, положила на снег и села сверху. Стянула с ног сапоги и вылила воду из голенищ. Выжала воду из портянок, юбки, торопливо оделась. Даже одетая, замерзла настолько, что не могла стоять на одном месте. И тогда она вынуждена была направиться обратно по узкой тропе, ведущей на запад по склону увала Жыланды. Она удалялась от ледяного простора Акку.

Мадина к вечернему намазу с трудом дошла до своей землянки на Караултобе. Понимая, что, если зайдет домой, то вряд ли сможет выйти наружу, она набрала во дворе хворост.

Увидев хмурое лицо матери таким тяжело насупленным, каким они раньше его не видели, оробевшие Сергазы и Куля- им не осмелились кинуться навстречу. Заметив это, удивленная Мадина замерла у двери, коротко зарыдав, бросилась к детям и прижала их к груди. Сняв влажную одежду, разожгла в печи огонь. Насыпала детям в подолы жареное зерно. Поставила сапоги сушиться в нишу печи, рядом расстелила портянки. Хотя у самой никакого аппетита не было, положила в рот горсточку зерна и принялась жевать. Ожидая, пока закипит в казане вода, она присела возле зева печи, грея возле огня руки и ноги. Она делала это так же, как делал, вернувшись с рыбалки, Кабыш. А когда закипела вода в казане, долго прихлебывала горячую воду, пока крупные капли пота не выступили на лбу.

Мадина понимала, что если ненароком заболит и сляжет в постель, то наступят самые черные дни для ее маленьких детишек. «Чего бы это ни стоило, я должна ради них держаться на ногах», - думала она. Надеялась она, что кипяток изгонит из нее хворь, дала хлебнуть горячей воды и детям, чтобы во рту у них не пересохло. Однако по их тускловато-горестным лицам было видно, что они не особенно удовлетворены пустой похлебкой, которая не могла их насытить. Вдруг Сергазы подошел к матери.

Аиа, когда наш коке придет? Тот дяденька в чекмене скачал, что коке не придет. Он же врет, да, апа? - сказал он.

Мадина поняла, что под словами «дяденька в чекмене» Сергазы подразумевает Туктибая, на сердце снова стало невыносимо тяжело. Однако не решилась обманывать ребенка, зря обнадеживать его.

Теперь ваш коке не придет к нам, - стиснув зубы, задыхаясь, произнесла она. - Вашего коке нет.

Обманываешь! Наш коке ловит рыбу, - закричала Куляим, не желая ни верить словам матери, ни слышать их. - Коке придет! Он принесет рыбу. Потом мы напьемся сорпы, наедемся мяса сазана.

Мадина ни слова не сказала в ответ. С трудом поднялась, передвигаясь в землянке, затопляемой густыми сумерками, на ощупь постелила себе и детям. Несмотря на усталость, от которой дрожали все жилы, все суставы ее тела, она нашла кебисы⁴⁹ на привычном месте, надела их и вышла наружу. **Глава восьмая**

Степь закуталась в вечерние сумерки. Взяла в охапку хворост и зашла домой. Чтобы высушить их, положила грудой возле печки. Больше дел у нее не было, и она, стоя на месте, погрузилась в раздумье. «Неужели мне придется подчиниться воле чужого мужчины, выполнять его прихоти?» Ее начала бить дрожь, она не заметила, как вырвалось у нее это.

-Я... я... хотя бы, в конце концов, попрошу подождать, пока не будет погребено тело отца Сергазы.

Конечно, она скажет это, однако посмотрит ли Туктибай на отговорки женщины? Голодный мужчина - все равно, что разозленный волк. Дескать, сказал - все, решил - назад ходу нет. Хочешь внять - вот, не хочешь - вон! И что говорить ей тогда? А если заденешь его честолюбие за живое, кто поручится, что не махнет рукой и не уйдет себе восвояси? А если Туктибай уйдет прочь, можно сказать, что ее шанырак обрушился окончательно. Давно ушло в прошлое то время, когда она могла капризничать, ставить условия, мол, за знающей себе цену женщиной нужно ухаживать, приударять за ней, добиваться ее согласия. На дворе-то тяжелое время невзгод. Если ненароком, по недомыслию упустит она возможность, которая сама идет в руки, разве не будет потом сокрушаться, гореть огнем раскаяния?

- Создатель, как быть, что мне делать?.. Не согласиться ли с предложением Туктибая, не обращая внимания на его порой резкий, высокомерный тон, дескать, ничего не поделаешь, судьба? Дорогой мой арыс, встав на этот путь, испивая из чаши юдоли, со дня потери чести твоя Мадина станет жить на этой земле только для того, чтобы спасти от голодной смерти твоих маленьких детей. И вот сейчас, словно в ожидании ангела смерти Азраила, наострив уши на любые звуки с улицы, ждет чужого человека твоя несчастная жена!

Мадина, бормоча себе под нос эти слова, сняла камзол и легла в постель. Привлекла детей к себе, накрылась одеялом. Какое-то время лежала, в горячем уповании моля Аллаха, чтобы Туктибай не пришел. Вдруг, испугавшись своей просьбы, замолчала. А затем стала погружаться в бездонную, словно сама бескрайняя ночь, черную тоску по любимому, безвозвратно потерянному человеку - Кабышу.

Глава седьмая

Пролежав несколько часов без сна, Мадина очнулась от того, что сердце болело, и ей не хватало воздуха. По полумраку, серым разливом стоявшему в землянке, она поняла, что начало светать. Однако вставать не хотелось. Она боялась, что если начнет двигаться, дети проснутся.

Издали доносились звуки чьих-то шагов. Мадина резко подняла голову, затаив дыхание, чутко прислушалась. Нет, ей не показалось. Без всяких сомнений похоже на звук шагов человека. Шаги стали слышнее, приближаясь к землянке. «Кто это? - подумала Мадина. - Или нежданно-негаданно идет к ней на Ка- раултобе неизвестный спаситель, чтобы вызволить ее и детей из лап голодной смерти? Или это Туктибай? Кто бы ни был, идет он сюда. С какой бы целью не шел, может оказаться дома».

У Мадины не было никаких сил ни радоваться, ни гневаться. Все же тревожное предчувствие говорило о приближении чего-то неприятного для нее. Однако она даже не

⁴⁹ Кебисы - легкая женская обувь.

шевельнулась. Предрассветный морозный воздух доносил, усиливая, звуки чьих-то ног, прислушиваясь к этим шагам, она словно окаменела, затаив дыхание.

Пришедший обошел землянку с западной стороны, подошел к двери, и тогда Мадина поняла, что это Туктибай. Она не стала подниматься, чтобы встретить его, продолжала лежать. Она осталась неподвижной даже тогда, когда Туктибай снял с плеч какую-то ношу и поставил возле постели. Нет, она лежала без движения не потому, что так хотела, просто каменная тяжесть придавила ее к постели, руки и ноги были будто гвоздями прибиты.

Хотя и не видела глазами, но Мадина чувствовала, что Туктибай повернулся и вышел во двор. Через некоторое время он вернулся с охапкой хвороста. «Что делать ему, бедняге, - подумала Мадина. - Кому не хочется жить? Иначе стал бы пожилой человек всю ночь пробираться по глубоким снегам с далекого Богеткума, надрываясь, не жалея себя, чтобы прийти к раннему утру? Эти ветки, наверное, наломал где-то недалеко от землянки».

В землянке посветлело, похоже, что заря занялась над горизонтом. Туктибай сделал из жынгыла, занесенного вчера Мадинной, растопку, запалил ее и заполнил печку толстыми сучками. Спотыкаясь, задевая посуду, собранную в закутке возле печи, нашел ведро. Поскрипывая железной ручкой, вышел из дому. Вернувшись через некоторое время, вывалил снег в казан. Только после этого, усевшись возле очага, начал раздеваться.

Мадина поднялась с постели. Проснулись и дети. В примычке было у детей с утра льнуть к матери, нежиться у нее на груди, однако на этот раз они не стали этого делать. Не беспокоили ее и обычным плачем. Увидев ушедшего вчера человека, который сидел возле печи и сушил портянки, они, насупившись, молчали.

Мадина зачерпнула кипящую воду из казана и разлила по кесешкам, расстелила дастархан и поставила на него чашки. Как всегда, вытащила из ниши короб и насыпала детям по горсточке жареного зерна.

Сергазы и Куляим мигом проглотили свои порции и сидели теперь, облизываясь и причмокивая губами. Заметив это, Туктибай сказал:

- Мадина, дай детишкам еще. Пусть сегодня наедятся досыта.

Мадина молча встала и насыпала детям еще по горсточке. Она почувствовала благодарность Туктибаю за его заботу о сиротах, и у нее на сердце потеплело.

Не смог прийти вчера, - перевернув кесе перед собой, сказал Туктибай. - Не смог потому, что земля размокла. Талая вода текла повсюду, и я промочил ноги, промерз так, что холодом пробрало с ног до головы. Пока грелся дома, сушил одежду, наступил вечер. Боясь волков, бродячих псов, остался ночевать дома. Сегодня, махнув рукой на опасности, вышел в путь с утра пораньше. Задумывал идти по замерзшей земле. Однако не тут-то было: земля чуть схватилась по верху корочкой, а под ней сплошная хлябь. Оказывается, даже ночью повсюду тает снег. Если будет стоять такая теплынь, снег стает за четыре-пять дней, и земля вся откроется.

Глухой размеренный голос Туктибая отдавался во всех углах землянки. Мадина промолчала. С улицы доносилось отчетливое постукивание капель, падающих с навеса над дверью дома.

Как только земля подсохнет, - продолжил говорить Туктибай. - Должны мы собираться в путь-дорогу. Этого небольшого запаса зерна, который я принес с собой, должно хватить нам на дорогу. Добравшись туда, мы должны что-то обменивать на продукты. Ты думаешь, там нас ждет отец родной? Эх, если бы у нас было золото, серебро, чтобы захватить с собой... Помнишь, Мадина, как-то раз, догнав тебя на лошади, показал тебе кусок золота? Ой-хой, вот были времена! Если вспомнить то время, понимаешь, что было то благоденствие. Верно говорится: «Сытость, к чему только не толкает человека, голод, что только не заставляет есть».

Мадина с заметным смущением кивнула головой.

Напомнив о прошлом, заставив согласиться со сказанным, Туктибай продолжил свою историю:

То самое золото как-то отнес Сатыбалды. До этого слышал от людей, что Сатыбалды копил золото. С одной стороны опасался, что пустые разговоры это. Но говорят же: «Нет дыма без огня» - слухи все же оправдались. Сатыбалды взял в ладонь золото, взвесил, даже на зуб попробовал, потом спросил: «Что хочешь за это железо?» При этом он пронзал меня взглядом, словно все видел насквозь. Ведь у этого добрейшего человека все же была в

характере некая суровость. Раз сказал он «железо», думая, что и гроша не стоит то, что принес я, «Что я могу просить? Я не пришел торговаться с Вами, какую цену сами назначите, с тем и соглашусь», - сказал я. «Раз так, идем за мной, - сказал он и привел меня к косяку знаменитых на весь край саврасых коней. - Выбирай, что по нраву тебе». Одна яловая нагульная кобыла паслась в стороне. Я показал на нее. Ни слова не сказал он. Приказал жигитам поймать ее и отдать мне. Я и не думал, что кусок железа, завалившийся у меня в кармане, стоит одной хорошей кобылы. В то время, обрадованный удачной сделкой, я не понимал, что не только скот собирать надо, но и казну. Разве думали мы тогда, что рано или поздно придет время, когда лишимся не только богатства, но и даже последней вонючей клячи? Сатыбалды же, будто святой, предвидел все, - Туктибай помрачнел, грустно покачал головой, словно сокрушаясь по поводу своей недалекости. Сутулясь, став словно бы меньше ростом, он продолжил свой рассказ:

- Припоминаю, примерно месяц назад встретились мы с Кабышем по дороге. Покойник же был человеком очень открытой души. ^{Глава восьмая} Стоит встретиться, - готов обнажить душу, выложить все о своем житии-бытии. После обычных приветствий мы разговорились о том и о сем, говорили долго. Затронули тему положения народа, всей казахской земли. Говорили и о трудностях, переживаемых населением нашего края. Коснулись и темы переезда в другие края. Тогда покойник поддержал меня: «Ага, ничего не пожалею ради этого. Вот моя рука, куда вы, туда и я. Только помогите избавиться от когтей голодной смерти. Если вы не против, мы можем забрать казну Сатыбалды, что в Жынгылсае». Однако в то время у меня духу не хватило принять такое решение. К тому же помнил поговорку: «Слышал, что где-то есть много золота, пришел - там только копейка». «Хорошо, если уведешь за собой в далекие края семью, худо- бедно, но пообвыкшую тут, и обретешь там довольство, словом, как сыр в масле... А если нет - тогда позор прилипнет к имени Туктибая», - вот так подумал я и пошел себе восвояси. И вот в трудные времена, когда стало ясно, что не выживу, решил попытать счастья я, авось в чужих краях будет не хуже, да не суждено, видимо, было - не думал, что ждет меня страшная потеря, что буду каяться о своем малодушии.

Туктибай, заметив, что Мадина, при одном только упоминании имени Сатыбалды и его казны вздрогнула и подняла голову, обрадовался. «Знает тайну казны, - подумал он, укрепившись

Думаешь, я не знаю, что мне будет легче, если ты пойдешь со мной? Ну, хорошо, пошла ты. Ну, ладно, оплакала. Ну, похоронила, истекла слезами, обессилела, заболела, слегла в постель. Что потом? Потом прикончим сообща оставшиеся запасы и положим зубы на полку? Не-ет, сейчас же такое время, когда нельзя отвлекаться на постороннее, иначе можно потерять голову. Не забывай, что находимся между огнем и водой. Впереди нас ждет долгая дорога в безлюдной глуши, когда днем и ночью ты в пути. Лучше подумай, обмозгуй еще раз, как нам выжить тогда. Поломай голову над тем, как будешь готовить еду по дороге без казана, без очага.

И что вы мне предлагаете делать? - буркнула упавшим голосом обиженная Мадина.

Что бы мне тебе сказать? Вот это зерно надо перемолоть на муку, выпечь хлеб и прикрыть чем-то. Прямо сейчас принимайся за это дело.

Мадина, стиснув зубы, хранила молчание. Словно говоря ей: «Я свое сказал», - Туктибай со скрипом открыл расшатанную дверь и вышел, захлопнув ее. В глаза хлынул яркий свет. Туктибай прикрыл их рукавом, постоял так минуту, выжидая. Через некоторое время глубоко вздохнул и расправил плечи. Запрокинув голову, посмотрел вверх. Огромное ослепительное солнце, заливая возвышенность прямыми лучами, взобралось в самый зенит безоблачного синего неба прямо над Караулто- бе. Небольшой пятючок черной земли перед землянкой, зыбко проваливаясь под ногами, разжижился. Снега, не так давно бывшие плотными, теперь ноздревато осевшие, разъеденные вчерашней оттепелью, потемнели, словно пепел, и во многих местах отступили серыми язычками. Южные склоны высившихся на севере увалов повсюду обнажились, чернея свежей дымящейся землей. Только под кущами кустов в тени все еще белели нетронутые снежные завалы.

Туктибай понял, что, к несчастью, сколько бы ни пришлось идти ему, все время придется брести в воде, и все же, несмотря на это, двинулся в сторону Улыколя, к огибающему его заливу Акку.

«Она хочет подчинить меня себе, чтобы я все время ходил по ее указке, - подумал он про Мадину. - Когда люди мрут, словно мухи, она далеко не против погрузиться в свою кручину, предаться горю. Видать, баба, питавшаяся рыбьей ухой и мясом, все еще в теле, показывает норы. Подожди, посмотрим, проживешь у меня хотя бы неделю на простой воде, на щепотке черна, забудешь не только мужа, но и знать не будешь, куда преклонить голову свою».

Спускаясь по склону увала Жыланды, оскальзываясь, Туктибай замедлил шаг. Сумятица мыслей, кипевшая в голове, улетучилась, и он чувствовал, что из-за слишком теплой и тяжелой одежды сильно потеет. Теперь сапоги-саптама, со вчерашнего дня впитавшие влагу, холодили ноги сыростью. Портянки уже отсырели и вызывали ломоту в суставах ног. Однако, ощущая это, он не стал останавливаться. Его не задержала ни талая красноватая вода, разлившаяся по берегам озера, ни цепляющиеся стебли камыша, которые во многих местах упали на единственную узкую тропу. Он упрямо шел к своей цели, решив до захода солнца завершить задуманное дело.

Глава восьмая

Туктибай, следуя за красными пятнами крови, не сразу нашел тело Кабыша в густых камышах. Затем он понял, что пришел без инструмента и ему нечем колоть лед. Он постоял немного и вдруг вспомнил про пешню Кабыша, которой тот ударил его. В поисках пешни двинулся в сторону Караозека. К счастью, искал недолго. Пешня лежала на другой стороне Акку прямо на снегу недалеко от тропы. Обрадованный нечаянной находкой, принялся рубить лед рядом с телом Кабыша. Хотя поверху плескалась вода, лед оказался основательно толстым. Работая без устали, к вечернему намазу с трудом вырубил изрядную полынью, в которой могла бы поместиться колода. Затем немало пришлось потрудиться над тем, чтобы расширить полынью. Когда на глаз стало ясно, что в ней поместится тело, бросил пешню и приволок тело. Взгляд его упал на спину трупа, и он невольно содрогнулся. Удар его топора разрубил нижнюю часть лопатки. В разрезе шубы, распоротой, словно ножом, виднелась красная, разъятая плоть.

«Смотрите-ка на чертяку, семижильный, - пробормотал он. - С такой раной дошел сюда аж из Караозека».

Затем, словно боясь, что если промедлит, - из зарослей камыша выйдет кто-то и возьмет его за горло, поволок труп по льду и столкнул его в прорубь. После этого взял пешню и направился в сторону Караултобе.

По вековому обычаю женщине в трауре, чтобы выплакать горе, облегчить тоску, ядом разъедающую грудь, полагалось исполнить жоктау. Поэтому, увидев в вечерних сумерках Туктибая, входящего в землянку, Мадина пошла навстречу, чтобы соблюсти обычай. Однако, заметив, какой мрачный, нелюдимый вид был у Туктибая, прикусила язык, не проронив ни слова. «Что делать, мы же собираемся спастись от голода за счет Туктибая, не стану затрагивать его мужское самолюбие, не дай Бог, вспылит», - оробела она. «Если надо сказать, скажет наверняка сам», - подумала она. Однако ее ожидания не оправдались.

- Похоронил.

И все. Больше ни слова не проронил он. Туктибай с жадностью выпил простую аталу без гущи, которую подала Мадина, и, не произнеся ни слова, вышел.

В темноте, двигаясь на ощупь, Мадина постелила себе, детям и Туктибаю. Уложила спать детей, последние два дня все же они ели досыта. Сама молча разделась и легла под одеяло.

И только тогда, растянувшись в постели, она почувствовала, как устала сегодня до изнеможения. Только сейчас дало о себе знать то, что весь день, как только Туктибай ушел к заливу Акку, без передышки то молола зерно в жерновах, то рубила дрова, то поднимала казан. В уме она подсчитала, что еще два дня придется крутить старые жернова.

В черном зеве печи зловеще светился только один уголек, похожий на сверкающий глаз неведомого зверя, молча наблюдающего за тем, как течет жизнь в этой одинокой землянке. А ведь прошло времени немало с тех пор, как яркий свет, отбрасываемый яростным огнем в печи, то усиливаясь, то ослабевая в борьбе с темнотой, в конце концов, нехотя сдался натиску тьмы. Сейчас во мраке жилища ничего не ощущалось, кроме тихого дыхания спящих

детей.

Туктибай старался не уснуть, хотя никогда в жизни не уставал так, как сегодня. Он заметил, что Мадина, видимо, смирившись со своей судьбой, стала более покладистой. Он увидел, что там, где другая женщина подняла бы вопль, заходясь в траурном плаче, Мадина не издала ни звука. Тем самым уstraшенная голодом женщина дала понять, что ради спасения семьи готова принять ниспосланное судьбой. Конечно, Туктибаю нелегко было добиться от нее такой податливости. Где словами, где руганью, хмуря брови, он делал все, чтобы подчинить ее себе. Для этого он применил весь опыт, все знание своей жизни. В критическое время он без сожаления выложил даже запасы зерна, которые берег как зеницу ока. Как бы то ни было, он не сделал ничего, что могло бы обидеть ее. К счастью, все эти его усилия, кажется, не пропали даром. Убитая горем баба, еще вчера в плаче-причитании готовая разодрать себе лицо, не прошло и двух дней, как ведет себя смиренно, кротко. Теперь, пока она подчиняется ему, нельзя упускать времени, нужно полностью подчинить ее. А когда взнуздает ее, ключи от казны сами собой окажутся в его руках.

Мадина, - произнес он тихим, еле слышимым голосом, стараясь не разбудить детей.

Хотя Мадина лежала в ожидании чего-то, при звуках голоса Туктибая она вздрогнула. Хотела ответить, но скулы были словно склеены чем-то.

Мадина! Не уснула ли ты?

Что, кайнага?

Милая, подойти ко мне. Иди, иди. Не бойся. -А?..

Эх, было бы другое правильное время, был бы жив муж, она ответила бы по-другому, но сейчас у нее иного выхода нет. Под каким предлогом, как ей не пойти на его зов?

Подойди поближе, надо посоветоваться.

Мадина поневоле поднялась с места. Может быть, потому, что воля чуждого мужчины грубо принудила ее встать и оставить нагретую постель, она ощутила, что руки и ноги подрагивают. Но и тогда, собрав все силы, чтобы не упасть, на ощупь прошла мимо изножья детей, подошла к постели Туктибая и присела на колени. Не успела сесть поудобней, как Туктибай, шаря в темноте, схватил ее за локоть. Дрожь пробежала по телу Мадины, она напряглась, однако сил у нее не было, чтобы сопротивлением ослабить цепкую хватку мужских рук. И как ей сопротивляться? Разве не сама надрывным голосом позвала вчера Туктибая, когда тот, намереваясь уйти, прощаясь, повернулся к двери? И разве не говорил ее беспомощный, жалобный голос: «Не уходи! Что бы ни делал, буду покорной?» Не глупо ли будет, если сейчас она станет противиться? А если Туктибай, «мол, не поддалась ты мне», молча встанет, соберет всю еду, что дома, сложит в мешок и уйдет себе восвояси, что делать ей тогда? Не полетит ли кувырком со своими безмятежно спящими детьми в пучину голодной смерти? Это равносильно самоубийству, не так ли? И что тогда делать ей? Что будет разумным для нее? Согласиться с тем, что ляжет в объятия другого мужчины, отдаться ему в день, когда Туктибай предал земле ее мужа? Забыв про суженого? На минуту Мадина оказалась как бы в другом мире, в мире бессознательности.

Ты чего сидишь сиднем, Мадина? Ложись рядом, - Туктибай подвинулся, освобождая место рядом с собой, и привлек женщину к себе.

Кайнага, подождите немного. Еще успеем и полежать и встать. Все успеем. Я же подневольная ваша, на все согласная. Только не принуждайте меня, пока не покинем Караултобе.

Подневольная, говоришь? Хочешь сказать, что с моей стороны это насилие хищника? - зло произнес Туктибай. - Хорошо, пусть так, не буду спорить. Понимаю, что наложить руку на жену человека, только что преданного земле, это насилие. Но что делать? Если бы Кабыш был жив, и мы, заимев казну Саты-балды, перебрались бы на земли другого народа, разве стал бы я так унижаться?

Услышав дрожащий от злости голос Туктибая, Мадина залилась беззвучными слезами. «Боже ты мой, - думала она в тоске о муже. - Боже ты мой, когда небо и земля на своих местах, как же ты так оплошал, что попал в лапы смерти?»

Вдруг Мадина засомневалась, вся похолодев от тревожной мысли: «Не в связи ли с казнью Сатыбалды случилось что-то с Кабышем?»

И она даже обиделась на покойного мужа: «Почему скрывал от меня то, что известно посторонним людям?»

Затем завладело ее душой подозрение: «Или Туктибаю от кого-то стал известен этот слух, и он соловьем разливается передо мной, чтобы вызвать на откровенность, а на самом деле это его очередная хитрость».

Она попыталась успокоить себя: «Отец Сергазы не хотел морочить мне голову затеей, из которой ничего путного не вышло бы». Иначе стал бы он говорить: «Об этой казне никто, кроме меня и Сатыбалды, не знает».

Сейчас для меня и золото и серебро - это ты, Мадина. Поэтому небольшие запасы зерна, которые для меня дороже яхонтов, я принес тебе. Ты молода, я же уже стар. Завтра, когда мы окажемся среди сытого, благополучного народа, найдется немало таких, кто положит глаз на тебя. И если ты тогда ответишь кому-то взаимностью, я не хотел бы оказаться в глазах людей безмозглым дураком. Поэтому, пусть простят Бог и аруахи, сегодня мы должны сблизиться.

Мадина поняла, что избавиться от домогательств Туктибая, похожих на пытку, будет нелегко. Затем в смятении подумала: ^{Глава восемнадцатая} «Если казну, которая не принесла пользы ни Сатыбалды, ни Ка-бышу, буду скрывать и я, к чему это приведет? Скажу ему и доберусь до хлебного народа. Так я избавлю от голодной смерти своих детей...».

Подождите, кайнага! Не волочите меня. Говорите - подчинись без принуждения, могу ли я, несчастная, противиться Вам? Все же есть один разговор к Вам. Если дадите слово, что не будете принуждать, я могу сказать.

Что за разговор?

Про казну Сатыбалды.

Хорошо. Даю слово.

Казна Сатыбалды в Жынгылсае.

Хорошо, это понятно. Но Жылгылсай же большая лощина.

Отец Сергазы говорил: «Казна на северо-западе лощины под большим обрывом под двумя кустами песчаной акации».

Кисти Туктибая, железными пыточными клещами сжимавшие локоть женщины, разжались, отпуская ее.

Избавившись от плена туктибаевских рук, Мадина почувствовала себя птицей, вырвавшейся из силков, она быстро поднялась, подошла к своей постели и улеглась. Улегшись на свою постель, она почувствовала, как нахлынули на нее волной тревожные сомнения, беря в полон ее душу. Поразмыслив, она как будто поняла, что напрасно выдала Туктибаю тайну казны Сатыбалды. Может быть, она ошиблась, сделала опрометчивый шаг, желая спасти свою честь? «Теперь, когда у нее нет мужа, к чему ей честность и чистота? Какая польза от них?» - корила она себя. Продолжая размышлять, она пришла к выводу, что отнюдь не случайно Туктибай все время намекал о золоте, приводя разные примеры, здесь скрывается что-то непонятное. «Когда все богатство окажется в его руках, не покажет ли волчья зубы?» - обдало душу холодом сомнения. Забыв об усталости, Мадина до поздней ночи лежала без сна. Затем она попыталась успокоить себя: «Пропади пропадом это богатство, собранное по копейке. Если оно не принесло счастья Сатыбалды, то кому будет польза от него? К чему морочить себе голову, жалея проклятую казну?»

Глава девятая

Нутро, истерзанное голодом, пылало словно в огне. В черной-пречерной землянке как будто, кроме нее, нет ни единой живой души. Со скрипом открылась дверь, она приподняла голову, взгляделась и будто бы увидела отца Сергазы, который стоял на пороге, прислонившись к косяку. Лицо у него хмурое, темное, будто опаленное пожаром. Он стоит столбом, ни слова не говоря. Мадине мнилось, что она вскочила и кинулась в объятия мужа. Однако движения были замедленными, бессильными, протянутые вперед пальцы беспомощно дрожали...

Отец Сергазы, оказывается, ты есть на белом свете, живой. Арыс мой, выходит, труп, лежащий на льду Акку, не твой, а совсем другого человека. Милый мой, зря я боялась, утопая в тоске, горевала, что навсегда потеряла тебя. Отец Сергазы, почему ты молчишь и ничего не говоришь мне? Или ты недоволен, что Сергазы и Куляим убежали играть на улицу? Я же, когда ты сильно припозднился, вышла искать тебя, - как не силилась Мадина дотянуться, ее руки никак не могли коснуться мужа. Невзирая на это, видя, что он живой, она заливалась слезами счастья. Что-то говорила, желая объяснить, как измучилась от тоски

и горя, захлебывалась потоком слов. Вдруг муж показал пальцем на постель, на тор, где грудой лежал прикрытый корпе человек, и словно бы спросил:

Кто это?

Ой-бай, это же кайнага Туктибай!

Мадина, меня привел к смертному часу этот Туктибай. Кажется, в конце концов, всех нас доведет до ручки Туктибай.

Муж совершенно ясно дал понять, что рассержен, повернулся и ушел. Сколько не молила его Мадина, он и головы не повернул, в отчаянии она кинулась догонять его, однако он не дал приблизиться к себе, растаял в тумане призраком.

И это был сон, и в этом сне Мадина заливалась горьким плачем, душа ее горела черным огнем, истекала кровью. Подушка ее, словно шуба, оставшаяся на улице под осенним дождем, отсырела от слез. И она, задыхаясь, будто бы не во сне это было, а наяву, продолжала умолять мужа:

Отец Сергазы, что ты хотел мне этим сказать? ^{Глава восемнадцатая} О чем ты предупредил?

Придя в себя, Мадина посмотрела в сторону тора. Туктибай лежал, беспокойно ворочаясь. И она почувствовала неприязнь к нему. Ей даже захотелось скорее выгнать его из дому. Однако она опомнилась, говоря себе: «И что это я готова поругаться с человеком из-за увиденного во сне? Нет, это будет постыдным». Так она успокаивала себя, с трудом подавляя гнев, который вдруг вырвался из глубин сознания. Она увидела, как Туктибай встал, оделся, маяча в сумраке, тенью двинулся к двери. Вот он уже вышел. Мадина посмотрела на потолок, где тусклым кругом виднелся бараний пузырь окошка. Видать, еще не рассвело. «Бедняга, что за нужда погнала его в такую рань из теплой постели?» - с раздражением подумала она. Сама же хотела вновь уснуть, однако не могла сомкнуть глаз. Все-таки она продолжала лежать. Сердце все еще было в плену тоски, пережитой во сне, и она не могла до конца освободиться от облака щемящей темной печали.

Через некоторое время вернулся домой Туктибай, он нес охапку хвороста. Ломая о колена толстые ветки жынгыла, заложил их в печку и разжег огонь. Взял ведро, сходил за снегом, скрипя ручкой, вывалил его в казан. Затем, раскорячившись, сел перед огнем и принялся сушить портянки.

От шума и треска проснулись дети. Они выбрались из постели и уселись поближе к огню. Пришлось встать и начать одеваться и Мадине.

А-а, встали? - бодрым голосом сказал Туктибай. - Хорошо, что поднялись. Скоро и солнце покажется. Пока мы напьемся кипятка и поедим, солнце выйдет из-за горизонта. Пока доберемся до Жынгылсая, будет близко и к полудню.

Как он и сказал, когда они, покушав, вышли на улицу, солнце на высоту конских пут поднялось над увалом. Безветренный умиротворенно-тихий мир колыхался под его лучами, словно чистая слезинка.

Почему легко оделась? - сердито сказал Туктибай, беря в руки лежавшие у двери пешню и кетмень Кабыша. - Поторопись, уходим, надо успеть до сумерек.

Мадина вернулась в землянку. Сначала одела детей. «Пусть подышат свежим воздухом», — подумала она. Затем накинула на себя шубу и вышла, ведя за собой детей.

А их зачем привела? - недовольно посмотрел Туктибай на Сергазы и Куляим.

На улице тепло, пусть прогуляются с нами...

Сейчас нам не до прогулок. Пусть останутся, - Туктибай взвалил на плечо пешню и кетмень и двинулся в сторону Жын- гылсая.

По телу Мадины пробежала дрожь. Она стояла в растерянности, не зная, что сказать в свое оправдание. Затем, не оглядываясь на Сергазы и Куляим, которые с мольбой смотрели на мать, готовую последовать за чужим мужчиной, пошла в степь на северо-запад.

Туктибай шел, не останавливаясь, пока не добрался до двух кустов песчаной акации под обрывом в Жынгысае. Здесь он перевел дыхание. Он бросил на землю кетмень и пешню, и только тогда обернулся, вспомнив, что за ним идет женщина.

Это место? — спросил он.

Да, это место.

Холмы и косогоры давно освободились от снега, влажная еще земля не просохла, сплошь в комках, вперемешку с галькой, она чернела под ярким солнцем. Остатки зимнего снега,

которого было особенно много в этой лощине, белели небольшими кучами под кустами жынгыла. Кто знал, что снег в степи тает всего за два-три дня?

Не сказал, с какой стороны надо копать?

Нет.

Ладно, тогда иди. Придя домой, закончи молотить остатки зерна. Испеки хлеб.

Мадина молча повернула назад.

Глава десятая

Будто не веря собственным глазам, Туктибай пристально осмотрел намеченное место, затем по самый черенок вонзил в землю лезвие большого кетменя. Обуреваемый жаждой найти казну, он не раз приходил в эту лощину, обошел ее вдоль и поперек, разглядывая каждый уголок, однако ни разу не обратил внимания на этот пухлый бугор, выделяющийся на фоне других неровностей сая. Сколько раз проходил он мимо этого бугра! И теперь его разбирала злость на самого себя, на свою невнимательность. И тут же успокоил себя: «Попробуй, разберись в степи, где под толстым слоем снега бугор, а где низина? Пропавши пропадом все, в конце концов, ключи от казны разве не попали в твои руки? Теперь, начиная с этого дня, Туктибай не станет бегать униженно за другими людьми, не станет завлекать их обманными речами, выведывая секрет, не будет трепетно заглядывать им в рот, дескать, что вы сказали? Пусть Мадина, даже Мадина, бегаёт за ним, заглядывая ему рот, в ожидании его решений. Если же заметит с ее стороны какую-то строптивость, непокорность, то положит себе в карман казну Сатыбалды и будет таков. Пусть потом кусает себе локти».

Отбрасывая кетменем большие куски грунта, он пробормотал:

- Нет, так нельзя. Оказывается, так нельзя. Допустим, он бросил Мадину на произвол судьбы, удрал с казной в руках. Что потом? Разве Мадина не встретится с людьми, оставшимися в разных уголках края, разве не станет жаловаться им, поведав свое горепечаль? Если расскажет? Говорят же: «У народа сто ушей», кто поручится за то, что шумные слухи о содеянном им не домчатся смерчем до места, где остановится Туктибай, чтобы обосноваться. Если слухи дойдут, как посмотрит в глаза знакомым, которые прибудут туда, вслед за ним? Ведь они, обвинив его: «Подлый мерзавец!» — могут взяться за дело и довести его до ручки. Не-ет, Туктибай не пойдет на такой безрассудный шаг. Что бы он ни задумал, все сделает, чтобы было шито-крыто, без сучка, без задоринки. Поэтому он уведет их с собой. Когда доберется до места, изловчится, обманывая тем, что есть, заткнет ей рот, быть может, намертво упокоит ее. Если подвернется случай, продаст смазливую, в теле еще, бабу какому-нибудь старику. И если проболтается ненароком она о золоте, кто станет слушать бред приبلудной бабы, взятой в жены человеком из другого народа? И вот, все устроилось, как говорится в поговорке: «И волки сыты, и овцы целы».

Придет время, и он тоже начнет собирать золото и серебро, обменивая на деньги. Мало-помалу войдет в круг воротил края, заслужив их доверие. Когда его сочтут своим, дельным человеком, дальше все пойдет как по маслу. Он поднимет шанырак своего дома, закружит голову красивой, стройной девушке и введет ее в свой дом. Так появится у него жена. Даст Бог, будут у него и дети. Разве не называется это - удача шла в руки, и он достиг всего, чего желал? Для достижения своей мечты он пожертвовал всем, что было у него, и оно чудесным образом вернулось к нему.

- Теперь все сокровища Сатыбалды, которые копил он всю жизнь, мои! - вслух вырвалось у него. - Мои!

Как бы не оттаяла земля за последние дни, все же стоило кетменю после нескольких минут легкой работы поглубже войти в землю, как зазвенела мерзлота. Он взял пешню и со злостью на лед, который словно нарочно создал преграду на пути к казне, со всей силы вонзил в наледь, потом еще и еще. Поднятое высоко вверх острое железо, сверкнув на солнце, словно беркут, завидевший добычу, устремилось к мерзлоте. «Мое! Мое!» - повторял вслух Туктибай, шум его работы разносился на всю лощину.

Применяя то кетмень, то пешню, в темном азарте выкидывая грунт, Туктибай не обращал внимания на течение времени. Хотя чувствовал, что изрядно проголодался, и не думал возвращаться к зимовке. Вскоре от кровавых мозолей потрескалась кожа ладоней, руки жгло, словно огнем, все же не хотел он терять время на то, чтобы рассмотреть кисти.

«Смотрю, оказывается, ты сам себя жалеть не прочь, - опасливо думал он. - А сейчас, когда до золота рукой подать, останавливать работу равносильно глупости».

Сильное весеннее солнце палило нещадно, лоб стал мокрым от пота. Туктибай не знал, сколько прошло времени в яростной, безостановочной работе, в которую была вложена вся сила, вся душа. Хотя он скинул с себя верхнюю одежду, легким по-прежнему не хватало воздуха, удушье то и дело перехватывало гортань. Но и тогда он не хотел останавливаться. Он не считался с тем, что уже колени дрожат, а руки горят, словно накаленные. Он думал только об одном, - во что бы то ни стало, скорее добраться до золота, скорее прикоснуться к казне, обнять ее, упасть и уснуть на ней.

- Эх, времени бы! — удрученно посмотрел он на красное закатное солнце. - Эх, еще бы немного времени, столько, сколько нужно, чтобы сварить мясо, и тогда бы он прорубил мерзлоту.

Однако Туктибай понял, что сегодня его мечте не сбыться. Сумерки уже сгустились над степью. Опираясь грудью о края ^{Глава восемнадцатая} выкопанной ямы, он выбрался наружу. Нашел свой верблюжий чекмень и накинул на плечи. Он знал, что во всем крае поблизости нет ни одной живой души, кроме Мадины и ее детей. Тем не менее беспокойство одолевало его: «А что если неожиданно кто-то из случайных бродяг увидит свежую яму? И что делать тогда? Вполне возможно, что он станет копать дальше и найдет казну? Вот тогда ты и сел в лужу, не так ли?»

Шлепая по воде, сначала он прошел к густым зарослям в Жынгылсае и спрятал кетмень и пешню. Вернувшись к двум кустам акации, долго ходил вокруг ямы. И только потом, услышав вдалеке протяжный вой волков, напрягся всем телом, повернулся и, внимая вою стаи, пошел под звездным небом в сторону Караултобе.

Глава одиннадцатая

Жадно поглощая еду за дастарханом Мадины, Туктибай понял, что, пытаясь пробиться сквозь мерзлоту, изнемог как никогда в жизни. И не мудрено, ведь не держал он никогда в руках рабочий инструмент. Сейчас он понимал, что немалых сил стоил ему и поход к Жынгылсаю и обратно. Потому-то и подошвы горят сейчас, словно стоит он на углях. Руки ныли так, что едва удерживал ложку. Он поднес ладони к огню и увидел, что они иссечены трещинами, ссадинами, из которых сочится кровь.

Жар, зыбившийся по телу, не дал покоя и в постели, Туктибай все ворочался с боку на бок. Стоило ему сомкнуть глаза, как обрушивались на него видения: то словно бы гнался за ним дюжий человек, похожий на палача, намереваясь убить его, то будто бы толпа неизвестных людей в Жынгылсае делила поровну казну, он хрипел, тянулся к ним. Поэтому, проснувшись, оделся, волоча ноги, вышел на улицу и, ломая звонкий хрупкий ледок на талой воде, пошел к раскопу. За ночь успел два раза сходить в лощину. Несколько раз слышал далекий волчий вой, который до смерти напугал его. Хотя и был напуган, все же дошел до Жынгылсае. В непроглядной темноте нельзя было толком ничего разглядеть, до рези в глазах всматривался в край своего раскопа и почувствовал, как от сердца отлегло, - казна вроде бы была нетронута воровской рукой.

Все же не удержался и принялся обшаривать заросли в Жынгылсае. Не увидев ничего такого, что, треща ветками, кинулось бы от него, он резко повернулся, ощутил, как скрипнули суставы. Вдруг он поскользнулся. Опасаясь упасть и разбиться, он отчаянно вцепился ногтями в землю, и хотя остался цел, от страха душа ушла в пятки. Ему показалось, что кисти его ухватились не за мерзлую землю, а за горящие угли - перед глазами так и полыхнули искры. От нестерпимой боли он кинулся бежать. Из глаз лились слезы, однако не в силах он был вытереть их. Тем не менее, горячка, в которой оказался рассудок, и жажда скорее достичь вожаемой цели заставили его забыть о страданиях. Теперь в голове томительно витали грезы лишь о том, как скорее положить в карман драгоценности, которых пока у него не было. Вдруг он разозлился на себя: «Что я сделал со вчерашнего дня? Потратив столько сил, вырыл яму примерно по пояс человека? И это все? Несметные богатства лежат под землей, а я, как ни в чем не бывало, спокойно хожу по земле?»

Второй раз за ночь вернувшись в землянку на Караултобе, прилег в постель, но сон не шел на глаза. Икры ног, колени, поясница, казалось, все кости, все суставы ныли от тупой боли, прогоняя прочь с глаз любой сон. Поневоле снова поднялся и оделся с целью опять сходить в Жынгылсай. Небо на востоке слабо светилось, рассвет был близок. И он отказался от

своего намерения. Разжег огонь, разбудил Мадину, сказал, что надо поесть, попить, чтобы на весь день уйти в Жынгылсай. Для этого он вышел во двор, побродил среди смутно темнеющих кустов недалеко от землянки, чтобы наломать подходящий для огня хворост. Плетясь кое-как, дотронулся до одной ветки, и вскрикнул от боли, ему показалось, что притронулся не к дереву, а к раскаленному на углях железу. Прижимая к губам пальцы, в раны которых глубоко вошли шипы ченгеля, почувствовал запах теплой крови.

Туктибай понял одно: как бы ни старался, выходя из себя, не в состоянии он копать дальше мерзлую землю. На что годятся руки, которые, не говоря уже о пешне, не могут поднять даже ветку?

Всей душой хотел, чтобы это потайное дело сам начал и сам закончил без свидетелей, - грустно вздохнул он, волоча моги. — Так хотел, чтобы Мадина не видела этой казны, чтобы держалась в стороне и, как собака, покорно следовала за мной. Однако, видимо, так не получится. Если не использовать ее силу, не взяв ее в помощники, то, похоже, потеряю время.

Глава восемнадцатая

Он с трудом подобрал с земли несколько веток. Спустился в землянку, положил в печку сучки карабарака, предусмотрительно высушенные у очага Мадиной, запалил их. Почувствовав, что Мадина давно проснулась, но назло ему не поднимается, он рассердился. Хотя нисколько не першило в горле, принялся кряхтеть, расхаживая туда и сюда, кашлять на весь дом, чтобы разбудить спящих.

Сначала проснулись дети. Потом подняла голову Мадина. Она догадывалась, почему Туктибай поднялся ни свет ни заря. Ее не надо было учить домашнему делу, она сразу же принялась за привычные хлопоты. Растопила снег, вскипятила воду в казане. За эти два дня она успела испечь в сковороде пять-шесть буханок хлеба. Одну буханку она разрезала на ломтики, которые тут же раздала сидящим у огня детям и Туктибаю. Затем из темной, душной землянки вышла на улицу, словно хотела избавиться от гнетущей тяжести несчастья.

Оставшийся дома Туктибай съел свой хлеб, выпил воду, однако успокоения не почувствовал. Увидев, как беспечно жуют свою порцию хлеба маленькие Сергазы и Куляим, он брезгливо поморщился. Раньше ему было все равно, кто что ест. Скорее всего, длительный голод что-то сделал с его подсознанием, Туктибай понял, что ревнует к детям хлеб, который они уплетали за обе щеки. Однако ничего им не сказал. Поднявшись с четверенек, он последовал за Мадиной на улицу.

Глядя на солнце, которое поднялось над увалом на высоту конских пут, Туктибай забеспокоился. «Эх, если бы мог держать в руках инструмент, давно бы уже копал землю в Жын- гылсае, — подумал он. — И вот теперь, в ожидании помощи несчастной бабы жду у моря погоды».

Мадина, - сказал Туктибай, стараясь говорить степенно. - Нужна твоя помощь, чтобы копать землю. Пойдем в Жынгыл- сай, собирайся.

Он наострил уши, словно ожидая от строптивой бабы глупые, упрямые отговорки, однако она безмолвствовала, и он, обозленный, резко повернулся к ней. И увидел бледное, холодное, как кварц, лицо. С безучастным видом, будто глухая, не внимавшая никогда ни единому звуку, стояла она неподвижно, уставив взгляд в сторону белого пространства далекого Улыко- ля, длинно опоясанного заливом Акку. Прислушиваясь к ее состоянию, он почувствовал безмерную печаль, тьмой стывшую в душе женщины. Дожив до этого возраста, он впервые видел женщину, которая так безмолвно, до глубины души отдавалась своему горю. Видя, как Мадина, словно лебедь, потерявшая друга, готовая разбиться о землю, всецело отдается горю, он с трудом сдержал порыв гнева.

Мадина, давай возьмем с собой детей, - прошептал он. - Бедняги, пусть подышат чистым воздухом.

Неловко двигаясь, словно ведомая чьей-то рукой, Мадина вяло одела Сергазы и Куляим, вывела их на улицу. Радостные оттого, что идут вместе с матерью, два постреленка наперегонки шумно побежали вслед за взрослыми в сторону Жынгылсая.

Под впечатлением от недавнего сна, вся измученная сомнениями и истерзанная тоской, Мадина шла как в тумане. Вдруг она услышала гортанный крик одинокого гуся, летящего в розовых разливах весеннего солнца.

Бедняжка, и ты тоже потерял своего единственного друга, - пробормотала она, и кровоточащее сердце затопило волной боли.

Глава двенадцатая

Как только дошли до Жынгылсая, Мадина вынуждена была сразу приняться за работу. Рубя промерзшую землю и выкидывая ее из ямы, она только к полудню добралась до двери, скрытой под корнями двух песчаных акаций. Дверь находилась немного севернее от краев первоначально начатой ямы. Снаружи она была прикрыта войлоком и завалена грунтом. Как только одолела оледеневший слой, дальше копать стало легче, откинув рыхлый завал, убрала войлок, засунула острие пещни под маленькую ручку, поддела и дверь открылась. Затем, глядя снизу вверх на Туктибая, склонившегося над ямой, спросила: - Кайнага, вниз - Подожди, ты можешь испугаться. Попробую сам.

Сняв верхнюю одежду, оставшись налегке, Туктибай спрыгнул в яму, оттеснил Мадину и зашел внутрь. Поначалу он ничего не мог различить в густом мраке, поэтому застыл в ожидании на пороге. Легкий испуг ^{Глава восемнадцатая} дрожью пробежал по телу, прежней храбрости как не бывало, ему казалось, что, если он шагнет вперед, нечто схватит его в объятия и задушит его. Оказывается, его напугал не некий монстр-оборотень, а силуэты всевозможной роскошной одежды, развешенной повсюду, кипами, тюками сложенных вещей. Туктибаю померещилось, что он не под землей, а где-то на ханском базаре Бухары. Все, что пожелает твоя душа - имелось здесь. Хочешь ковер - вот он, или халат из парчи - вот он, все, все здесь. Когда-то однажды Туктибай решил, что стал обладателем богатства, которого хватит ему на всю жизнь. И благодарил Бога за это. Однако ему и во сне не приснилось бы, что в этих краях таятся такие несметные сокровища. Дьявол его побери, каким же расчетливым хитрецом оказался Сатыбалды! Имея такое богатство, он никогда ни перед кем не задирает нос. Со всеми на равных участвовал во всех делах, бывал и на тоях, и на асах, на всенародных сборищах по разным поводам, приходил скромно и удалялся, как ни в чем не бывало, не показывая, что является владельцем немереного состояния. Ничем не выдавал себя. Видимо, это остаток имущества, которое он не смог забрать с собой.

Хранилище внутри напоминало темную могилу, от нее становилось как-то жутковато. Главное, что отличало ее от могилы - это две большие комнаты. Стены были умело упрочены плетенью из веток жынгыла, крест-накрест укреплены толстыми подпорками, они выглядели надежно. В первой комнате были собраны в основном одежда, ковры, тускиизы, представлявшие собой изысканные произведения искусства. Во второй комнате стояли друг на друге разномастные сундуки, украшенные кебе- же. Однако не они интересовали Туктибая. Зачем они ему были нужны, в свои лучшие времена насмотрелся он на такие вещи в домах баев, пропади они пропадом! Бывало потом, не раз находил в степи брошенные дома, битком набитые такими вещами. Из этих предметов он ничего не взял в свои руки. К чему ему эти изделия из дерева и кости, куда потащит он на себе эти ковры и киизы, осмелится ли напялить на себя эти роскошные одежды? Нет, сейчас у Туктибая нет никакой нужды в таком имуществе. Туктибаю нужны ценности в виде серебра и золота, драгоценных камней. И он чувствует, что оно, вождевленное добро, где-то совсем рядом. Только его нужно скорее найти, чтобы успокоилась душа.

Туктибай осмотрел множество сундуков, кебеже, открывая их крышки, заглядывая внутрь, в этих поисках он обнаружил множество вещей. В них находились фарфоровые чашки, медные кувшины с тонкими изогнутыми носиками, латунные тазы с деревянными ручками, чаши с затейливыми узорами, чайные ложки с тонкими ручками, сахарницы, табакерки, - все это он выносил наружу и внимательно рассматривал.

Нашел он и наследное оружие, которое, быть может, досталось Сатыбалды от знаменитых предков или было подарено ему окружением во времена, когда слава его гремела и дела шли в гору, дескать, пусть аруахи хранят его. Здесь были сабли в ножнах, завернутый в верблюжью попону и брошенный на дно кебеже, щит, предусмотрительно размещенный в отдельном сундуке шлем, тяжелый панцирь с ребристыми боками. Туктибай даже полистал книги, изысканно расписанные, с бронзовыми и серебряными застежками. Тем не менее, ничто из этих вещей не задержало надолго его внимание, ничто не отвлекло от поисков. Его руки устремлялись в любую вещь, имеющую внутренность, обшаривая там все. Время шло, золота все не было, Туктибай раздражался все больше. Однако, злясь, он не терял надежды. Он верил, что где-то в этих двух комнатах таится казна. Он знал, что, если надо, перевернет

здесь все до последней песчинки, перелопатит весь схорон, пока не найдет то, что ему нужно. Он переживал только из-за того, что теряет время.

Наконец Туктибай обратил внимание на три одинаково украшенных сундука, которые стояли на кебеже. Эти сундуки и кебеже находились в дальнем углу, словно хозяин рассчитывал на то, что если вор проберется сюда, то не сразу найдет их. Он увидел эти вещи только тогда, когда глаза окончательно освоились в темноте. Вот это да, почему на кебеже поставлены сразу три сундука? И ему сразу захотелось осмотреть кебеже. Второпях снял один за другим сундуки, открыл крышку кебеже. Кебеже битком было набито верблюжьей шерстью. Это были пыльные космы, отдававшие затхлостью. И он принялся охапками выбрасывать ворохи с тяжелым запахом прямо под свои ноги.

«Зря старался, - с горечью подумал он, безостановочно работая руками. - Все напрасно. Зря пролитый пот. Среди этой шерсти, кроме самого дьявола, ничего нет. Эй, неужели Сатыбалды был такой скупой? Или он боялся, убегая от своего народа, что пропадет ни за понюшку табаку без этой шерсти? Твоя шерсть мне ни к чему, даже собаке моей не нужна... Не-ет, погоди, что это такое, твердое, попавшееся мне в руки? Вот тебе и на! Это же сундучок! И какой тяжеленный!..»

Туктибай, не взирая на боль в кистях, сильно наклонился, сложившись чуть ли не пополам, поднял сундучок, поставил на край короба и открыл.

Золото! - пробормотал он. - Золото.

Затем, бережно держа сундучок, словно мать, прижимающая к груди ребенка, спотыкаясь, запинаясь ногами о разные вещи, устремился наружу. Через минуту высунул голову в проем двери, выбрался в яму и, протянув руки, поставил сундучок на край раскопа. Расписанное орнаментом, с инкрустациями из серебра и кости, деревянное изделие засверкало на песке, завораживая взгляд. Туктибай, словно кто-то гнался за ним, лихорадочно выкарабкался наверх. Ему не хватало воздуха, он дышал, как загнанная лошадь, несмотря на это, сел на колени, открыл крышку сундучка.

Нашел! - завопил он. - Нашел! Нашел золото! Теперь мое! Ха-ха-ха! Все мое! - он принялся засовывать что-то блестящее себе за пазуху. - Моя казна!

Мадина, отдыхая, сидела на куче песка. Она была настолько изнурена, что у нее не было сил даже на то, чтобы приласкать, погладить детей. В голове клубился туман, опять затягивая в омут горестных мыслей, проплывали обрывки того самого сна. Вдруг взгляд ее упал на нарядный, сверкающий на солнце резной сундучок, который стоял на краю ямы. Затем она увидела замызганного Туктибая, который, словно черт из преисподней, с натугой выбирался из зева черного провала. Послышался крик, когда тот вроде бы открыл крышку сундучка: «Нашел!» Слух вроде бы пронзил безумный крик: «Нашел! Все золото мое!»

«Боже ты мой, когда отец Сергазы открыл мне тайну казны, он предупредил меня, что половина золота предназначена сыну Сатыбалды Зиялы, - изумленно подумала она, упираясь руками о землю, поднимаясь на ноги. - Это же невозможно! Здесь таится что-то нечистое». Мадина сейчас скажет, что они могут взять только половину казны. Затем, продолжая речь, спросит у Туктибая имя того, кому должна достаться вторая половина. Если он скажет правильно - спора нет. Если понесет околесицу, виляя так и эдак, если не упомянет Зиялы, значит, он обманывает ее. Тогда она возьмет кетмень, разmozжит ему голову и отправится к себе обратно жить, как Бог положит на душу, глодая кости, питаясь кореньями и травами.

Таковы были ее мысли, а вслух довольно-таки уважительно сказала:

Нет, кайнага, не все, а только половина наша!

Туктибай словно услышал невесть что, да еще из-за семи

гор, такое, что, конечно, не по душе ему. Все еще охваченный ликованием по поводу своей находки, приходя в себя, растерянно зашевелил губами, и, не зная, что сказать, сразу же помрачнев, сел на землю. Он оглянулся в сторону, откуда донеслось предупреждение, и увидел Мадину, сжимающую кетмень. На лице ее застыло ледяное выражение. Если сейчас пойдет он наперекор ей, видать, не пожалеет его. Похоже, пустит в ход кетмень. «Неужели эта баба пронюхала кое-что?» - похолодел от неприятной догадки он. Поначалу от злости кровь бросилась ему в голову, усилием воли взял себя в руки.

Почему только половина наша? - спросил он спокойным голосом.

Разве не сказал отец Сергазы, когда поведал тайну казны, какая часть назначена ему?

На мрачном лице Туктибая отражалась борьба противоречивых чувств, затем оно заметно смягчилось. Он вспомнил слова Оримбая, сказанные ему.

Минуту спустя Мадине показалось, что лицо Туктибая озарилось радостью.

Да, да, помню, - произнес он. - Как я мог забыть? Сказал, конечно: «Половина казны Сатыбалды назначил своему сыну, Зиялы, который остался на родине».

Лишь краем глаз уловил Туктибай, как кетмень покачнулся и, сверкнув на солнце лезвием, упал на землю.

«А, вон оно что, - тая иронию, улыбнулся он. - Туктибай не лещ, чтобы глупо попасться на твой крючок... Пока подчинюсь твоей воле. А, в конце концов, все будет по-моему, и ты сама увидишь это».

Кабыш как-то сказал: «Именем Аллаха поклялся Сатыбалды», - продолжил Туктибай виноватым голосом, признавая свою ошибку, что не учел долю Зиялы. И с целью заглянуть в ее глаза свою оплошность предложил:

Раз произнесено имя Аллаха, мы в долгу до ^{Глава восемнадцатая}срока последнего. Не станем обделять Зиялы, хотя и нет его рядом с нами. Мадина, вот это золото и серебро раздели сама.

Что я понимаю в таких делах? Если вы сами разделите по справедливости, буду благодарна вам.

Туктибай увидел: баба, стоявшая перед ним с суровым видом, неожиданно изменилась, став покладистой, и он понял, что она намерена довериться ему.

Ну, хорошо тогда. Однако ты подойди поближе, - Туктибай поманил Мадину, хотя она стояла совсем рядом. - Если будешь видеть собственными глазами, сомнений не будет.

Мадина со смущенным видом подошла к Туктибаю, устроилась с краю на ворохе верблюжьей шерсти, разбросанной по всей поверхности влажного песка. Туктибай разостлал чекмень и вывалил содержимое сундучка. Ювелирные изделия из золота и серебра, груды монет засверкали на солнце, споря в яркости с лучами, словно чешуя только что выловленной рыбы.

Взгляд Мадины сначала остановился на серьгах. Такие серьги в благословенные времена она видела в ушах знатных байбище и томилась мечтой о таких же. Однако до сих пор ни одна живая душа не знала об этой мечте. Боясь смутить Кабыша непосильной задачей, тоже никогда не говорила ему об этом. А теперь - протяни руку и вот серьги будут твоими. Знала она, что и Туктибай, сидящий рядом с казной, ни слова не скажет ей. «Пропади пропадом! - подумала она. - Пропади пропадом! богатство, которое не принесло счастья хозяевам, не принесет ничего хорошего и мне».

Деление золота на две половинки отняло у Туктибая немало времени. Он внимательно разглядывал каждое изделие, ощупывая его замороженным взглядом, осторожно держа в руках, словно это была посуда из тончайшего стекла, бережно откладывая в сторону, так прошло время до вечернего намаза. Затем он сложил долю Зиялы в сундучок, отнес его обратно и положил на дно кебеже. После этого охапками стал выкидывать наружу одежду.

Мадина, из этого возьми, что тебе по нраву. Не забудь, что ткань можно перешить на платья, штаны. Выбери, из чего можно сделать одежду для детей. Завтра, прежде чем выйти в дорогу, оставим рвань дома, покажемся людям в приличной одежде.

Мадина не возражала. К вечернему намазу, когда сумерки стали заливать Жынгылсай, все четверо, завалив опять тайник Сатыбалды под кустами акации, в дорогих нарядах отправились домой в сторону Караултобе.

Добравшись до землянки, Мадина, не обращая внимания на Сергазы и Куляим, которые так и увивались возле нее, принялась греть воду. Туктибай остался во дворе. Увидев женщину, заносившую в землянку охапку хвороста, сказал ей:

Мадина, шей мне нательный мешочек, чтобы входил в нее указательный палец, да не забудь продеть хороший шнур, чтобы можно было на шею повесить.

Хорошо, кайнага.

Через некоторое время женщина вышла во двор и вручила мужчине мешочек из краснокарминового атласа. Продетый шнурок был из того же материала. Отверстие получилось немного больше толщины указательного пальца, но в остальном придраться к работе было нельзя.

Туктибай, высоко поднимая ноги, в два-три шага подошел к кусту, рядом с которым не было никаких следов. Нагнувшись, взял пригоршню земли, высыпал в мешочек, затянул

узлом, и, сняв с головы далбай, повесил на шею. Затем тщательно похлопав ладонь о ладонь, сбивая с рук песок, сказал как бы самому себе:

Раньше я не был таким чувствительным человеком, сам удивляюсь, как эта мысль пришла мне в голову? Тем не менее, беру с собой, вдруг не удастся вернуться на родину, если возьмет в оборот тоска, чтобы вдохнуть запах родной земли и немного успокоиться.

Мадина ни слова не сказала. Словно, если вырвется у нее грустный вздох, то улетучится умиротворенный синий покой над дремлющей степью. Затаив дыхание, она взглянула вверх и увидела клином летящую с севера стаю уток. Птицы, окуная крылья в красный разлив заката, приближаясь понемногу, звеня крыльями, летели в сторону Улыколя. Прошел еще один день, и они четверо, двое взрослых, двое детей, оставив землянку на Караултобе, двинулись на север в сторону Сырдарьи. Некоторое время ушло на подготовку к этой дороге. Несмотря на то, что разница в возрасте между ними была серьезная, каждый из них впервые в жизни выходил в такую большую и долгую дорогу

Глава восемнадцатая

Чем дальше уходила Мадина от землянки, тем сильнее сжимало удушьем горло, она заголосила бы, выплакивая свое горе, однако, боясь, что разозлит Туктибая, проливая беззвучные слезы. И для ее пылающего горем сердца не были утешением ни дорогой чапан из батсая⁵⁰, по краям прошитый золотым позументом, который когда-то был для нее недостижимой мечтой, ни белый шелковый жаулык на ее голове. И эта степь с ее девственным, словно дыхание ребенка, воздухом, по красоте которой тосковали они всю долгую зиму, этот яркий весенний полдень, нежно млеющий под лучами солнца, и черная земля, сбросившая снежный покров, напоминающая истомленную родами молодку, первая зелень, несмело пробившаяся на южных склонах лощин, чьи лепестки были похожи на маленькие ушки, подставленные ветру и свету, - все это было лишено прежней силы и не могло зажечь радостью ее омраченную душу. Сейчас она словно забыла про Сергазы и Куляим, которые, обгоняя друг друга, беззаботно с топотом бежали за взрослыми. Ее не волновал и возбужденно-радостный вид Туктибая, заросшего кудрявым рыжим волосом. Он ушел вперед на расстояние выстрела стрелы, на нем была новая одежда из хранилища Саты-балды: бешмет из зеленого плюша, на голове далбай из темно-коричневого сукна, на шее пестрый хорджун из дома Кабыша. Чем более отдалялось ее заветное гнездышко, где ртутным шариком прокатилась и канула ее задорная молодость, словно бы за один день зацвел и увял белый бутон чистой любви, тем сильнее казалось ей, что по собственной воле покидает она лоно жизни. Словно отшельник, отвергший все радости жизни, безвозвратно опускается она на дно беспросветно темной ямы. Ей чудилось, что кости ее рассыпаются в прах, а кровь вытекает из жил. Она все прислушивалась к далекому гортанному крику гусей над Улыколем, и из ее глаз безостановочно текли слезы. Заливаясь слезами, она просила прощение у беззаветного друга, Кабыша, который остался в одиночестве на берегу Акку.

Стремясь вперед, всем телом разрывая ветки жынгыла, с обеих сторон густо простирающиеся на старую узкую тропу, торопливо шагал Туктибай. Вдруг он обернулся и увидел Мадину, которая словно через силу брела за ним. «Должна была, словно ястреб, потрошить брошенную казну Сатыбалды, глупая, посмотрим, как будешь выкарабкиваться без меня, — язвительно подумал он. - Пока в изнеможении не упадешь к моим ногам, руки не подам». Туктибай хотел посмотреть, как там детишки, идущие за Мадinou, но ничего не увидел. Скорее всего, пробираются сквозь густые, нетронутые ни людьми, ни скотом заросли.

Хотя и был большак, обезлюдевший после канпеске, на который можно было попасть из Караултобе, Туктибай специально выбрал эту старую, заброшенную людьми тропу, которая рано или поздно должна привести к железной дороге. Столбовой путь проходил через районный центр, потом пролегал по северным склонам Кызылкумов, чтобы упереться прямо в станцию. Этот большак был прямой дорогой, соединяющей районы, густо населенные людьми, которые поначалу решили создать калектеп, потом всем народом вверглись в мор. Хотя это прельщало, Туктибай все же решил, что он не дурак, чтобы идти через вымирающие аулы. Если они окажутся такими бестолковыми, что пойдут через многолюдье, то живо лишатся малых запасов хлеба, а золота и серебра и подавно. Дорога же, по которой сейчас они идут, хотя и извилистая, далекая, тем не менее, безопасная, здесь им нечего бояться. Он просчитал это еще до того, как они отправились в путь.

Вдруг весенний ветерок, веявший нежно, едва ощутимо, принес густую вонь, от которой сперло дыхание. Туктибай прикрыл рукавом нос. Он невольно взглянул в ту сторону, откуда принесло ветерком ужасное нестерпимое зловоние. И тогда понял, что они ушли далеко от Караултобе и находятся на границе земель, на которых проживал народ, собиравшийся войти в артель. Но при этом он не забывал, что впереди лежат немереные просторы, которые еще заставят их помучиться, отнимая все силы. Опасаясь, что, если она окажется рядом, надоест ему расспросами, он специально сохранял между Мадinou и собой расстояние, на котором слышится крик.

Вскоре он почувствовал, что если не подкрепитсЯ хотя бы ломтиком хлеба, чтобы дотянуть до вечернего намаза, то наверняка выдохнется первым из идущих.

Туктибай свернул с узкой тропы, петлявшей среди зарослей, и вышел на берег речки, что справа от дороги. На открытой полянке снял с шеи хорджун и присел на колени. Хотя земля на этой открытой площадке была влажной, на ощупь она была теплой, парилась под лучами

⁵⁰ Батсай - плотная ткань из шелка.

солнца приятным дымком. Чтобы немного отдохнуть, положил голову на хорджун и, уходя в дрему, почувствовал, как, словно расплавленный свинец, перекачивается зыбь по всему телу

Видимо, изрядно разомлел, потому что, услышав треск, испуганно вздрогнул и очнулся. Все еще в забытии спросонок принялся суматошно искать хорджун. Сума с хлебом оказалась у него под головой. Успокоившись, он посмотрел в ту сторону, откуда донесся звук, и увидел Мадину, которая шла, посадив Куляим на спину, ведя за руку Сергазы. Даже различил крупные капли пота, нанизанные на продольные морщинки на лбу.

Когда Мадина с детьми подошла и села, Туктибай принялся развязывать шнурок пестрого хорджуна. Вытащил хлеб, отломил по небольшому куску и дал детям.

Мадине есть не хотелось. Она вяло отщипывала хлеб кусочками, клала в рот, с горечью думая о том, что надо бы поговорить с хмурым предводителем. Если не попытаться улучшить отношения, неизвестно, как сложится их дальнейший путь. Желая устранить холодок, который мешал их отношениям, и, думая все еще о том, что тревожило ее в последние минуты, она сказала:

Кайнага, откуда идет это зловоние?

Туктибай, тщательно прожевав свою долю хлеба, размеренно сказал:

Откуда ветер, оттуда и вонь.

Мадина посмотрела в ту сторону, куда он кивнул, и увидела в небе громадные, колышущиеся неводами птичьих стаи, которые вытягивались из-за горизонта на юге и во всю необозримую ширь двигались на север в сторону Арки, где уже виднелись другие такие же сети, медленно тонущие в пучине за чертой горизонта. Приглядевшись внимательнее, она различила, что все пространство между небом и землей заняли вереницы летящих черных ворон. Если кто-то из них стремглав взмывал вверх, другой, крутясь вихрем, устремлялся вниз, третий парил по ровной линии, распахнув широкие крылья. Общая картина напоминала зимний снегопад, только был он черный. Если прислушаться, издали доносился глухой гул - то было карканье несметного воронья. Пораженная картиной бесчисленного птичьего сборища, какого в жизни не видела, Мадина спросила:

Вороны, стервятники... Почему их так много?

На север идет большая дорога, поэтому собрались они на кормежку.

Мадина ничего не поняла.

Что за кормежка? - спросила она недоуменно.

Если в степи обочины всех дорог завалены трупами, разве это не еда для воронья и стервятников?

И Мадина сразу же вспомнила, как они с Кабышем ходили на Майлыкол, и она собственными глазами увидела множество трупов, лежавших на льду озера. И хотя уже предчувствовала, что услышит что-то очень плохое в ответ на главный вопрос, ей надо было все выяснить до конца.

Что это за ужасная вонь, которая словно бы накрыла облаком весь поднебесный мир? - прошептала она.

И это скажу, слушай. Тела умерших от голода остались не погребенными, когда солнце пригрело, они начали разлагаться. Вонь, конечно, от этого.

После этого Туктибай оборвал речь, словно говоря этим, что хочет отдохнуть, устроился под ближним кустом и раскинулся навзничь.

Глава четырнадцатая

Подкрепившись немного хлебом, утолив жажду из речной заводи, дав отдохнуть ногам, ближе к вечернему намазу они продолжили путь. Туктибай снова ушел вперед, Мадина с детьми отстала от него. Оказывается, неустанная прыть детей, когда то семенили они ходко, то гонялись друг за другом, была только временным пылом, до обеда. После передышки на полянке Куляим принялась зевать, ее разморило, потянув в сон. Хотя Мадина сама устала до дрожи в ногах, она вынуждена была подсадить дочурку себе на спину.

Апа, ноги болят, - пожаловался сынишка. Мадина мягко пожурела его:

Терпи, душа моя, терпи.

Мадине все больше не нравилось поведение Туктибая. По его действиям, мимике и выражению глаз чувствовалось, что он все больше охладевает к ним. Похоже, что мысль бросить их далеко ему не чужда. И она не понимала, в чем провинилась перед ним,

человеком, производящим впечатление готового в любую минуту прийти на помощь, пытающегося разговорить ее. Стараясь не потерять Туктибая из виду, она больше всего на свете боялась заблудиться. Если он пропадет из виду, это будет минута страшная, словно сама смерть, это она почувствовала, глядя на то, как во время передышки Туктибай отщипывал детям махонькие кусочки хлеба. Она поняла, что ни в коем случае ей нельзя отставать от Туктибая, она должна подчиниться ему во всем, поэтому умоляла Сергазы, которому было семь годков, не плестись сзади, а идти быстрее.

Они шли безостановочно, пока не наступил вечер. Сумерки со всех сторон нависли над степью. На западе, сверкая, словно обломок кривого ножа, показался красный полумесяц. Туктибай, глядя на него, пробормотал:

Ассаламалейкум, новый месяц, пошли удачу, старый месяц, не поминай нас лихом.

Месяц надолго не задержался на небе, потускнев, исчез за горизонтом. Тошнотворное зловонье значительно ослабло, однако со всех сторон, пугая путников, слышались голоса ночных птиц и зверей. Вдалеке, заливаясь высокими тонами, надрывно выл то ли волк, то ли дикая собака. Невдалеке визгливо лаяла лисица. Где-то в зарослях слышался зов фазана, неожиданно жалобно запищал заяц.

Страх ознобом пробежал по телу, Туктибай подошел к кусту, выломал увесистую палку и стал поджидать запоздавшую где-то женщину. Опасаясь крупного зверя и в то же время успокаивая себя, он думал о том, что сейчас в любом уголке степи хищник может найти еду в виде залежавшегося человеческого трупа.

Пока Мадина не дошла до того места, где ее ждал Туктибай, прошло довольно-таки немало времени. Одного ребенка она тащила за руку, другого несла на спине, оба, озираясь по сторонам, беспокойно хныкали. Глядя на поникшую, то и дело печально вздыхающую Мадину, можно было понять, что она раскисла и держится из последних сил.

- Плачь, плачь, - язвительно прошептал Туктибай. - Еще наплачешься. Не одни вы проливаете слезы, в эти дни плачут все казахи.

Туктибай теперь шел вместе с сиротами. Несмотря на то, что дети смертельно устали, пробираясь почти на ощупь, до крови обдираясь среди сплошных кустарников, заставил их идти до поздней ночи. Только в полночь он остановился и снял с шеи хорджун, сказав своим спутникам, чтобы устраивались на отдых.

Несмотря на то, что в степи было прохладно, а суставы ломило от сырости земли, все четверо, словно рассыпанные бау- ыrsaки, в мертвецком сне разбросались на траве под звездным небом.

Рано утром, поднявшись и подкрепившись хлебом и водой, они снова пустились в путь. Туктибай снова ушел вперед на расстояние выстрела стрелы, Мадина с детьми тащилась сзади. Туктибай шел без остановок до полудня. И только в полдень, сняв с шеи хорджун, повалился на землю отдыхать.

Через время, нужное для того, чтобы вскипятить чай, Мадина дошла до места, где лежал Туктибай. Обоих детей теперь вела за руки. Сама шла медленно, едва переставляя ноги, и уже не обращала внимания на плач Куляим.

Туктибай остановил взгляд на девочке. Ей было всего четыре годика от роду. Усевшись на землю, она принялась плакать, и ему показалось, что он видит юную Мадину. Беленькое личико, розовое в весенних лучах, нежно светилось, большие черные глаза были мокрыми от слез. «Девочка-то на мать похожа», - решил Туктибай. Потом перевел взгляд на Сергазы, тот был худенький, черненький, напоминал Кабыша.

Поскольку Куляим, держась за ноги матери, продолжала плакать, Мадина сняла сапожки с ее ног, оказывается, сшитая из кожи, износившаяся обувь натерла подошвы девочки, портянки были красными и влажными от крови.

Мадине все ощутимей казалось, что Туктибай, прибрав к рукам золото и серебро Сатыбалды, нарочито демонстрируя равнодушие к ней, стал черствее. Нет-нет да в глубине души проскальзывало подозрение, что еле плетущиеся спутники надоели ему, и он с трудом подавляет желание оставить их по дороге. Ее одолевали страхи, и порой она часами думала о том, где и когда это произойдет, или, добравшись до земли другого народа, он продаст их за скот, или, не желая взвалить на себя груз забот, бросит их в степи.

Чуток подкрепившись, с каким-то злобным выражением на хмуром лице Туктибай взял хорджун и забросил за плечо. Мадина тоже поднялась и отряхнула полы. Не обращая

внимания на плач детей, разомлевших там же, где лежали в изнеможении, принялась тормошить, одевать их.

Туктибай снова ушел вперед и затерялся вдали. Мадина, плетясь за ним, не обращая внимания на плач детей, бормотала, успокаивая себя:

- Пусть уходит себе все дальше и дальше. Какие только лишения, ниспосланные Богом, не переношу терпеливо я?.. Только бы поднять мне на ноги Сергазы и Куляим, тогда считай, выполнила я свой долг перед Богом данным супругом, достигла своей цели.

Повторяя эти слова, успокаивая себя, она шла и шла, пока не почувствовала, что смертельно устала. Было уже время вечернего намаза, когда на расстоянии одного конного перехода перед глазами открылось огромное сверкающее серебром русло Сырдарьи. Раньше она думала, что когда это произойдет, словно синяя птица мечты, вся ее душа встрепенется от радости. Однако это сильное чувство, скорее всего, могла бы испытать в иное, благополучное время, когда была сыта и здорова. И вот теперь судьба вновь привела ее на эти берега, не раз виденные ею в прошлом, только теперь она добрела сюда едва живая от усталости, ведя за руки одного ребенка, неся на спине другого.

Туктибай в это время успел пройти проток, отделенный песчаной косой от основного русла Дарьи, и теперь, закатав штанины до бедер, переходил по обагренному закатом красному мелководью на ледяное поле огромной реки.

Мадина тоже сняла сапоги, закатала штаны. Затем вступила в обжигающую холодом ледяную воду, пробравшую ознобом до головы, сначала перенесла на лед одного ребенка, потом другого. Снова оделась, продвигаясь осторожно большей частью по льду, темно-оплывшему, с расщепленной на куски поверхностью, медленно перебралась на другой край. Здесь она опять разделась и перенесла детей через проток.

И снова начался мучительный переход. Опять в непроглядной тьме, двигаясь на ощупь, невзирая на плач детей, шли они и шли вперед. Они остановились только на окраине небольшого аула возле мазанки.

Есть кто-нибудь? - подал голос Туктибай, однако ни звука не услышал в ответ.

Заходите! - громче сказал Туктибай. - Хозяева, скорее всего, ушли в другие края. Видишь, все вещи находятся, как и раньше, на своих местах. К чему вещи человеку, который увидел, что голодная смерть близка к нему? Надо полагать, спасая свою жизнь, ушел бродить, попрошайничать в другие места... Стели постель, Мадина, передохнем.

Глава пятнадцатая

На следующий день утром Мадина проснулась от солнечного луча, падающего на лицо. Поначалу ничего не могла понять, и несколько минут прошли в борьбе с самой собой. А затем, обжигая сердце, перед глазами волной побежали сцены ее горькой, тяжелой судьбы. Мадина весьма холодно отнеслась к мужчине, которого прибило к ней, считая для себя унизительным проявлять перед ним женскую слабость.

Ей нужно было подняться с постели, чтобы приняться за обычные дела по дому. Руки, а особенно опухшие ноги, не повиновались ей, тем не менее она подняла голову, оглядываясь по сторонам, и увидела не свою полутемную землянку, к которой привыкли глаза, а довольно-таки светлую, просторную комнату. Небольшое количество вещей в ней было беспорядочно разбросано и покрыто давней пылью. Было видно, что в очаге уже давно не разжигали огонь. А сами они, как гости, прибывшие издалека, оказывается, разбросались на торе этой комнаты, положив под голову вещи, что нашли в темноте, накрывшись тем, что попало под руку. Вот под окном лежит Куляим, протянув руки к месту, где должна быть мать, она еще находится во власти сна. На белом, нежном личике заметны следы усталости и страдания. С левой стороны, ближе к тору, пристроился Сергазы, в его позе ощущается боязнь чего-то, он лежит, согнувшись, коленки прижаты к животу, руки сложены на груди. Дальше за ним на боку лежал Туктибай, он был в одежде. Будто боясь, что отнимут у него, крепко прижимал он к груди пестрый хорджун с продуктами. Они, оказывается, не в силах снять с себя одежду, кто в чем был так и попадали на постель.

Мадина с трудом поднялась, и стараясь не разбудить спящих, на цыпочках пробралась к двери. Голова кружилась, перед глазами все плыло, поэтому пришлось скорее выйти во двор. От усталости, голода и изнеможения перед глазами рябило, земля покачивалась под ногами.

Прошло несколько минут, и она почувствовала себя лучше. Выпрямившись, огляделась. Время было близкое к полудню. Небо было чистое, безоблачное. Ни дуновения, ни ветерка, тишина и проникающее в душу тепло. Солнечный свет, льющийся широким потоком, похоже, прогрел землю. Впереди возвышался пологий песчаный увал, над ним, колыхаясь, струилось прозрачное испарение. Взгляд Мадины остановился на большом доме из красного кирпича с куполом, здание было расположено у подножия увала. Затем она обратила внимание на семь-восемь небольших домов, похожих на те, которые она видела на зимней стоянке Сатыбалды. Вдруг она ошеломленно замерла, не веря собственным глазам. Мадину поразило не здание из красного кирпича, не семь-восемь домов рядом с ним, и не трое мужчин, которые суетились на улице. Ее воображение поразили две блестящие полоски, похожие на струны домбры, которые, протянувшись мимо большого дома, уходили вдаль за горизонт.

Мадина, как водится у степнячек, принялась собирать хворост. Она подумала: «Это и есть, наверное, железная дорога, о которой говорят люди».

Глава шестнадцатая

Туктибай, дав поесть Мадине и детям, положил остатки хлеба обратно и принялся застегивать крючки хорджуна. Глянув на детей, которые мигом проглотили свои ломтики хлеба, и теперь умоляюще смотрели на мать, прося добавки, он зло сказал:

- Ишь, распустили слюнки! Сейчас нет таких людей, которые едят досыта, а только для того, чтобы подкрепиться. Мы без того близки к тому, чтобы съесть остатки нашего запаса.

Туктибай качнулся вперед, вставая с колен, поднялся, спрятал хорджун под старым войлоком в углу. Сверху навалил разное тряпье.

Мадина, - сказал он. - Запрись накрепко изнутри. Я схожу, узнаю, когда будет отарба. Запомни, даже мышь не должна проскользнуть внутрь. Еслипустишь чужого, потеряешь все.

Выйдя на улицу, пройдя по дворам двух-трех домов, Туктибай понял: эти места опустели, потому что люди, скорее всего, покинули их. «Что же было делать жившим вдоль железной дороги, как не первыми уйти в хлебные места, — с завистью думал он. - Это же я, несчастный, ходил до тех пор, пока судьба не наказала меня потерей жены и сына».

Не осмеливаясь зайти в здание из красного кирпича, Туктибай долго ходил вокруг него, в конце концов, собравшись с духом, протянул руку к двери с надписью над ней. Потянул на себя ручку тяжелой дубовой двери с волнистыми узорами и только перешагнул порог, как вход перегородил белобородый голубоглазый старик. Он замахал руками, говоря по-казахски:

Эй, куда идешь? Сюда нельзя! Сюда чужим заходить не разрешается.

Туктибай первый раз в жизни услышал из уст человека, что бывает место, куда нельзя ему заходить. Он не сомневался, что, куда бы ни пришел, дверь перед ним всегда должна быть открыта, и, богато или бедно, но должен быть накрыт дастархан.

Тамыр, - спросил умоляющим голосом. - Я хотел кое-что узнать.

Не хочешь слушать. Давай выходи отсюда!

Туктибай, напуганный суровой отповедью бородатого человека, попятился на три-четыре шага. Однако, тут же опомнившись, сунул руку во внутренний карман бешмета. Затем вытащил сверкающую на солнце большую монету, повертел ее в лучах и взволнованно крикнул бородачу, уже закрывающему дверь:

Эй, тамыр, подожди немного!

Недовольно глянув исподлобья на казаха, стоявшего в двух шагах и окликнувшего его чересчур громко, белобородый мужик сразу понял, что сверкающий кружок в его пальцах - это золото. Он распахнул закрывшуюся было дверь, повернулся и так и вперился взглядом в золотую монету. Затем, чтобы не показать замершему в ожидании казаху своего волнения, спросил нарочито суровым голосом:

Чего тебе надо?

Я хотел узнать, когда здесь будет проходить отарба?

Нельзя говорить. Запрещено разглашать народу.

Тамыр, кто узнает, о чем мы здесь разговариваем? Если пойдешь мне навстречу, как говорят, на добро надо отвечать добром, то вещь, что у меня в руках, будет твоей.

Хорошо, давай ее сюда, - бородач взвесил на ладони тяжелую монету, даже куснул ее зубами, затем, опуская в карман, сказал нехотя: - Пассажирский поезд проедет завтра в обед, однако здесь не остановится.

Почему? - ошеломленный Туктибай застыл, словно громом пораженный.

Это разъезд, незначительное место. Поезд остановится на станции «Жусалы».

Ты не сможешь на чуток остановить его?

Нет. Я не имею права. Я только объявляю о прохождении поезда.

Эй, тамыр, ты же можешь сказать хозяину объявлений, что отарба остановится на немного, а? - после слов белобородого, что поезд не остановится, Туктибай чувствовал себя так, словно на него вылили ушат ледяной воды. Тем не менее, в полной растерянности он счел нужным не отставать от бородача. Он снова сунул руку во внутренний карман бешмета, вытащил три большие, чуть ли не с ладонь, золотые монеты.

На, возьми еще две. Только выполни мою просьбу, не подведи, - заметив, что в глазах уставившегося на золото бородача мелькнуло что-то теплое, взмолился, подаваясь вперед. - Бери, бери, я никому не скажу.

Белобородый сразу же насупил брови и покачал головой:

Две мало.

Если мало, сказал бы сразу. Пропави пропадом, ну тогда все три отдаю тебе. Думал, что понадобятся для крайней нужды, когда окажусь в чужих землях. Да что поделаешь, - Туктибай, боясь, что если догадаются, что у него еще есть золото, то могут отнять, угрожая оружием, с несчастным видом развел руками. - Все, у меня больше ничего не осталось.

Хорошо, - сказал белобородый, сжимая в горсти золотые монеты. - Задержу немного. Если не успеешь сесть, на меня не обижайся.

Все, все, рахмет. Только, как сам сказал, удержи ненадолго.

Туктибай вернулся из кирпичного здания весьма удовлетворенный. По дороге он с самодовольством думал о своем поступке: «Нет ничего такого, чего нельзя добиться с помощью золота. Нет ничего такого, что нельзя было бы купить за золото. За золото можно купить и скот, и душу человека. Нет такой силы в этом мире, которая могла бы сравниться с золотом. Золото может все. Если нужно, остановит даже огромную отарбу, которая мчится по железной дороге и способна сбить человека, вставшего на пути. Да, может остановить отарбу... И это золото вот здесь, на груди у меня, в моем хорджуне. Если бы я забрал вторую половину казны, которая осталась в песках Жынгылсая, и унес в своем хорджуне, то чувствовал бы себя еще храбрее, еще увереннее».

Убедившись в неодолимой силе золота, сам увидев это, Туктибай в сумерках как на крыльях несся к дому, где они остановились накануне. Перешагнув через порог, заметил, что в комнате стало как-то теплее, уютнее. После того, как женщина прибрала здесь, в доме было чисто и приятно. В печке гудел огонь, на плите стоял раскаленный чайник и подрагивал от кипящей воды. Единственное, что нарушало мирную картину - следы пережитого несчастья и голода на лицах матери и двоих детей. Однако он не стал раздумывать по этому поводу. Он не хотел сейчас забивать себе голову лишним. «Впереди еще время, когда на душе будет дым, а в голове бедлам от проблем, - подумал он. — Это нелегкое дело - иметь богатство и с толком тратить его, чтобы вырваться из земель, охваченных бедствием».

В сердце клокотала, пела радость, и чтобы она длилась и длилась, он посмотрел в угол комнаты, где был спрятан хорджун. Сума его была в целости и сохранности. Никто к ней не притрагивался. Нагнулся и вытащил хорджун из-под войлока. Приволок его на тор, расстегнул крючки. На этот раз, расщедрившись, он дал детям побольше хлеба. «Пока есть золото, еще столько добра будет у меня, - утешал он себя. - Главное - скорее благополучно добраться до спокойного места, а там посмотрим». Затем он бодрым голосом сказал Мадине:

- Завтра сядем на отарбу. Дай Бог, избавимся от этих земель, охваченных голодом. Мадина видела, что Туктибай в хорошем настроении, брови его разгладились, в глазах мелькало что-то доброе, он как будто вольно расправил плечи. И она сделала попытку развеять подозрения, которые тучей сгущались, не давая покоя душе с самого Караултобе. «Как и всякий мужчина, взваливший на себя кучу забот, он нервничал, выходил из себя, потому что ему было трудно, - пробормотала она. - Пропави все пропадом! Чего добьешься, дав

волю обиде и гневу, что изменишь, решишь ли что-нибудь злостью? Если он злился на меня, значит, я сама виновата. Сама виновата в том, что не стал он помогать нести детей. Эй, какому мужчине понравится, если вдова не может забыть умершего мужа, все проливает слезы, все тоскует по нему? Боже ты мой, какая же я глупая! Разве сейчас не такое время, когда надо думать только о жизни? Зная это, как я могла позволить себе так распуститься? И этот бедняга, от хорошей ли жизни тащит с собой за тридевять земель вдову с ее детьми?»

С такими мыслями, успокаивая себя, она лежала неподвижно, следя за тем, чтобы дети не расшумелись, не помешали сну Туктибая, который решил подремать до обеда и уснул, крепко прижав к себе хорджун. Она сделала все, чтобы за скудным ужином произвести впечатление женщины в добром, приподнятом настроении. Постель разостлала уже на закате солнца, пораньше уложила детей спать. Когда среди ночи Туктибай позвал ее, она безропотно встала и пошла к нему. И хотя, какое может быть телесное желание у человека, пережившего голод, потерю близкого человека, это все равно, что дуть на погасшие угли, которые отдают холодом, она не противилась Туктибаю, легла к нему в постель. Она не сопротивлялась, когда он грубо, нетерпеливо принялся раздевать ее. Только вспомнила, что в своей короткой жизни она впервые ложится с мужчиной, не связав себя с ним брачными узами. А затем на ум пришло воспоминание о той ночи в землянке, когда Туктибай впервые сказал ей о тайне казны, а потом приснился сон о Кабыше, холодном и недоступном.

На следующий день, как только солнце встало, Туктибай привел Мадину и детей к зданию из красного кирпича. Возле разъезда было безлюдно. Только на путях виднелись два-три человека, которые были чем-то заняты. И еще из каждой мазанки вышли по несколько человек в далбях с пешнями и трезубцами в руках, они направились на запад в сторону Сырдарьи.

Никто не подходил к ним, чтобы отогнать от путей или чтобы позвать к себе. Сколько ни озирался Туктибай, вытягивая шею, белобородый не показался на глаза. Чтобы войти в здание и выяснить кое-что, у него не хватало смелости. Больше им ничего не оставалось делать, как до боли в глазах смотреть на запад, куда убегали железные полосы, положенные на ребристые бруски дерева.

Хотя ей было нечем заняться, Мадина тоже заразилась волнением Туктибая, в этих переживаниях, попытках убить время наступил полдень. Глядя на некоторые дома, рядом с которыми не было никакого движения, можно было понять, что дьявольский голодомор прошелся смерчем и над здешним народом. И она благодарила Бога, что не осталась одна в степи с детьми, а обрела покровительство такого азамата, как Туктибай.

Вдруг с западной стороны на фоне чистого неба показались клубы черного растущего дыма. Она с удивлением смотрела на дым, не понимая, что это такое. Туктибай, который сидел в стороне, примяв задом хорджун, всполошено вскочил с места:

Ой-бай, собирайся, едет отарба! - закричал он.

Не зная, как ей собираться, она взяла за руки детей и подошла поближе к железной дороге. Туктибай снова обрушил на нее свой гнев:

Эй, вы что, смерти ищете, что ли? Если отарба затянет вас своим дыханием и разрежет на куски, что будете делать тогда, а? Отойдите вот сюда.

Хотя Мадине не верилось, что отарба «затянет своим дыханием», она отошла с детьми на указанное расстояние. Далеко-далеко из-за гребня холмов, что у горизонта, развеивая шлейф темного дыма, показалась какая-то штуковина, похожая на черного жука, она поминутно стала приближаться, все разбухая и вырастая в размерах.

Хотя Мадина ошеломленно следила за отарбой издали, чем ближе она становилась, тем тревожней колотилось сердце, словно на нее неистово мчался бык - великан, взбешенно раздувая пар из ноздрей с неслышанным, чудовищным звуком, молотившим по земле всей округи, и от всего этого ее прохватило морозной дрожью. Она оглянулась на Туктибая, и по его изменившемуся виду поняла, что он испытывает те же чувства.

Наконец отарба, волоча за собой множество небольших деревянных домиков на колесах, остановилась перед зданием из красного кирпича. И тут же, издав душераздирающий вопль, от которого заложило в ушах, снова тронулась с места. Туктибай, растерянно застывший на месте, пришел в себя. Он кинулся к человеку в дверях вагона, который держал желтый флажок в руках.

Тамыр, возьми меня. Нас всего четверо, - умоляюще обратился он к нему, растопырив четыре пальца. А затем, словно забыв про Мадину с детьми, оставшихся позади, вцепился в ручку домика на колесах, который начал двигаться быстрее. - Тамыр, я заплачу! Забери меня с собой!

Туктибай уже вопил отчаянным голосом:

Забери!

Голубоглазый человек с флажком в руках, поняв, что ему не уговорить казаха, рвущегося внутрь вагона, вдруг упер ногу ему в грудь и с силой оттолкнул его в сторону. Туктибай с хор-джуном в руках кубарем покатился по земле и с трудом поднялся. Поняв, что не имеет смысла бежать за отарбой, прытко набирающей скорость, он весь как-то увял, поплелся к хорджуну, лежавшему в пяти-шести метрах. А шустрые, прицепленные к отарбе домики на колесах все дальше удалялись от здания из красных кирпичей.

Возле железной дороги не осталось никого, кроме них четверых. Туктибай поправил на голове далбай.

Сукин сын, смотри-ка, пнул меня в грудь, - со злостью пробормотал он, и перед его мокрыми глазами вдруг все зарябило. - Опозорил меня, а. В этой степи ни один человек и пальцем не смел тронуть меня, а этот чужеземец из отарбы другого народа запятнал меня несмываемым позором. Эх, пропащая жизнь, сколько их, даже последних бродяг из чужого народа, привечал, усаживая на тор, а теперь они плюнули на меня, отвергли единственную мою просьбу.

Он почувствовал, что с этого дня, когда получил от чужака пинок в грудь... он, на которого в родном народе и дыхнуть не смели, отныне обречен каяться и горько сокрушаться, кусая пальцы. Только не мог понять, за что каяться и сокрушаться. Больше ему ничего не оставалось делать, как увести обратно в мазанку женщину и детей, которые, не понимая, что произошло, ошеломленно таращили на него глаза.

В старый дом Туктибай вошел, мрачный как туча, утопая в своем горе. Повалившись на тор, он погрузился в горестные терзания. «Апырай, и почему я не показал золотую монету чужеземцу в дверях вагона, чтобы заморочить ему голову? - все думал он о своей неудачной попытке сесть на отарбу. - Как я мог забыть, что при виде золота даже ангел сбивается с праведного пути?.. Ну, допустим, дал я чужеземцу золото... А он посадил меня на отарбу... Что потом? Поняв, что у меня в хорджуне казна, разве не попытался бы прикончить меня? Чего ему опасаться? Что найдутся люди, которые привлекут его за убийство какого-то бродячего казаха? Да, так бы и поступил он. Прикончил бы. А ведь надо признать, что Бог спас меня, не дав обмолвиться про золото. Оказывается, есть для меня в этом мире светлые денечки, есть еще хлеб и соль».

Затем он переключился на другие мысли. «Хватит мне тащить за собой этих троих, - думал он, видя причину своих бед в женщине и ее детях, которые не отставали от него. - Сейчас каждый должен думать о себе. Я тоже должен заботиться о пользе для себя самого. А для этого должен я улизнуть из этого проклятого дома и убраться отсюда пока жив и здоров... Если экономить хлеб, в хорджуне его должно хватить на неделю. А если хватит на неделю, почему бы мне не вернуться обратно в пески Жынгылсая за остатками казны? И тогда почему я не спрячу, что смогу унести, в карманы, что не поместится - не зашью во внутренние карманы бешмета, а не в хорджун? И тогда, если приметивший что-то человек вцепится в хорджун, после некоторой борьбы, почему бы не отдать ему суму. Ну и пусть, собака, забирает себе на радость хорджун. Только надо скорее незаметно унести ноги отсюда. Когда я уберусь из этих мест, пусть хоть трава не расти!.. Меня это не заботит».

Мадина проснулась оттого, что, не помещаясь в груди, тревожно билось сердце. В страхе она оглянулась на детей, они лежали на своих местах. Затем посмотрела на постель Туктибая, она была пустая. От недоброго предчувствия дрожь пробежала по всему телу. «Возможно, вышел во двор по нужде», - попыталась объяснить его отсутствие, однако на душе было беспокойно. Руки и ноги продолжали мелко подрагивать, она поднялась и вышла наружу.

Над степью уже брезжил ранний рассвет. На небольшом удалении от железной дороги, храня свою мрачную тайну, угрюмо темнели небольшие мазанки. А дальше за дорогой, словно горбы лежащих верблюдов, сутуло чернели холмы и увалы, еще окутанные сумерками, не очнувшиеся от ночной дремы. На юго-западной стороне по обоим берегам

Сырдарьи тучными чашами стояли заросли камыша, они тянулись до неоглядных далей, до самого горизонта, сливаясь с предрассветной, дымчатой мглой и с ниспадающими штрихами света на далеком востоке.

Глаза Мадины, скользнув по пространству, вдруг опустились вниз на следы человека, видные на песке. словно следопыт, прослеживая сузившимся взглядом цепь вмятин, она нашла следы от плоских подошв сапог Туктибая, подобно печати отчетливо видные на влажном грунте возле мазанки. Идя по этим следам, она дошла до железной дороги. Исчезая вдаль, следы ясно пестрели на узкой тропе, которая тянулась на восток вдоль железной дороги. словно надеясь догнать Туктибая, Мадина, задыхаясь, побежала по тропе в ту сторону, где над горизонтом показался золотой краешек солнца. Через некоторое время, опасаясь, что если будет бежать и далее, дети останутся далеко позади, она повернула обратно. Возвращаясь, она бормотала, пытаясь успокоиться:

- Быть не может, чтобы Туктибай оставил нас. Он ушел по каким-то важным делам. Он еще вернется.

Глава восемнадцатая

С этой вновь пробудившейся надеждой, воспрянув духом, она вернулась в дом, который на время стал пристанищем для них. Зайдя домой, сразу же принялась искать пестрый хорджун. Она не обращала внимания на плачущих детей, напуганных тем, что рядом с ними не было взрослых людей. Не было никакого желания закрывать распахнутые настежь двери. В поисках пестрого хорджуна она перевернула все вверх дном, обыскала весь дом.

Мадина обшарила все, скомкала всю постель, вороша ее вновь и вновь, но так ничего и не нашла. Затем, поняв все, затосковала: «Боже ты мой, на худой конец хотя бы ломтик хлеба оставил?» Однако надежда все еще теплилась в душе: «Туктибай еще вернется», и она не хотела терять веру в него.

Захныкали Куляим и Сергазы, прося есть, она дала им кипяченой воды, сердито буркнув: Потерпите!

Однако Туктибай не появился и в полдень. Не пришел он и к вечернему намазу. Теперь Мадина, как ни пыталась успокоить себя, уже не могла не поддаться страшному подозрению. Мало-помалу ноющая боль все сильнее стискивала сердце, а душа погружалась во тьму безысходности. «Быть не может, - возвращалась она к той же мысли. - Быть не может, чтобы бросил на произвол судьбы беззащитную вдову с ее сиротами. Это не присуще такому азамату, как Туктибай».

Ближе к вечернему намазу Мадина одела плачущих от голода детей, вывела их на улицу. Ведя их за собой, она подошла к железной дороге, туда, где видела утром на тропе следы Туктибая. Издали показалась чернеющая фигура одинокого человека. Она двинулась навстречу. Когда он приблизился, она уважительно обратилась к пожилому мужчине с истощенным, усталым лицом.

Ага, - она помнила, что когда нужно обратиться к незнакомому старшему мужчине, женщине необходимо начинать с этого слова. - Ага, вам не встретился человек в зеленом бешмете?

В зеленом бешмете, говоришь? На голове у него далбай из темно-серого сукна?

Да, да, на голове у него далбай из темно-серого сукна, — встрепенулась Мадина, словно надеясь услышать долгожданную добрую весть от незнакомоного прохожего.

Е-е-е, выходит, ты спрашиваешь у меня про Туктибая?

Да, про него спрашиваю. Вы его знаете?

Как не знать его? Сколько раз были вместе в гостях. Он же писарь прежнего волостного правления Богеткума?

Верно говорите, ага, волостной писарь, - Мадину в данный момент волновала не история прошедшей жизни, ей надо было знать, где Туктибай сейчас, она спешила узнать это. - Когда вы его видели?

Кажется ближе к полудню. Покинул город и давно отдалился от него, как вдруг навстречу из лощины вышел Туктибай. Сам с головы до ног в обновках, на шее пестрый хорджун.

Апырай, а, зачем туда пошел?..

Поздоровавшись, поинтересовался у него, куда путь держит? Сказал, что идет в хлебные края. Однако куда именно, и словом не обмолвился. Ну и я не стал допытываться у него.

Сам сказал, собственными устами? Неужели на самом деле бросил он нас, голодных, посреди дороги в степи? Боже ты мой, что мне теперь делать? Ага, скажите, он не говорил, что вернется на этот разъезд?

Е-е, только теперь понял: этот проклятый, оказывается, ударился в бега от вас. О, подлец, он может! От него все можно ожидать. Он же один из кровопивцев... Не-ет, он не говорил, что вернется... Милая, от этого безбожника не жди и маковой росинки добра, лучше думай, как спасти свою голову. Так будет лучше всего.

Мадина в полном смятении стояла, дрожа всем телом, словно человек, которого, обобрав до последней нитки, ограбили среди бела дня. Сама голодная, опозоренная... Затем, собравшись с силами, крикнула вслед уходящему человеку:

Ага, где сейчас мы находимся?

То ли крикнула слишком громко, незнакомец сразу остановился и обернулся.

Что, в первый раз в этих местах? - задал он встречный вопрос.

Мадина, забыв об опасности, и дабы получить полный ответ, сказала искренне: -Да.

Надо же, бесчестная душонка, подонок, без того обездоленных людей вверх в еще большую беду! - незнакомец выругался в адрес Туктибая, затем принялся объяснять:

В прежние времена люди называли эти места Жеркиндик, с тех пор, как здесь прошла железная дорога, построили полустанок, стали именовать разъезд Коркыта вон по тому мазару.

Мадина посмотрела в сторону, куда показал незнакомец. Сначала она увидела белое поле еще скованной льдом Сыр- дарьи, еще дальше красноватый холм, ближний край которого скалился крутым обрывом, изъеденным речным потоком, а на нем груды мазара с голубыми башенками, накренившегося в сторону реки. Она не задалась вопросом, почему этот мазар не виден с разъезда. Хотя раньше не раз слышала историю про старца Коркыта, который, убегая от смерти, искал страну обетованную, ей впервые в жизни довелось увидеть его могилу, ступать по земле, в которой лежали останки святого. Однако размышлять об этом сейчас она не могла. Ее волновало только одно - во что бы то ни стало, добраться до районного центра, о котором столько слышала раньше. Ей казалось, что только там она найдет спасительную помощь. И сама не заметила, как вслух произнесла эту мысль:

Апырай, в какой же стороне Кармакшы?

Прямо на востоке. Если дойдешь до станции Жусалы, считай, что ты уже в Кармакшы.

Далеко?

Нет, если будешь идти вдоль железной дороги, не так далеко. Тем не менее, сегодня не стоит выходить в дорогу. Если не отправишься в путь рано утром, то ночью замучаешь детей.

Пожилый человек двинулся дальше по своей дороге. А на западе солнце, багрово пламенея, словно стыдясь жестокости, которую причиняли друг другу на земле рабы божьи, медленно опускалось за горизонт.

Глава двадцатая

Мадина вернулась с детьми обратно в мазанку, однако беспокойство ни на минуту не оставляло ее. В тревоге она слонялась по комнате туда и сюда, не зная, что делать, куда преклонить голову. Душу разъедал страх о нависшей над семьей опасности голодной смерти, с не меньшей силой раздирало сердце осознание своей беспомощности, горечь бесчестия, на которое обрек ее Туктибай. Маленькие дети, во рту которых со вчерашнего дня и маковой росинки не побывало, заливались плачем, прося еду. Не выдержав их плача, Мадина вновь принялась искать, шарить по комнате.

Боже ты мой, неужели Туктибай не оставил хотя бы краюху хлеба? - стиснув зубы, шептала она. - Неужели решил обречь нас на голодную смерть?

Сама она была так голодна, что в голове помутилось, все кружилось перед глазами. Впервые в жизни она испытывала такие жестокие муки от желания поесть. Затем, ощущая, что не может взять себя в руки от нервной лихорадки, ведя детей, вышла на улицу. Она хотела обойти дома, где теплится свет, постучаться в двери и выпросить хотя бы жалкие остатки их ужина, чтобы поддержать тающие силы детей.

Мадина с детьми обошла селение, постучала в двери двух- трех домов, в окнах которых теплился свет. Однако изнутри ни одна живая душа не откликнулась ей. Напротив, в домах, где чуть раньше слышался приглушенный людской говор, тотчас обрывалась речь, а свет в окнах гас.

Упавшей духом Мадине больше ничего не оставалось делать, как вернуться обратно в дом. Она отругала плачущих детей, уложив спать, однако голодные дети все равно были беспокойны. Они то и дело с плачем просыпались, умоляя неведомо кого дать им поесть, хныкали. Мадина до самого утра не сомкнула глаз. Она пребывала в каком-то горьком тумане, где смешались печаль, горечь унижения, раскаяние, сердце словно тисками сжимало, в голове кружилось.

С утра пораньше Мадина встала, собрала хворост, разожгла огонь в очаге, вскипятила воду. «Пусть несчастные хотя бы воды напьются, - думала она, имея в виду Сергазы и Куляим, - Тогда на утреннем холодке не так продрогнут».

Мадина одела потеплее согревшихся Сергазы и Куляим, вывела их из дому и вышла на тропу, где остались следы Туктибая. Оглядываясь назад, она видела, как оживают мазанки, от которых они отдалялись: над ними клубились дымы очагов, потом во дворах показались женщины в белых жаулыках, мужчины в далбях, одетые в лохмотья дети. Мужчины, взяв в сараях пшени, трезубцы, сети, направились в сторону Сырдарьи. И Мадина вспомнила

Кабыша. Перед глазами возникла ее землянка на Караултобе. И тогда, уже не в силах сдерживать себя, она зарыдала:

Аллах, в чем наша вина, за что нам такие страдания?

Теперь она думала только об одном, если суждена ей смерть, так лучше умереть в своей землянке на Караултобе. С этой мечтой она шла вдоль железной дороги, подстраиваясь под мелкие шажочки детей, направляясь на восток. С утра прохладный степной воздух начал теперь прогреваться.

Апа, я проголодалась, - сказала Куляим, умоляюще протягивая ручонки. - Апатай, я голодна.

Апа, почему мы не кушаем? - спросил Сергазы, потеряв терпение.

Терпи, солнышко. Дойдем до города, а там все будет. — Мадина, хотя и знала, что в городе их никто не ждет, сказала это, чтобы успокоить детей.

Мадина почувствовала, как сильно ноют бедра, в глазах снова потемнело.

Что это с ним, хотя бы краюху хлеба оставил, что ли? — разозлилась она на Туктибая. - В самом деле, решил уморить нас голодом?

«В чем моя вина, в том ли, что уцепилась за его полы, дескать, мужчина, небось, выдюжит в трудные годы. Но ведь сам подталкивал меня к этому. Или оттого, что покорно стелилась перед ним, делала все, что говорил он?»

Погруженная в грустные мысли, Мадина не заметила, как дети отстали от нее. Когда оглянулась назад, увидела, что Куляим сидит на обочине дороги. Рядом стоял Сергазы. Стараясь уцепиться за сочувственно протянутые руки старшего брата, Куляим подалась вперед, но ноги не удержали ее, и она упала. Девочка опять попыталась встать и снова упала.

Мадина из последних сил побежала к детям. Подбежав, подняла с земли дочурку и прижала к груди. Не в силах успокоить задыхающихся в спазмах, рыдающих детей, она сама села на землю и долго сидела в забытьи.

Мадина, понимая, что, не теряя времени, нужно засветло добраться до города, несмотря на то, что ноги еле держали ее, поднялась. Страдания четырехлетней дочки усиливала боль от стертых до крови подошв. Пришлось взять ее на руки. Взгляд ее упал на личико дочери. У бедняжки губы почернели, лицо увяло, став похожим на ветхую тряпицу. И, напротив, казалось, что голова у нее слишком большая, словно у ребенка после тифа. И тощая шея, словно с трудом держала эту крупную голову. Мадине стало не по себе от странного чувства, будто бы стоит только подняться ветру в тихой, безмятежной степи, как головка эта отвалится.

Девочка, оказавшись в привычных теплых объятиях матери, притихла, но ближе к полудню она опять захныкала, прося поесть:

Апа, проголодалась, дай маленький кусочек хлеба.

Затем, словно поняв, что от матери ждать нечего, начала бредить:

Коке, светик мой, коке, проголодалась я, иди скорее сюда! - закричала душераздирающим злым голоском и принялась рыдать.

Словно раздавленная тяжестью беды, в смятении Мадина оглянулась на сына. Он брел сзади, плача, тоже зовя на помощь отца. И тогда вздох сокрушения огнем вырвался из груди:

Если бы ваш отец был жив, стали ли бы вы так мучиться? Если бы он ходил еще по земле, были бы мы так унижены, растоптаны кем-то, остались бы мы брошенными в дикой степи? Если суждена была нам смерть, умерли бы лучше в своем доме на своих постелях, - плача и обнимая поочередно детей, Мадина принялась проклинать Туктибая:

Чтобы одни колючки были на твоём пути, Туктибай! Чтобы соль пустынь засыпала твои глаза, Туктибай, чтобы до конца срока лить тебе слезы!

Увидев идущих по дороге путников, Мадина вытерла слезы и поднялась. Держа в объятиях Куляим, ведя Сергазы, она двинулась навстречу. Когда они оказались рядом, Мадина страдальчески взмолилась:

Почтенные, дети мои измучились от голода. Дайте хоть немного еды, чтобы поддержать силы.

Ой-бой, милая, дал бы, пусть дойдут до Бога твои мольбы, - ответил ей весь заросший щетиной мужчина лет сорока с щуплой, тощей шеей, одетый в старье. - Мы сами не ели уже два дня. Слышали, что в той стороне есть рыба, вот и плетемся туда, как можем.

Уважаемые, разве вы не идете из города?

Е-е-е, милая, какой это город, одно только название. Наверное, чем у горожан, в степи у кочевого народа положение терпимее.

Остальные, словно не желая тратить силы на разговор, молча прошли мимо. Мадина стояла с открытым ртом, не зная, верить ей услышанному или нет. Затем снова двинулась на восток, где уже миражом виднелось в мареве скопище домов.

У Мадины подкашивались ноги, уже прошло немало времени с тех пор, как подняла на руки Куляим. Невзирая на то, что бедра словно разламывались от боли, а мир тошнотворно колыхался перед глазами, она шла и шла, словно по-прежнему надеясь попасть в город. Мадина не остановилась бы, даже если знала, что в городе не найти человека, который дал бы ей хотя бы половину зернышка. Внезапно, обессилев, она вместе с Куляим упала на мягкую землю. И хотя знала, что нужно быстро подняться, лежать на земле, да еще долго - это плохая примета, однако сил не было даже повернуть голову. Она слышала испуганный плач Сергазы и Куляим, однако была не в состоянии утешить их.

Вдруг издали донесся необычный гул, сотрясающий землю. Он ударил по слуху неподвижно лежащей Мадины. Гул нарастал, надвигался, до дрожи сотрясая, колебля землю. Через некоторое время на железной дороге, которая пролегла рядом, показалась отарба, которая стремительно летела, раздувая клубы пара, истово молотя землю частыми ударами. Мадина заметила, как из окошка одного домика на колесах, прицепленного к отарбе, вылетел какой-то белый бумажный сверток. Мадина по-своему поняла, чем может оказаться этот сверток, сначала на четвереньках устремилась к кувыркающемуся комку, потом встала на ноги и, шатаясь, побежала. Она искала сверток среди множества камней, наваленных под железными полосками и ребристыми брусками дороги. Долго искать не пришлось. В бумаге оказались скорлупа от яйца и обглоданная рыбья кость. Не стала брезговать. Крепко держа в руках неожиданную добычу, посланную судьбой, побежала обратно туда, где остались дети. Затем они трое разделили скудную еду и долго ее обсасывали, с жадностью жевали, не оставляя ничего.

Необыкновенный вкус вяленой рыбы разлился по небу, и они, словно бальзама, вкусив рыбьей кости, только облизывались. И в желудке стало еще сильнее сосать, вызывая голодные спазмы, рот наполнился слюной. Мадина, зная, что ничем не может помочь детям, которые опять начали теревить ее, прося поесть, посадила на спину дочурку, и, покачиваясь, с трудом поднялась на ноги. Затем, ткнув локтем беспокойно хнычущую Куляим, отругала ее:

- Чтобы звука от тебя не слышала, не то оставлю в степи.

Сказанное, наверное, подействовало, назойливый плач Куляим понемногу стал утихать. Теперь можно было идти дальше, однако Мадина, словно безумная, повторяла с каждым шагом: «Оставлю тебя, оставлю тебя». И хотя поначалу внутри нее что-то удивлялось этим словам, несвойственным ей, тем не менее, сознание вновь помутилось, и она опять стала твердить эту фразу, хотя сам их тревожный звук вызывал саднящую боль под сердцем. Увидев тело человека, неподвижно лежащее на обочине дороги, она подумала, отвлекая себя: «Бедняга, от голода умер», но затем опять принялась бормотать: «Должна оставить Куляим, иначе все мы трое погибнем». И словно желая намекнуть детям об этом, она сказала, повысив голос:

Мы, идя так, все трое погибнем. Голодный человек, неся ношу на спине, разве дойдет до цели?

Идущий следом Сергазы, прильнувшая к спине Куляим как будто молча внимали матери. Так казалось Мадине. Через некоторое время она снова продолжила:

Куляим, сейчас я оставлю тебя на дороге, там, где часто ходят люди. Ты посидишь там, пока мы с Сергазы не сходим домой на Караултобе и не принесем еду.

Я не останусь, я тоже пойду домой, - Куляим, словно боясь соскользнуть со спины матери, вцепилась маленькими пальчиками в ворот материнского чапана, испуганным голосом залепетала. - Апа-у, коке принесет рыбу, мы сварим и все будем есть, да?.. Пока вы придете,

меня же съедят собаки... Апа, если я заплутаю, как вы с Сергазы найдете меня?.. Апа, если меня оставите, пока вы будете идти, я умру от тоски...

Как ни силилась Мадина не внимать голосу дочери, но назойливая мольба Куляим так действовала на нее, разъедая нервы, раздирая душу, что она едва переставляла ноги. Невыносимо ломило в пояснице от тяжести ноши, теперь она думала только об одном - как бы скорее доставить дочь до показавшейся зимовки. Упорно шагая вперед, она уже верила в то, что твердили губы: «Если не оставлю Куляим, мы трое не доберемся до цели».

До зимовок Кармакшы, которые простой народ почему-то громко называл городом, ведя за руку Сергазы и неся на спине Куляим, Мадина добралась с превеликим трудом к вечернему намазу. Первое, что бросилось в глаза Мадине, когда оказалась на улице города, - арба, доверху нагруженная трупами людей, истощенные прохожие, похожие на тени, которые молча брели по своим делам. Двое мужчин подбирали за руки и ноги лежащих там и сям мертвецов и, раскачав, с натугой закидывали в телегу и шли дальше, к другим трупам, ведя лошадь под уздцы.

Мадина поняла, что если останется здесь на ночь, то скоро ей место найдется среди этих не погребенных несчастных. Даже маленькая Куляим почувствовала, что услышанные от матери слова о том, что все они трое могут умереть, близки к тому, чтобы оказаться правдой.

Апатай, не оставляй меня, - залопотала она умоляющим голосом. - Я сама пойду.

Вскоре Мадина поняла, почему улицы зимовок пустыньны, весь народ черным сбором столпился возле большого здания около железной дороги. Мадина почувствовала, что большинство из них искатели далеких земель, где нет голода, хлебного края чужого народа. Горечь заплыла в душе жгучим огнем, когда она осознала, что со своими двумя детьми никогда не доберется до этого хлебного края, где много талкана. И еще поняла она, что если не направит стопы обратно, то здесь она не проживет и одного дня.

Она опустила Куляим на землю, перешла на южную сторону железной дороги, где пересекалось сразу несколько ее рядов, подошла к высокому большому зданию из красного кирпича с огромными дубовыми дверями, усадила дочь на скамейку прямо рядом со входом. Маленькая Куляим, почувствовав, что началось что-то страшное, забыв о том, что голодная, устала на мать, моргая испуганными глазенками.

Апатай, теперь не буду плакать. И не голодная я вовсе, только не оставляй меня, апатай, - взмолилась она жалобным голосом.

Не бойся, душа моя, - стала утешать ее Мадина, зная, что обманывает дочь. - Скоро я вернусь и заберу тебя.

Мадина, ведя Сергазы, отошла в сторону.

Апа, я не буду плакать, я буду ждать... апа-а-а!..

Печальный и обиженный голос маленькой девочки, пронизанный страхом и тоской по уходящим родственникам, еще долго разносился над ночными кварталами, пробуждая эхо, пока силуэты Мадины и Сергазы не канули во тьме.

Вдруг Сергазы прильнул к ногам матери.

Апажан, не оставляй Куляим, апажан! Она же маленькая, плакать будет, апа-а!

И Мадина, обнимая Сергазы, разрыдалась, издавая стоны, словно верблюдица, потерявшая верблюжонка. Тем не менее, назад не повернула. Она уже знала, что если вернется за Куляим, они погибнут все трое.

Теперь талой красной воды поверх льда Сырдарьи стало больше, она выступала далеко за русло. И даже тогда путники по двое-трое перебирались по льду на другой берег. Мадина разделась, закатала штаны, посадила Сергазы на спину, по обжигающей воде вброд, потом по льду и снова по протокам перебралась на другой берег реки. Снова одеваясь, она подумала, что если наведается в дом брата Жумабека, то, быть может, спасется от когтей голодной смерти. Повинуясь этому безотчетному чувству, она спросила у первого встречного человека:

Покажите дорогу на Коктобе?

К Коктобе доберешься по этой большой дороге. Если будешь идти прямо, не сворачивая, не собьешься. На этой дороге никто не заблудился. Спрашивай у встречных, покажут тебе.

Когда мы дойдем?

Если будешь идти быстро, завтра утром к саске, медленно будешь идти, то завтра к полудню.

Мадина и Сергазы напились из реки и безостановочно шли по большой дороге до заката. Мадину утешало то, что Сергазы пока мог идти сам.

По пути они все время видели людей на обочине дороги, умирающих в муках голода. И с каждым увиденным трупом все настойчивей, упрямее шла вперед Мадина, решившая во что бы то ни стало спасти свою семью. Она нещадно подгоняла себя, чтобы не оказаться жертвой голодной смерти. Не обращала внимания на то, что кровоточили растрескавшиеся подошвы, что легким не хватало воздуха. И никак не могла избавиться от видений о сытой, обильной еде, как в благополучные времена, которые снова и снова вспыхивали перед глазами.

Не успело скрыться солнце, как на западе показался полумесяц, похожий на конскую подкову, он лил на землю слабый свет, показывая направление дороги. Мадина хотела идти, пока не закатится луна, но ее остановил плач Сергазы. Она поняла, что терпения сына в борьбе с голодом и мучениями дороги хватило только до этого места. Если идти дальше, он не выдержит, тем не менее, попыталась ободрить его.

Что, душа моя, ноги болят? — спросила она.

Апатай, проголодался я, - заплакал Сергазы тихим, почти гаснущим голосом. - Апатай, проголодался я.

Мадина сидела, стиснув зубы. Единственное, что могла - обняла сына и сидела рядом на земле. Вдруг послышались голоса идущих людей, Мадина быстро подняла голову. К ним уже подходили двое-трое человек. Увидев Мадину и ребенка, они испуганно заторопились прочь.

Уважаемые! - заголосила сразу же Мадина и вскочила. - Уважаемые, умираем от голода, дайте что-нибудь поесть!

Встречные люди, мужчина и женщина, увидев, что перед ними не вооруженные грабители, а простая, безобидная женщина с ребенком, нерешительно подошли к ним.

Мы сами, как говорится, еле-еле душа в теле, но вот жена моя мерзнет, если дашь чапан, то чем-нибудь поделимся.

Мадина не задумываясь, сняла чапан и подала им:

Вот, держите.

Мужчина передал чапан жене, сунул руки за пазуху, поискав там, вытащил горбушку засохшего хлеба, положил в ладони Мадины, и они двинулись дальше.

Оставшись без камзола, Мадина сразу почувствовала пронизывающую ночную прохладу, однако, невзирая на это, отщипнула кусочек и дала сыну, затем положила себе в рот дольку с кукурузное зернышко. Она не стала слушать сына, который умоляюще протягивал руки. Она боялась, что если даст больше, это может повредить скукоженному от голода желудку. Тем не менее, еще долго отщипывала по кусочку и клала в рот ребенку.

И, о чудо, оживший мальчик не только пошел сам, но и бойко побежал рядом. «Боже ты мой, - с грустью подумала Мадина. - Оказывается, продавая одежду, можно добыть пропитание для желудка. Почему я не знала этого? Если бы так делала там, и добыла такой хлеб, оставила бы в живых Куляим. Даже с такой горбушкой хлеба смогли бы добраться до Караултобе».

Хотя Мадина знала, что в землянке на Караултобе ее никто не ждет, она предчувствовала, что от голода не умрет. Но каким образом выживет - пока не хотела ломать голову над этим.

Подкрепляясь небольшим запасом хлеба, Мадина и Сергазы шли всю ночь, и ко времени саске утром дошли до Коктюбе. Она еще издали узнала дом брата Жумабека. Женге Зылиха расхаживала во дворе дома. Увидев издали Мадину и Сергазы, она сразу скрылась из виду. Мадина не сразу поняла смысл поступка женгей. Тут же с ходу подошла к двери и постучала. Потом потянула на себя, однако дверь не поддавалась, потому что накрепко была заперта изнутри. Думая, что женгей путает ее с кем-то посторонним, она постучала в окошко, подала голос. Ни звука в ответ.

Нет, эта баба, хотя и признала меня, не хочет открывать дверь, - стиснув зубы, пробормотала она. - Все равно, пока не открою эту дверь, не уйду! Если это не сделаю, жить после этого - все равно что умереть.

Кровь бросилась в лицо Мадины, она ухватила за ручку обеими руками, потянула на себя со всей силы, и старая, ветхая дверь вместе с косяком повалилась на нее. Не обращая

внимания на плач маленького ребенка в доме, Мадина ворвалась в комнату и принялась переворачивать постель, ворошить посуду, разбрасывая в стороны.

Сыргалым⁵¹, это ты? Что ты ищешь? - спросила ошеломленная женгей Зылиха, однако Мадина даже не повернулась в ее сторону.

Мадина нашла зерно в кебеже, которое стояло на торе, зерно оказалось на самом дне. Оно было в маленькой торбе, которая, чтобы не было видно стороннему взгляду, сверху была завалено тряпьем и старой одеждой. Она зажала торбу под мышкой и молча вышла во двор. Как только она направилась к двери, Зылиха с мольбой вцепилась в ее полы:

Сыргалым-ау, что ты делаешь, почему все уносишь? Ты же убила своих племянников, теперь мы же пропали! Или ты хочешь съесть живьем собственного брата? Чем забирать это зерно, ты лучше убей меня, не оставляй в живых! - с надрывным стоном Зылиха вцепилась в полы Мадины.

То ли Мадина действовала из животного инстинкта, спасаясь от близкой голодной смерти, то ли на самом деле обезумела, она оторвала от себя пальцы женгей и выбежала во двор.

Во дворе, облокотившись о пешню, со скорбным выражением на лице стоял старший брат. Растерянная Мадина робко глянула ему в лицо, однако не заметила ни гнева, ни горечи в его глазах. По обветренному лицу брата струились безмолвные слезы.

Вдруг Мадина опомнилась, словно вырвавшись из какого-то тумана. Она зашла домой, взяла тазик, стоявший возле печи на ребре, поставила на ровное место. Развязала горловину торбы, высыпала красное отборное зерно в тазик. Оно так и хлынуло теплым ливнем. А когда на дне торбы осталось зерна на две-три кесешки, завязала обратно мешочек и, ведя за собой Сергазы, вышла на улицу.

Они снова вернулись на дорогу, ведущую в Кармакшы, заспешили по ней, торопясь найти Куляим. Время от времени они останавливались, чтобы поесть сырые зерна, и силы как будто вернулись к ним, они шли ходко. Не как раньше, она то и дело несла на спине изнемогающего сына. В лихорадочной ходьбе они дошли до Кармакшы на следующий день утром. Они бежали по кривым грязным улочкам, пока не оказались возле вокзала. Народ садился на отарбу. Увидев пустую скамейку, Мадина зарыдала и кинулась бежать. Где только ни искала, Куляим не нашлась. Спрашивала у всех встречных, никто ничего не знал. И тогда в черной смертной тоске она принялась проклинать Туктибая:

Чтобы тебе не знать еды, чтобы земля перестала носить тебя, Туктибай! Чтоб твои глаза засыпало солью!

Потеряв надежду найти Куляим, Мадина, ведя за руку Сергазы, отправилась в обратный путь. Они шли день и ночь, и на следующий день добрались до песков Жуалькума. Хотя сама изнемогала, захотелось ей пройти мимо двух кустов песчаной акации в Жынгылсае. Подойдя, она увидела, что земля под кустами, где был вход в казну, переворошена. На песке ясно виднелись следы от плоских подошв туктибаевских сапог.

Проклятый, забрал остаток казны и унес в своем хорджу- не, - пробормотала Мадина, с горечью глядя на пустой сундучок, лежавший в песках. - Думая, что азамат, попалась в руки дьявола, обворовал всю, ни гроша не оставил, откуда мне было знать, что все так кончится? Доверившись ему, думала ли я, что запятнаю свою честь, потеряю дочь, одну из двух светиков моих, которую берегла, как зеницу ока, что останусь безутешной, словно верблюдица, лишившаяся верблюжонка? Прости меня, Кабыш, прости за то, что не смогла сберечь клятву, которую ты дал Сатыбалды. Прости за то, что обманулась, приняв за мужчину подонка, за то, что возмечтала растить детей на хлебной земле. Прости за то, что потеряла жеребеночка моего, Куляим!

Дойдя до Караултобе, Мадина с того же дня, засучив рукава, принялась за дела. Идти к брату, жизнь семьи которого висела на волоске, не хотелось. Было бы невыносимо тяжело признаться ему, что, обманутая, последовала за Туктибаем и по дороге потеряла Куляим. Хотя запаса зерна должно было хватить на несколько дней, она решила не дожидаться черного дня. Решив попытать счастья, взяла с собой Сергазы и отправилась к Улыколю. В этой стороне озеро еще не освободилось ото льда, берега были затоплены красной талой водой. Поневоле обходя берега, к полудню они дошли до Караозека. Караозек давно очистился от ледяного поля, черная вода с журчанием струилась по руслу, выдавая течение.

⁵¹ Сыргалым - обращение женщины к сверстнице, то есть та, с которой одновременно надели сережки на уши.

Мадина, расхаживая среди густых зарослей камыша, нашла сачок Кабыша. Тогда она разделась, по грудь вошла в воду. Замерзая в ледяной воде, так что зуб на зуб не попадал от стука, она молила Бога послать ей что-нибудь на пропитание.

Бог словно услышал ее мольбы, ловушки были переполнены рыбой. Они вытащили из ловушек около двадцати крупных рыб. Мадина, впервые видя такой улов, едва не потеряла сознание от радости. Радуюсь, она все же подумала о Куляим: «Жеребенок мой, когда твоя мать поймала столько рыбы, где же ты сейчас, что с тобой происходит? Боже ты мой, какая я несчастная мать, что потеряла тебя!»

Каждый раз, вытаскивая рыбку, Мадина слышала душераздирающий плач дочери, и, двигаясь в воде, она бредила, разговаривая с маленькой дочуркой, кровиночкой своей, которую оставила по дороге. В конце концов, ее руки зацепили сачком и вытащили со дна неожиданную вещь - айбалту, которую она видела некогда, в феврале месяце, когда по пути к Майлыколю они с Кабышем повстречались с Туктибаем, топорик был прицеплен к его поясу. Мадина с удивлением разглядывала айбалту.

С этого дня, питаясь жирной ухой, Мадина и Сергазы стали быстро поправляться. Лишнюю рыбу, оставшуюся от еды, Мадина, посолила и развесила сушиться. В свободное время Мадина отправлялась искать могилу Кабыша. Однако, сколько не бродила, по всему берегу Акку не могла найти места, похожего на могилу. И тогда задумала она вновь отправиться в Кармакшы, чтобы поискать Куляим.

Как-то раз они с Сергазы шли на рыбалку к Караозеку. Сергазы был в приподнятом настроении, он знал, что скоро с матерью пойдет в Кармакшы на поиски сестренки. Поэтому он бежал впереди. Когда они дошли до залива Акку, он скрылся среди зарослей камыша. Вдруг Мадина увидела сына, который опрометью мчался к ней, она кинулась навстречу.

Что случилось? Все хорошо? - спросила она. Переводя дыхание, запыхавшийся Сергазы показал пальцем в сторону зарослей и, заикаясь, сказал:

Вон там коке...

Ничего не понимая, ведя сына, Мадина вошла в заросли камыша и остановилась, словно громом пораженная. Затем, с ревом упав на тело мужа, потеряла сознание. Прошло немало времени, прежде чем сознание не вернулось к ней. Придя в себя, Мадина занялась похоронами мужа. Волоком вытащив тело из зарослей, они увидели зияющую рану на спине — рубящий след от топора. И тогда, проливая горькие слезы, она вновь прокляла Туктибая:

Чтоб путь твой был устлан колючками, Туктибай! Чтоб на твоём пути были только солончаки! Чтоб небо над твоей головой было в тучах, и каждый твой день был джутом. Чтобы глаза твои засыпало песком, Туктибай!

Старое горе, хотя и тяжелое, но без мук оно. Когда Мадина нашла доказательство и убедилась, что муж был убит Туктибаем, в сокрушении по поводу своей наивности, заболела от переживаний и три дня лежала в постели. Через три дня, поднявшись, Мадина сразу же отправилась искать Куляим в Кармакшы... После этого, Мадина, как только освобождалась от рыбалки или работы на посевах в пойме реки, уходила на поиски. Она исходила окрестные селения, аулы, тропа от Караул- тобе на север стала привычной для нее.

Через месяц она поняла, что беременна от Туктибая. Зная это, не желая рожать от врага своего, она кручинилась, горевала... Однако ребенок, которому было суждено увидеть белый свет, минуя все беды, родился живым и здоровым в январские лютые морозы через девять месяцев. Мадину так и подмывало уморить голодом ребенка, как капля воды, похожего на Туктибая. Однако, не выдержав плача дитя, совала ему в ротик грудь. Порой ей хотелось утопить в проруби змееныша, вышедшего из ее чрева, но всякий раз, дойдя до берега Улыколя, она возвращалась обратно домой. А ребенок, родившийся от человека со светлой кожей, но с черной душой, рос не по дням, а по часам, превращаясь в подростка. Делать было нечего, Мадина назвала его Токшылыком⁶⁸.

Шли годы. Народ забыл о прежней вольной кочевой жизни. Он подчинился советской власти, словно отара овец или табун прирученных лошадей, покорно следуя туда, куда указывала камча каменесов. Мадина, которая по-прежнему жила на Караултобе со своими двумя сыновьями, вынуждена была вступить в колхоз. Не зная, что такое отдых или отпуск, не покладая рук трудилась со всеми вместе. После голодомора значительно поредевший народ говорил о пережитом бедствии, о его страшных подробностях только шепотом, да и то на перекурах или обеденных перерывах. Мадина же молчала. Никому не выдавая пережитого горя, проводила дни свои в тихой печали, оставаясь наедине со своей незаживающей раной.

Однажды, взяв с собой детей, она отправилась к далекому полевому стану.

Мадина! - окликнул ее кто-то, она вздрогнула и оглянулась. Оказывается, к ней незаметно подошел Жиенкул. Они не виделись уже много лет. Жиенкул заметно постарел. Выразив ей соболезнование по поводу смерти мужа, он присел на корточки, провел ладонями по лицу. Только после того, как Жиенкул произнес положенные слова и обвел ладонями лицо, Мадина спросила, как живет его семья. Подозвала детей, сказала им:

Поздоровайтесь с дядей.

Ой, аналайын, Сергазыжан, ты ли это? Тьфа, тьфа, чтоб не сглазить, да ты, гляжу я, уже азамат, - обрадовано сказал Жиенкул, похлопав подростка по спине. - Не зря говорят: «Сын следует по стопам отца». А ты кто, чей сын? - спросил Жиенкул, пожимая ладошку Токшылыка.

Кабыша.

-Е-е-е, Кабыша, говоришь? Младший, да... Хорошо, хорошо. Ну, ладно, идите... Будьте счастливы.

Увидев Токшылыка, Жиенкул поразился сходству мальчика с Туктибаем. Прямые брови, глубоко посаженные серые глаза, рыжие кучерявые волосы, приплюснутый нос, - ну, вылитый Туктибай. И словно захотелось ему поделиться печалью, которая уже много лет тяготила душу, заговорил он о старых временах, поневоле затронув тему большого разговора.

Я говорю о голодоморе, который в те годы выкосил народ. Мадина, если ты лишилась Кабыша, то я потерял мать и сына, славного мальчика, - сказал он.

«Он не знает, что я потеряла Куляим, - подумала Мадина. - Жиенкул, дорогой, я тоже лишилась двух человек из своей семьи».

Был у нас небольшой запас зерна, — продолжил разговор Жиенкул. - Мы надеялись, экономно добавляя его к бульону из рыбы, дотянуть как-нибудь до весны. Однажды я пошел на рыбалку, взяв с собой Зауре... Кстати, это в тот день, когда вы с Кабышем встретились нам на гребне песчаного увала Алтай. Да, именно в тот день. Кто-то с завязанным лицом ворвался в наш дом и, невзирая на сопротивление моей матери, унес зерно, вытащив его из тайника. Бедная мать, она не перенесла голодных мучений своих внуков. До самой своей смерти она твердила: «Даже если прогневаю Бога, скажу - вор, ограбивший нас - Туктибай. И голос, и походка, и повадки его». После смерти матери скончался один из моих сыновей. После этого, засушив немного рыбы, мы сели на отарбу и уехали в другие края. В поезде нам сказали, что, для того чтобы уехать на юг, нужно выйти, и мы сошли на станции Арысь. Раньше, когда были на родине, думали мы, что мрут голодные люди только нашего края. Оказывается, мы ошибались. Во время этого странствия я увидел, что голодом охвачена вся казахская земля. Там мы видели — куда ни шагнешь, всюду лежат трупы умерших людей. На станцию валило множество истощенных людей и с далекого севера, откуда и на коне трудно добраться, и с востока, и с запада - люди тащились со всех сторон бесконечным потоком. Расспрашивая людей, порой мы диву давались. Впервые мы увидели тогда немцев и русских, прибывших с Поволжья, толпящихся людей, которые называли себя «украинцы». У кого только не спросишь, все отвечали: «Едем в хлебные края». А сами они толком не знали, не ведали, где находятся эти земли. Хотя мы с Зауре, ведя одного ребенка за руки, другого неся на спине, с превеликими мучениями добрались до чужих краев, там никто не встречал нас с распростертыми объятиями. Пришлось искать работу, умолять, чтобы наняли. С утра до вечера я пропадал на поле с кетменем в руках, Зауре мыла полы у хозяев, стирала белье, подметала двор. Хотя заработанного едва хватало на то, чтобы поддерживать силы, мы были рады и этому.

Потому что переселенцы продолжали прибывать с каждым днем. Где им всем найти работу? Да и кто приветит себе во вред человека, не привыкшего к черной работе, если, не говоря о суровой зиме, работы не было даже в теплом мае месяце? Но даже и тогда отчаявшиеся люди совершали немало безрассудных поступков. Те, у кого ничего не было за душой, вынуждены были ходить с протянутой рукой. Станет ли истощенный бедолага думать о законном или незаконном, если он на краю голодной смерти? Попадется ему на глаза что-нибудь съестное - схватит и убежит. Разве пожалеет возмущенный хозяин такого вора? Если догоняли, - били тем, что попадет под руку, пуская кровь вору. Были и такие, кто науськивал цепного пса, чтобы другим неповадно было. Пес, бывало, загрызал беднягу. Живой остался - скажи спасибо. Умрет - так спрашивать некому, все шито-крыто. Люди не утруждали себя погребением несчастного, отвлакивали в лощину, там присыпали землей. С сомнением глядя на потупившуюся Мадину, которая, как ему показалось, невнимательно слушала его, Жиенкул продолжил свой рассказ:

Однажды в полдень во время обеденного отдыха решил я выпить чашку чая. Только уселся я, как прибежал запыхавшийся старший сын, крича: «Ага, собака рвет только что приехавшего казаха!» Всполошенный, я вскочил, побежал туда. А там уже собрался народ. Огромная с теленка собака навалилась на человека в зеленом плюшевом бешмете. У этого человека на шее был мешочек из красной ткани, а из-за пазухи сыпались всевозможные золотые и серебряные изделия, сверкая на солнце, притягивая взгляд. Мне показалось, что собравшиеся были поражены не тем, что собака терзала человека, а видом горки золота. Наконец в толпе кто-то изумленно выкрикнул:

Ой-бая-яй, это же наш Туктибай! Это же писарь старого волостного Туктибай! Надо выволить его!

Мадина, молча внимавшая этой истории, вдруг резко подняла голову. Видно было, что она хочет что-то спросить. Однако отчего-то замялась и с потупленным видом стала слушать продолжение рассказа.

Этот человек, лежавший под псом, не обращая внимания на то, что лицо, шея были уже в крови, невзирая на то, что зубы тобета⁵² с каждым рывком все глубже впивались в его горло, прохрипел: «Не трогайте тобета! Пусть рвет, терзает меня! Мы тоже в свое время терзали, рвали на части свой народ!» И в его голосе было такое раскаяние, что шумящий народ притих как один человек. Тем не менее, собравшиеся люди не смирились с тем, чтобы его терзали, как сам он хотел, и оттащили собаку. Я подошел поближе, чтобы посмотреть. Прежнего Туктибая в нем было трудно узнать, лежит старик - глаза заросли бельмом, волосы белые, как снег, грудь залита кровью.

Бедняга, уже испустил дух, - сказал кто-то. В такой трудной ситуации нельзя было просто уйти, дескать, пришел, увидел и ушел. Собравшиеся люди, посоветовавшись, решили похоронить его скорее. Принесли кетмени, лопаты, носилки для переноски трупа. Кто-то в толпе, показав пальцем на кучку золота и серебра, сказал:

А с этим что делать?

Там были два-три старика. Они, переговорив между собой, приняли решение:

Закопайте вместе с ним. Какая польза от награбленного, отнятого у народа золота? Пусть уйдет в землю вместе с ним.

А то, что на шее?

В мешочке, который на шее, говоришь? Что в нем?

Земля.

Е-е-е, земля, говоришь. Понятно. Бедняга, видимо, потерял надежду вернуться на родину в ближайшие годы... Не трогайте его.

В конце концов, все так и сделали. Не до савана было, конечно, и омыwać некогда, в той же одежде похоронили его, прочитав молитву. На следующий день с утра пораньше мне надо было успеть на поле, чтобы взрыхлить землю кетменем. Дорога проходила мимо лощины, что за кишлаком, прозванной казахским кладбищем. Проходя мимо, обратил внимание на что-то белое, лежащее на земле. Подошел ближе и увидел, что это Туктибай, который был похоронен нами вчера. Ночью грабитель разрыл могилу, вытащил труп наружу, забрал все золото и серебро, мало того, снял даже одежду. Не тронул только красный мешочек на шее,

⁵² Тобет - казахская порода собак.

в котором была земля. Хотя и спешил я, не хотелось, чтобы тело казаха расклевали вороны и стервятники.

Опустил тело опять в могилу и принялся зарывать. То ли мне было не по себе, то ли дух покойника мерещился, как бы то ни было, из-под земли донесся тот самый крик Туктибая, вырвавшийся, когда его терзала собака:

Не трогайте тобета! Пусть рвет, терзает меня! - услышал я хриплый крик прямо из-под земли. - Мы тоже в свое время, как собаки, терзали, рвали на части свой народ!

И я задрожал, волосы на голове от страха дыбом встали. Веришь ли, Мадина, тот ужасный крик, наводя на разные мысли, до сих звучит в моей голове. Особенно удивило меня то, что он произнес слово «народ». Бывает, серьезно донимает меня мысль, что это было искреннее покаяние, которое разъедало душу покойника, но в другие минуты заставляет задуматься и то, что Туктибай сказал «мы». То есть то, что он обвинил в насилии и жестокости по отношению к народу не только самого себя, но и всех тех, кто был у власти, начиная с ханов и султанов.

Мадина же, молча слушая Жиенкула, какое-то время думала о том, что уже столько лет чуть ли не каждый день, как только вспомнит, последними словами проклинает Туктибая, мерзавца, который убил Кабыша, разграбил заветную казну, запятнал навечно ее имя, принудил оставить по дороге ее кровиночку, маленькую беззащитную Куляим. И теперь, услышав, что этот подонок все-таки раньше ее покинул сей мир, она с грустью подумала о том, что нелегко будет ей погасить огонь горечи, в котором столько лет горело, исходило болью ее сердце.

А затем она дала волю другим чувствам. Скорбя по Куляим, и словно для того, чтобы перемолвиться с духом Кабыша, она задумалась не о казне, собранной чужим человеком, не о помощи, оказанной казахам другим народом, а вспомнила беды и испытания, которые с первых дней мора терпела вместе с мужем. А когда услышала о том, что и под землей, в могиле, Туктибай не нашел покоя от алчности и демонов золота, которое прятал за пазухой, продав за него душу, ее мысли вдруг потекли в другом направлении.

Жалкий выродок, как только слышал о золоте и серебре, готов был на любую подлость, лишь бы прибрать к своим рукам, - сказала она. — Словно золото могло заменить ему весь мир.

- Да и как бы заменило? - подхватил ее мысль Жиенкул. - Кто добрался до истока этого брэнного мира? Презренные вещи преходящи, ничего нельзя удержать в руках, все течет, все меняется, все изнашивается. Мы же своими глазами видели, каково было земле казахской, каково было народу, а ведь вроде бы они не должны были поддаваться смерти... Ладно, заморочил, наверное, тебе голову своей болтовней? Пойду. С чего начался наш разговор, с темы голодомора, да?

Говоря это на ходу, Жиенкул все время оглядывался на Ток шылыка.

Мадина, желая встать, подалась вперед, однако ноги не слушались ее. Увидев это, прибежали Сергазы и Токшылык и взяли ее под руки. Однако Мадина, даже поднявшись на ноги, не стала отпускать сыновей, крепко держась за них. Так они трое двинулись вперед. С правой стороны - уже славный отпрыск друга по сердцу, готовый всегда прийти на помощь, горящий желанием делать людям добро, с левой стороны - другой сын, плод, завязавшийся от существа с черным сердцем, о котором люди вспоминали с гневом и презрением. Оба - плоть от плоти кровиночки, вышедшие из ее чрева. И как ей, бедной, не думать о будущем и того и другого?

А великая степь, играя миражами, безмятежно раскинулась под солнцем, словно ничего не произошло, словно на ее лоне никогда ничего не было, кроме следов праха на все растущей глине.

АДАМ МЕКЕБАЕВ

ТАЙНИК

В

СТЕПИ

(РОМАН)

Перевод Аслана Жаксылыкова

Редактор А. Баирова Верстка Р. Ставер Дизайн обложки А. Макутов

Подписано в печать 10.06.2020 г. Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Объем 16 п. л. Условно-печатный лист 13,44.

Тираж 3000+15 экз. Заказ №384.

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93а.

E-mail: prieminI@daur.kz, zakaz@daur.kz

ISBN 978-601-217-676-6